ISSN 2470-0126 (print)
ISSN 2470-0134 (online)

ВЕСТНИК

ПУШКИНСКОГО ОБЩЕСТВА АМЕРИКИ

Выпуск 10

PUSHKIN
Society in America

/founded in 1935/

Июнь 2021

Содержание

Новости Пушкинского общества 3

Наши истоки 4

Е. А. Москов: Газетная заметка о Николае Рерихе 1937 года 4

Виктория Курченко: Елена Михайловна Тизенгаузен – пианистка музея Рериха 7

Виктория Курченко: Внутренний свет Сергея Голлербаха 10

Калейдоскоп событий 16

Поэзия 20

Олег Ильинский (1932–2003) 20

Парад поэтов Пушкинского общества 27

Наталия Корень: О вечном 28

Павел Лукьянов: Мальчик шёл по тротуару 29

Алекс Щегловитов: Наша ночь 30

Алексей Березин (Нью-Йорк): Пародии 31

Нонна Пидвальна: Женская молитва 32

Алла Сергиенко: Триединство сущности 33

Волга Котт: Детские стихи 34

Борис Борукаев: Разрыв 35

Денис Реентенко: Если шлёшь меня прочь 36

Михаил Жинжеров: Детские стихи 37

Дмитрий Гаранин: Стихи предыдущего тысячелетия 38

Проза наших авторов 39

Инна Грубмайр: Чебурек в «Зуме» 39

Валерий Сосновский: Гугенхайм 42

Анна Немеровская: Бабушкины советы 45

Из классики американской литературы 56

Сол Беллоу: Рукописи Гонзаги 56

Публицистика **75**

Юрий Кириленко: По ту сторону Тулы. Советская пастораль 75

Художники Пушкинского общества **83**

Алекс Контр 83

Нонна Пидвальна 87

Леся Верба 91

К ЧИТАТЕЛЯМ

Мы продолжаем выпускать «Вестник Пушкинского общества Америки», в котором публикуем архивные документы Общества, материалы мировой пушкинианы, информируем о событиях культурной жизни нашей организации, представляем американских и русскоязычных поэтов, писателей, художников и музыкантов. Периодичность выпуска — два раза в год. Рассылка производится всем желающим по электронной почте, а также во многие библиотеки США и славистические центры университетов. Ждем ваших откликов. Если вы хотите подписаться на «Вестник», отказаться от подписки или прислать свои материалы для возможной публикации, обращайтесь по адресу: einschlag@gmail.com. Все предыдущие выпуски можно найти на нашем сайте americanpushkinsociety.com. Печатная версия «Вестника» продается на lulu.com.

С уважением,

Дмитрий Гаранин, ответственный редактор

Новости Пушкинского общества

Дорогие друзья!

2021 год был начат с надеждой на победу над пандемией. Во время всеобщего закрытия технологии помогли нам сплотиться и выстоять в сложный период. Мы стали записывать прямые эфиры творческих вечеров, лекций, встреч и сохранять их на канале YouTube, получившего импульс развития. Будем вам благодарны, если вы станете нашими подписчиками, перейдя по ссылке и кликнув на красную кнопку справа:

https://www.youtube.com/channel/UC3LYNpZgheB3IfI9SPDxzkw

В рубрике «Видео» собраны эфиры программ, под ними можно оставить свой комментарий, отзыв или вопрос. Заглядывайте туда, поддерживайте авторов и выступающих.

В сложившихся обстоятельствах мы все же продолжили проект «Рерих-2021», который возглавляет художник Елена Зеленина. В ее видеоматериалах вы найдете классы по рисованию для начинающих, беседы о медитации и советы о возможностях раскрытия потенциала творчества.

Из знаковых записей, собравших наибольшее количество просмотров, можно выделить темы: о Пушкине, лекцию-концерт о Бетховене, экскурсию по Лувру, беседы о Марине Цветаевой и цикл воспоминаний графа Александровича о жизни поколения детей белой эмиграции, перебравшихся из Европы в Америку.

В начале года был начат новый формат редколлегии «Вестника» – круглый стол – собеседования на отдельную тему. Нашим гостем стал публицист, переводчик и издатель из Москвы Дмитрий Горбатов. Вместе с ним мы обсуждали статью В. Ходасевича о Пушкине (1921 г.), а также вопрос о литературной судьбе Владислава Феликсовича и его роли в русском зарубежье.

Важным событием открытия сезона «живых встреч» стал вечер, который был отменен в прошлом году из-за всеобщего бедствия, подготовленный к 80-летию со дня рождения И. Бродского.

5 мая народный артист Украины Георгий Мельский представил театральный проект «Мост к Бродскому» в постановке заслуженного деятеля искусств РФ, народного артиста Украины и России Романа Виктюка. Так вышло, что теперь памятное выступление было адресовано и многими любимому режиссеру. Не совсем обычный спектакль давал отсылку к словам поэта: «Наши мысли длинней будут с каждым годом. Мы любую болезнь победим иодом...»

Гильдия художников бурно обсуждает электронные возможности для выставок в формате 3D, проводит семинары, мастер-классы и практические занятия. Смотрите презентацию Библейской серии работ Сергея Кира, который делится с коллегами освоенными новыми техническими возможностями.

Да, ваши лица в гостеприимном зум-зале тоже теперь часть общей истории «жизни в закрытом режиме». Итак, YouTube хранит и воспроизводит коллективную летопись наших виртуальных раутов.

С уважением,

Борис Борукаев, вице-президент Общества

Наши истоки

Е. А. Москов: Газетная заметка о Николае Рерихе 1937 года

В собрании Александра Васильевича Яременко (1886–1984), архив которого мы получили в 2017 году, наряду с подготовительными материалами к изданию альбома о Рерихе, выпущенного им при жизни художника, находилась газетная заметка. В этом выпуске мы публикуем ее содержание. Текст, автором которого является д-р Е. А. Москов, посвящен 50-летию творческой деятельности Н. К. Рериха. Вышла статья в сан-францисской газете «Новая заря» 9 сентября 1937 года.*

Н. К. РЕРИХ

Имя Н. К. Рериха вошло глубоко в историю русской живописи. Без упоминания его работ нельзя представить себе повести русского искусства последнего полувека. И этой живой, непрерывной, кипучей деятельности Н. К. Рериха исполняется теперь пятьдесят лет.

Перечисляя год за годом творчество неутомимого, никогда не устававшего русского художника, в его картинах жизни, истории прошлого и природы, – постоянно возвращаешься к тем задачам и тем идеалам, которые Н. К. Рерих поставил себе в начале уходящего полустолетия.

От глубокой, предрассветной старины русских преданий, через русские сказки и легенды, через народную религию в ее храмах и монастырях, подвижниках и строителях, до современности наших дней, «от чудесных камней прошлого», увлекавших юношу Рериха разгадывать старину, он претворил далекие образы и видения в живую жизнь. И призыв к жизни был постоянным кличем в каждом новом его произведении, от первых работ кистью и пером и до наших дней.

Но искусство дает художнику особый дар: находить, узнавать и показывать то, без чего жизнь умирает, – красоту. И жизнь и красота увядают без света.

Подойдите к нескольким картинам Рериха, пройдите по всему музею Рериха в Нью-Йорке, вы во всем найдете жизнь, красоту и свет.

Когда говорят отдельно о творчестве Рериха в живописи, и особо о его книгах, разрывается надвое одно целое одного человека и одной мысли. В своих книгах Рерих говорит то самое, что он пишет на полотне своих картин. Он зовет к жизни, светлой и красивой, какою она может быть при горячем желании делать добро хотя бы только самому себе. Он зовет к красоте, заполнять ею хотя бы только свою собственную жизнь, и как тюрьма перестает быть ужасом уныния с появлением в ней красоты искусства, так в заполненной светом душе человека, все злое застывает и претворяется в улыбку добра.

Выросши в свете красоты, Рерих не может дать торжествующего зла в своих картинах, и так – за десятки лет в хождении по всему миру. И какому миру? Не перестающему дышать враждой и истреблением жизни, красоты и света.

Рерих не закрывает зрителю и читателю глаза на дикость «просвещенного» тысячелетиями человечества, но он кистью и словом уводит в глубину затуманенной души человека и находит ее светлую даль.

Не раз говорилось о сочетании в Рерихе русской глубинности во всем его творчестве – со всемирностью его захватов искусством и мыслью. Рожденный и созревший в России XIX века, он почерпнул всю мощь этого беспримерного столетия в своей родине.

Из обломков заполненной чудесами созидания старинной Руси, через творчество государственного и духовного объединения вокруг Москвы, через могучий взмах великого Петра, и от гениального Пушкина, создалась Россия XIX века, вошедшая творениями своих талантов во все мировые области искусства, литературы и науки. В небывалом за столь короткую историческую эпоху расцвета

духовной культуры, Россия сочетала силу своего национального просветления с широтой своей всечеловечности.

Питомец этой русской эпохи, Рерих пошел ее путями и к ее путеводным огням. Сорок лет от «Гонца» в московской Третьяковской галерее, до недавней картины в нью-йоркском музее «Ныне силы небесные с нами невидимо служат», Рерих не уходит от истории духовности русского народа. И он не только не перестает быть русским, но еще больше [продолжает] служить русскому идеалу всемирности, – он охватывает весь мир русскими заветами любви, мира и помощи, – заветами, в которых выросла русская вера русского народа.

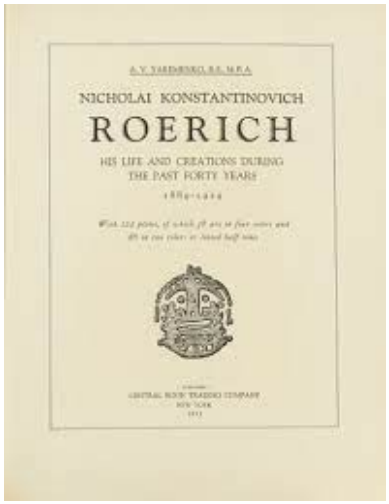
По русским картинам Рериха можно читать историю России. Страница за страницей, картина за картиной – они говорят и летопись пишут о предках славян, о Руси новгородской и киевской, о Москве, о русской природе, о жизни прадедов, о сложении народной жизни от дремучих лесов до престольных столиц, от языческих жертв до соборных молений, от скитов до верхов златоглавых, говорят и поют, – от смирения русского и до бунта народного, от монгольского ига до встречи морей-океанов на русском далеком просторе.

Сын творца-народа, Рерих прошел полвека служения своему народу и человечеству. Записано это на видимых нашим глазам страницах кисти и слова. На днях в разных концах мира среди учеников Рабиндраната Тагора в Индии, среди друзей-спутников Рериха по странствованиям в Тибете, в Доме друзей музея Рериха в Париже, в русском Обществе того же имени в Риге, в славянских отделах, в группе друзей в Нью-Йорке, в других концах мира, и – в семье художника на высотах Гималаев, бесшумно, теплым словом и доброй улыбкой, вспомнит истекшее пятидесятилетие Рериха со дня его первого труда в печати, и – сорокалетие со времени окончания им Академии художеств.

Связав свою первую молодость с седой стариной родной земли, пройдя через ее тысячелетнюю историю и окунувшись в древние тайны колыбели человечества – Востока, Рерих-мыслитель нашел смысл жизни в сознании ценно и просветленно прожитых лет долгого труда и вдохновения.

Д-р Е. А. Москов

*А. В. Яременко с первых дней входил в Пушкинское общество Америки (Общество имени А. С. Пушкина), был лично знаком с Б. Л. Бразолем и с Н. К. Рерихом, опубликовал альбом его работ с обширной вступительной статьей на английском языке в 1931 году.


A. V. YAREMKO, B.S., M.P.A.

NICHOLAI KONSTANTINOVICH

ROERICH

HIS LIFE AND CREATIONS DURING THE PAST FORTY YEARS

1893–1933

Titульный лист книги А. В. Яременко о Рерихе

Н. К. Рерих. НЫНЕ СИЛЫ НЕБЕСНЫЕ С НАМИ НЕВИДИМО СЛУЖАТ (ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ), 1934. Холст, темпера. 107,2 х 152,5 см. Международный центр-музей им. Н. К. Рериха. Москва, Россия

Д-Р Е. А. МОСКОВ.

Н. К. Рерих.

1887 — 1937.

Имя Н. К. Рериха вошло глубоко в историю русской живописи. Без упоминания его работ нельзя представить себѣ новѣйшее русскаго искусства послѣдняго полувѣка. И этой живой, непрерывной, кипучей дѣятельности Н. К. Рериха исполняется теперь пятьдесят лѣт.

Перечислим год за годом творчество неутомимаго, никогда не устававшаго русскаго художника, а его картинах жизни, исторіи прошлаго и природы, — постоянно возвращаешься к тѣм задачам и тѣм идеалам, которые Н. К. Рерих поставил себѣ в началѣ уходящаго полустолѣтія.

От глубокой, предразсвѣтной старины русских преданій, чрез русскія сказки и легенды, чрез народную религію в ея храмах и монастырях, подвижниках и строителях, до современности наших дней, от «чудесных камней прошлаго», увлекавших юношу Рериха разгадывать старину, он пре-

ПОСОВѢТУЙТЕСЬ С НАМИ ПРЕЖДЕ ЧѢМ ПОСЛАТЬ ВЕЩИ В СОВѢТСКІЙ СОЮЗ.

ПОКУПАЙТЕ ВЕЩИ ГДѢ УГОДНО, НО ТОЛЬКО В НАДЕЖНЫХ МАГАЗИНАХ. Мы снабдим Вас всѣми необходимыми бумагами и позаботимся об упаковкѣ и отправкѣ. Сотни благодарственных писем из Совѣтскаго Союза—это наша рекомендація. Старѣйшая фирма по отправкѣ посылок в Совѣтскій Союз.

PRODUCTS MERCHANDISING CO.

48 Delancey St. Telephone: Orchard 4—2565. New York, N. Y.

Домик, по словам «Вечерней Москвы» (20 сентября), привлекает многочисленных посѣтителей.

—o—

НОВЫЙ ВИД ЛИХОРАДКИ.

В Кинисландѣ констатирован новый вид лихорадки, до сих пор неизвѣстный медицинѣ и по симптомам напоминающій тиф. Эта болѣзнь названа «лихорадка Q», по первой буквѣ слова Кинисланд.

Дзержинскій, [illegible] шилов. Но это — [illegible]. Конечно, большевицкая исторія и этот учебник безоговорочно осуждают Каменева, Зиновьева и Троцкаго. Вот уже совсѣм готов переворот 26 октября 1917 года, но — «в самые рѣшающіе дни подготовки возстанія Каменев и Зиновьев намѣрены, а Троцкій по своей хвастливой болтли-

[illegible] отмѣла все [illegible] «[illegible] культуру», и [illegible] государства [illegible] всѣх граждан [illegible] свободную, счастливую жизнь».

Совѣтскій школьник прочтет этот «Краткій курс» и невольно задаст себѣ вопрос: что же было замѣчательнаго в русской исторіи? Отвѣта он не найдет. Замѣчательной исторіи не было, — в этой исторіи была замѣчательна только большевицкая партія. Но в таком случаѣ не лучше ли было забыть об исторіи Россіи и написать просто исторію партіи? Этот «Краткій курс» — новый «Иловайскій» — только по-совѣтски.

П. Трубников.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА «НОВАЯ ЗАРЯ»

Редактор-Издатель Г. Т. Сухов.

Russian Morning Daily Newspaper «NOVAYA ZARYA».
Published daily except Sunday and Monday.
G. T. Soohoff—Publisher and Editor
Главная контора, редакція и типографія:
2078 Sutter St., San-Francisco, Calif. U. S. A.
Phone WAlnut 3165.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

Для Соед. Штатов (за исключеніем гор. Сан-Франциско), Канады, Кубы и Мексики:
(с субботне-воскресным номером)

На 1 год	$7.00
На 6 мѣсяцев	3.75
На 3 мѣсяца	2.00
На 1 мѣсяц	.75

Для г. Сан-Франциско и заграницы
(с субботне-воскресным номером)

На 1 год	$8.50
На 6 мѣсяцев	4.50
На 3 мѣсяца	2.50
На 1 мѣсяц	.95

Повсюду субботне-воскресный номер только:

На 1 год	$2.50
На 6 мѣсяцев	1.25
На 3 мѣсяца	.65
На 1 мѣсяц	.25

Рукописи, присланныя для напечатанія в газетѣ, должны быть напечатаны на пишущей машинкѣ или четко написаны чернилами на одной сторонѣ листа за подписью автора и с адресом. Редакція оставляет за собой право сокращать и измѣнять рукописи по своему усмотрѣнію. Непринятыя к напечатанію рукописи возвращаются только в случаѣ присылки на почтовые расходы. Письма в редакцію и замѣтки не возвращаются. Рукописи без обозначенія говорила считаются безплатными.

суббота, 9 сент. 1937
„Новая Заря"

Оригинал приведённой статьи о Рерихе

Виктория Курченко: Елена Михайловна Тизенгаузен – пианистка музея Рериха

С Еленой Тизенгаузен мы, только что прибывшие иммигранты, познакомились в Пушкинском обществе Америки в 2000-е годы. Бодрая, деловая, отвечающая за всю организационную работу, она любила встречать новых гостей и вводить их в круг особой атмосферы старожилов Нью-Йорка, до глубоких седин сохранивших русский язык. В это время Елена Михайловна была директором концертных программ, часто сама выступала в качестве пианистки, рассылала приглашения на вечера и была правой рукой Екатерины Ивановны Лодыженской, на которой официально держалось руководство организации. В ее семье хранился и архив Общества последних десятилетий. Его она передала новому поколению для изучения впечатляющей истории организации

Родилась Елена в Одессе в 1936 году в семье своего деда по материнской линии, профессора медицинского института, патологоанатома барона Михаила Михайловича фон Тизенгаузена. Бабушка Анна Михайловна (в девичестве Филатова-Жидкова) была родом из Симбирской губернии, семья которой жила по соседству с Ульяновыми.

Род Тизенгаузенов в Российской империи – один из древних, а среди предков деда Елены Михайловны был Фёдор Иванович Тизенгаузен (1782-1805), барон, получивший графский титул,

флигель-адъютант императора Александра I, убитый под Аустерлицем в 1805 году. Жена погибшего офицера и соответственно кровная родственница нашей героини, Елизавета Михайловна Хитрово – дочь фельдмаршала Кутузова, подруга А. С. Пушкина, хозяйка известного петербургского салона.

Одна из их дочерей, графиня, Екатерина Фёдоровна Тизенгаузен (1803-1888), была камер-фрейлиной при трёх императрицах и кавалерственной дамой ордена Св. Екатерины. Она приходилась нашей Елене Михайловне прабабкой, от которой той достались семейные предания о придворных балах и жизни аристократии Российской империи.

Другая дочь, графиня Дарья Фёдоровна Фикельмон (1804-1863), известная как Долли Фикельмон, также была хозяйкой петербургского салона и автором подробного светского дневника, содержащего подробности дуэли и смерти Пушкина.

Так что, все не случайно...

Маму Елены звали так же, как и бабушку – Анна Михайловна (младшая). Она стала врачом-патологоанатомом, по примеру своего отца.

Лена выросла благополучной девушкой, хорошо училась, играла на фортепиано, много читала. В 1935 году она вышла замуж за Марка Фомича Панкова, в прошлом солиста Минского оперного театра. В следующем году у них родилась дочь. Но отношения у молодых супругов не заладились. А в 1937-м Марка репрессировали за нелицеприятные высказывания о Ворошилове и отправили в ГУЛАГ на 10 лет. Марк Фомич и Елена Михайловна официально развелись, и дедушка усыновил детей своей дочери, передав им свою фамилию, баронский и графский титулы, которые, конечно, не признавались советской властью.

Во время Второй мировой войны семья не была эвакуирована, профессор до последнего дня спасал экспонаты патологоанатомического музея, многие из которых были им созданы, и продолжал работать в Медицинском институте, когда в город вошла нацистская армия. Но с отступлением немецких и румынских войск из Одессы сотрудникам института была предложена возможность переехать на территорию Румынского королевства для продолжения профессиональной деятельности. В СССР их ждала незавидная судьба людей, сотрудничавших с оккупантами. Так началась эмиграция. В Румынии Анна Михайловна работала врачом в госпитале и недостатка в лечебной работе у нее не было. После капитуляции Румынии и продвижения советских войск семья Тизенгаузенов через Югославию и Венгрию добралась до австрийской границы и устроилась в одном фермерском хозяйстве. Там они прожили два года, за это время умер Михаил Михайлович и закончилась война. Территория их проживания была отнесена сначала к советской зоне влияния, а вскоре, к счастью, к американской, иначе их немедленно отправили бы назад в СССР. Все беженцы распределялись по лагерям «ди–пи», Елена с мамой и бабушкой оказалась в лагере «Порш» под Зальцбургом.

В 1949 году они переехали в США и устроились в Нью-Йорке. Анна Михайловна (младшая) устроилась на небольшую частную фабрику изготовления одежды и применила там свое художественное умение – стала рисовать розы на блузках. Освоившись в новой стране, позднее смогла продолжить профессиональное дело и была принята ассистентом врача в патологоанатомическую лабораторию Нью-Йорка, поскольку не имела возможности предоставить документы о высшем медицинском образовании, потерянные во время войны.

Свободное от работы время русские эмигранты с удовольствием проводили внутри своего сообщества, где разрастались и обновлялись культурные и образовательные объединения. Анна Михайловна помогала редакции газеты «Россия», входила в «Общество помощи русским детям», в котором они вместе с докторами – г-жой Ватсон и Екатериной Лодыженской – прилагали много усилий для устройства лекций, музыкальных выступлений, вернисажей. Анна Михайловна была дружна с Верой Константиновной Романовой, предотвратила у нее развитие онкологической болезни, консультировала ее и договорилась с коллегами о немедленной операции. Теплые дружеские

отношения у Анны Михайловны сложились с Надеждой Артуровной Бозак, в то время председателем Пушкинского общества Америки.

Елена закончила школу и поступила в колледж «Вашингтон Сквер» (Washington Square College) Нью-Йоркского университета (NYU) на биологическое отделение. После его завершения частным образом брала уроки игры на фортепиано у знаменитой дамы – музыкального педагога Дорис Кауффман (Doris Kauffman, 1922-2016), и после двух лет занятий стала концертирующей пианисткой. Вместе с Людмилой Петальевой они часто открывали музыкальные сезоны в музее Рериха, приезжали с выступлениями на Толстовскую ферму, всегда встречаясь там с В. К. Романовой, с другими постояльцами, их гостями и друзьями. В 1963 году Елена Михайловна вышла замуж за американца итальянского происхождения Розарио Вераччифано. У них родилось четверо детей, и на этом ее пианистическая карьера завершилась.

Однако со временем, помогая маме Анне Михайловне, Елена все больше врастала в Пушкинское общество, стала не только играть на рояле, но и возглавлять музыкальное отделение заседаний, печатать программки, вести всю работу с общественностью, сотрудничать с университетами по линии славистических кафедр. Чувствовала ли она себя хозяйкой пушкинского салона? Во всяком случае с большой любовью относилась к своей миссии. После смерти Н. А. Бозак именно она рекомендовала д-ра Екатерину Лодыженскую стать председателем Общества, а сама, будучи вместе с Аленой Константиновной Боголюбовой казначеем, оставлась верным тылом команды.

В 2001 году, впервые попав на заседание Пушкинского общества, я пришла в актовый зал синода Русской православной церкви за рубежом в Нью-Йорке. В объявлении было объявлено чтение поэзии, и я робко спросила, могу ли здесь прочесть свои стихи. Оказавшись среди нереальной атмосферы смешения прошлого и настоящего – вуалей, вееров, портретов русских императоров, Пушкина, прекрасной американской речи и изысков русского языка, – я испытала сильное потрясение и почувствовала потребность разобраться в том, куда меня забросила игра судьбы. Сквозь большие высокие окна, вместе со светом, в помещение врывался поток манхэттенской жизни, а вид небоскребов придавал завершенность режиссуре жизненного кадра... Я стала записывать устные рассказы, помогать с организацией встреч, приглашать новых людей и написала письмо в Колумбийский университет о «законсервированной» русской культуре, которую можно и нужно изучать всем, кто хотел бы прикоснуться к утраченной России.

Так постепенно теперь уже я врастала в Пушкинское общество, с которым до сих пор обретаются новые смыслы.

После смерти Екатерины Ивановны Лодыженской в 2009 году Елена Михайловна передала следующему поколению не только все, что сохраняла долгие годы, но и напутствие достойно распорядиться наследием предшественников. В настоящее время она проживает в Нью-Джерси, в семье дочери. Будем надеяться, что мудрая старость приносит ей чувство радости и удовлетворения от выполненных с честью высоких обязательств.

Виктория Курченко: Внутренний свет Сергея Голлербаха

Все, кто знал Сергея Львовича, скорее всего согласятся, что он обладал непередаваемым шармом и особенной культурой речи. На встречах с ним всегда бросалось в глаза иное, не советское воспитание (по материнской линии это был в прошлом дворянский род), изысканная интеллигентность, которая выражалась в подчеркнутой вежливости со всеми, в особой интонации. И такая манера была ему не только привычна и легка, но и приятна. И многим, очень многим, соприкасавшимся с ним, начинало казаться, что внутри его личности есть самый настоящий свет, способный обогреть нуждающегося. Почему так? Своим талантом художника и мастера слова, педагога и галантного пожилого господина он даже в мелочах выявлял свою суть: бережного отношения к миру, к обществу, к природе, к красоте, к незащищенным, к прошлому, к людям, с которыми был знаком. Удивительная скромность и потребность поблагодарить, причем за какую-то мелочь – без преувеличения, иногда шокировала, когда приходило осознание того, с человеком какого уровня ты стоишь рядом...

Мне интересно обратить внимание читателей на рассуждения С. Л. Голлербаха по отношению к тому, как он понимал «нравственность» и «духовность», ибо он не был религиозным, церковным, но без сомнения являлся верующим и шел своей дорогой к постижению тайн Вселенной. Не все знают, что Сергей Львович писал стихи. Сегодня они дополнительный ключ к его мировоззрению. Вот одна зарисовка, в подтверждение вышесказанного:

Ложусь со стоном, встаю со вздохом,
Не по Законам живет эпоха.
Один рыдает, другой хохочет,
А тот не знает, чего он хочет.
Так было раньше, так и сегодня,
Что будет дальше – в руке Господней.
Ложусь со стоном, встаю со вздохом,
Набатным звоном гудит эпоха!
Огни пожарищ, угроза смерти –
Гляди, товарищ, как пляшут черти!
Огонь угас, исчезли черти,
Явился Спас – сильнее смерти!
И я теперь ложусь без стона,
Открыта дверь, в избе – икона.

Вероника Дмитриевна Гашурова, художник, близкий друг С. Л. Голлербаха, в прошлом его ученица, прислала мне несколько стихотворений своего наставника, и вспомнила один эпизод из их разговоров: «Как-то я призналась Сергею Львовичу, что подаренная им картина висит у меня над кроватью. На что он довольно строго заметил, что на этом месте должна находиться икона».

Падает снег, бредет человек,
Пути не видно, но очевидно,
Это не важно – бредет отважно,
Душой спокоен, судьбой доволен,
Будет что будет, Бог не забудет,
В Рай или Ад – пути нет назад.

Путь постижения Всевышнего у Сергея Львовича, как у многих, кто хочет не только поверить сердцем, но и понять душой, был непростым. С юных лет, посвятив себя узорам акварели и графики, он считал это духовной дорогой. В одной своей заметке, рассуждая о статье В. Розанова «Об Иисусе сладчайшем и горьких плодах мира», в которой критик говорит о горечи обыденной жизни, он писал: «Это монашеское мироощущение абсолютно неприемлемо для искусства. Для творческого человека мир всегда вкусен и пахуч. Приближение к духовным ценностям через очищение от „духа мира“ кажется мне невозможным. Великое искусство всех времен и народов всегда „от мира сего“, но возносит мирское до той степени „звучания“, когда изображаемое перестает быть только мирским. Как это делается? Тут заложены глубокие тайны творчества, и их знают только те, кого мы называем великими мастерами. Мне пришлось однажды услышать следующее высказывание: всякое большое произведение искусства всегда не про то,что изображено. И мне припомнилась картина французского художника Жоржа де ля Тура (1593-1652) „Женщина с блохой“. Стул с горящей свечой, женщина в короткой ночной рубашке, давящая ногтями у себя на груди блоху. Трудно себе представить более земной, „пахучий“ смехотворный сюжет! Думаю, что серьезный русский художник постыдился бы взять такую тему. Но картина де ля Тура полна какой-то торжественной, интимной тишины. Это человек с самим собой наедине, отрешенный от всех забот и проблем дня и занятый только одним маленьким, но необходимым делом. Для меня нет ничего удивительного в том, что большинство работ Жоржа де ля Тура религиозного содержания – „Рождество Богородицы“, „Детство Иисуса“, „Кающаяся Мария Магдалина“ и много других. Везде та же свеча, те же темные, черно-коричневые тени, то же состояние момента, я бы сказал – жизненно-религиозное или религиозно-жизненное. Не очищение от земного, а поднятие его до высот духа». (Пять этюдов // Звезда. 1995. № 2)

Вспомним собственные работы «патриарха русской эмиграции» – серию его стариков, людей, живущих на улице, прохожих, о которых с юмором писал его друг, поэт Иван Елагин:

Угловатые уроды голлербаховской породы
наклоняются со стен, в них чувствительность антенн.
Эти задницы и шеи попадут еще в музеи
и еще столетий пять будут публику стращать.

Уметь находить красоту в сложных образах, в различных формах жизни, в драматических сюжетах и поднимать их к пространству поднебесья – это то, что удавалось Сергею Львовичу, и то, чему он старался научить других. Одну из таких картин он преподнес в дар Пушкинскому обществу Америки в день своего выступления. Зал был переполнен, он говорил сразу на двух языках – на русском и английском, отвечал на вопросы, рассказывал о Добчинском и Бобчинском (Дерюжинский и Добужинский), о встречах с историческими личностями, о клубе «Лотос» и многом другом.

С. Л. Голлербах преподавал искусство живописи для взрослых в Национальной академии художеств в Нью-Йорке, и попасть к нему было не просто. На его классы собирались люди разных возрастов, среди них были представители молодежи, очень богатые студенты, пенсионеры, пожелавшие вернуться к пробам юности, жены миллионеров и дипломатов, всех не перечесть. И для каждого учитель подбирал метод, заключавшийся в полной свободе самовыражения, подталкивании к обретению индивидуальных особенностей. Даже помогая справляться с задачей на листе бумаги или холсте, Сергей Львович старался продолжить движение изображения в соответствии со вкусом и эстетикой учащегося. Особенно запомнились занятия в парке, на пленэрах, знакомства с техникой мастеров в музеях и на выставках.

По окончании работы группа часто не расходилась, а вместе с профессором отправлялась в кафе или ресторанчики, где продолжались дискуссии о том, что собой представляет форма, каково соотношение линии, сюжета и идеи, почему может претить сентиментальность, слащавость, а дальше: что есть гордыня, как нужно изживать в себе попытки надменности...

Ты добр и зол, умен и глуп,
талантлив и бездарен,
ты можешь ненавидеть и любить,
быть равнодушным, помогать в беде,
бросать без жалости
и верным быть до гроба.
Ты человек, таким ты создан был,
Таким и будешь дальше,
но запомни – не гордись
своею многогранностью, гордыня
есть величайший грех, который
весь род людской способен погубить!

В 2017 году в нью-йоркском джазовом клубе Zinc проходила презентация фильма «Голая правда» о жизни и творчестве художника, где перед вечерним выступлением Валерия Пономарева несколько лет подряд собирались писатели и поэты в рамках нашего проекта «Джаз и культура». В этот вечер встретились представители нескольких волн русской эмиграции. С. Л. Голлербах представлял вторую. Открыв торжественный показ, он высказал слова благодарности в адрес режиссера Эл Эрсбурн (Елены Родиной), а затем с удовольствием остался на концерт, шутил, пил безалкогольные напитки, фотографировался со всеми желающими, вспоминал Россию, в которую всегда верил.

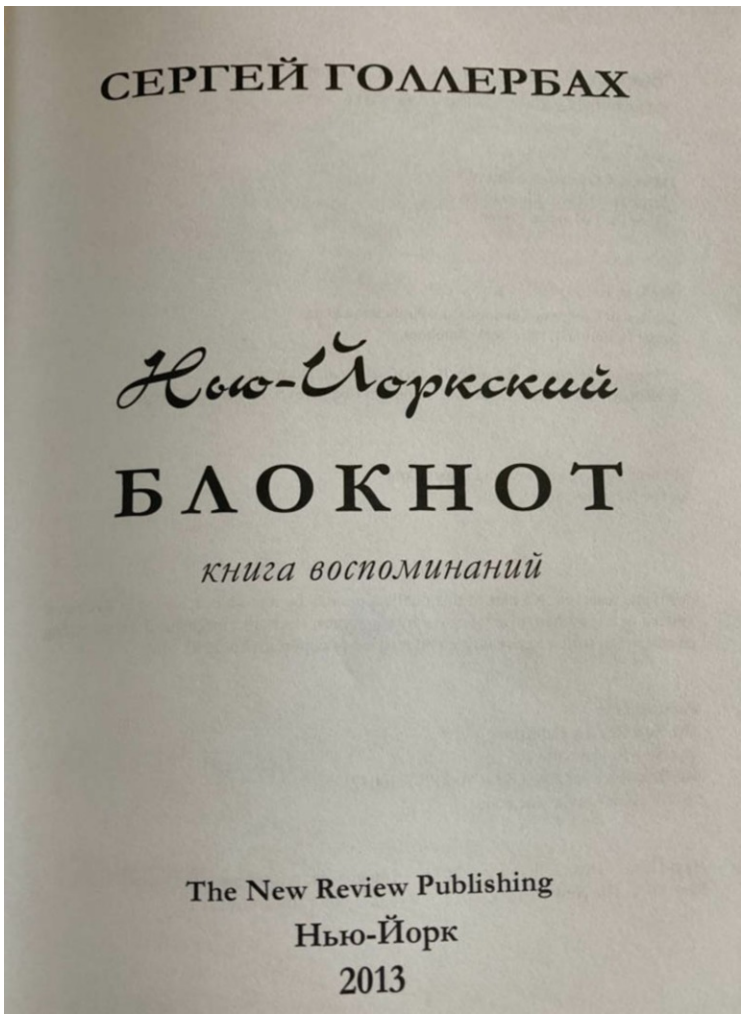
В Москве под вечер выпал первый снег,
и время, кажется, замедлило свой бег,
умолкли шумы города, исчезла суета,
и воцарилась зимней сказки красота.
Пусть царствовать придется ей недолго.
Растает снег, вернутся грязь и лужи,
но в сердце все ж останется надолго
мечта о снежной красоте и зимней стуже.

Москва, Таганка, вечер.
Посмотрев в окно, я вижу как прохожие
Бредут куда-то. Все равно,
Спешить ведь некуда...
Не лучше ль Божьей воле
отдаться в руки, только Он
тебя избавит от мирской юдоли.
Поэтому, на всякий случай,
сумку прихватив,
бредет раб Божий и Всевышнего
благодарит за то, что жив.

Я бывала в его мастерской, в которой он продолжал работать, несмотря на проблемы со зрением. Там были установлены специальные приспособления и большие увеличительные стекла, позволяющие таким образом фиксировать образы на листе, без предварительного рисунка, наотмашь кистью и акварельными красками.

Чувство юмора, ирония являлись частью натуры Сергея Голлербаха. Но высказывания в подобном тоне он позволял себе исключительно в собственный адрес.

Телом стар, но бодрый духом,
он, согласно верным слухам,
часто мыслил головой,
к сожалению, дурной.
Многих женщин рисовал,
а потом их целовал,
но, бывало целовал
до того, как рисовал.
Стал писать воспоминанья,
результат самопознанья,
проявил себя поэтом
(лучше умолчим об этом),
но теперь живет нормально,
то есть не оригинально,
ходит покупать продукты,
мясо, курицу и фрукты,
из капусты варит щи,
ест другие овощи.
разговорах он учтив,
в дамском обществе шутлив,
если рюмку выпивает,
всю планету обожает,
любит кошек и собак,
а других зверей не так.
Кто же этот человек,
проживающий в наш век?
Что ж, возможно, это я,
посмотревший на себя.



В 2021 году наш любимый собеседник и живописатель Нью-Йорка совсем ослабел, ангел смерти уже стучался в его студию. Но он старался поддерживать связь с миром и по возможности разговаривал по телефону. Вероника Дмитриевна, которая относительно недавно перешла с ним на «ты», спросила своего гуру: «О чем ты думаешь теперь чаще всего?» – и в ответ услышала: «О жертве».

О своей ли, принесенной искусству своей жизнью? О жертве ли Спасителя, который был для него безусловным мерилом внутреннего мира? О прометеевской жертве? О жертвенности как нравственной категории? В последние дни жизни Сергей Львович много размышлял на эти темы...

Умер во сне, легко. Взлетела Психея, наполненная светом преображения, оставив нам прекрасное звучание претворенной земной миссии.

Еще один день, говорю себе, вставая,
еще не настигла тень, еще не изгнан из рая.
Хоть Солнце и светит скупо, но все же греет,
и жаловаться глупо, да и кто посмеет.
Как хотелось бы знать, когда наступит пора,
чтобы мысли свои собрать и вымести сор со двора,
чтоб быть спокойным душой и видеть свет впереди,
не брать ничего с собой, чтобы легче было идти.

Сергей Львович Голлербах (1923-2021) родился в Детском селе, бывшем Царском. Художник, эссеист, автор стихотворений. В 1942 году был вывезен на работы в Германию. После войны оказался в американской зоне. Учился в Мюнхенской академии художеств, был почетным президентом Американского общества акварелистов, членом корпорации и автором многочисленных повествований нью-йоркского «Нового журнала» (The New Review), был почетным членом Пушкинского общества Америки и обладателем его «золотой» медали. Издал книги: «Заметки художника», Лондон 1983; «Sketches in Pen and Ink and Watercolor» / «Наброски пером и акварелью», Вейн, Пенсильвания, 1987; «Composing in Acrylics» / «Акриловые композиции», Нью-Йорк, 1988; «Жаркие тени города», Париж 1990; «Пляж», Париж 1992; «Мой дом», Париж 1994; «Свет прямой и отраженный: Воспоминания, проза, статьи», СПб, 2003; «Нью-йоркский блокнот», Нью-Йорк, 2013.

Авторство всех стихов в данном тексте, кроме цитируемого четверостишия Ивана Елагина, принадлежит С. Л. Голлербаху.

Калейдоскоп событий

3 января мы начали новый год программой, посвященной 250-летию Людвига Ван Бетховена. О непростом жизненном и творческом пути композитора рассказывала пианистка, журналист и автор литературных текстов Елена Кушнерова, которая выступала из Баден-Бадена (Германия).

«Постигая Бетховена» – так был назван эфир. Гости Пушкинского общества из Европы и Америки после лекции обсуждали, какое место великий романтик занимает в мировой культуре. Почему именно Бетховен стал знаковой фигурой, в том числе в повседневной жизни? Как композитор превратился в мем и тон для телефонов? Кто он: классик, традиционалист или авангардист?[1]

23 января прошел виртуальный круглый стол, посвященный истории Белой эмиграции, связанной с исходом на Запад через Балканы. Что стало с тысячами беженцев, вынужденно покинувшими Россию сто лет назад? Каким образом многие из них оказались на Балканах? Как им там жилось? Почему дети, родившиеся на чужбине, так хорошо говорили по-русски?

На эти и другие вопросы в своей презентации отвечали независимый исследователь И. И. Грубмайр и участник исторических перипетий Г. В. Александрович.

31 января Ольга Россалес представила литературно-музыкальную композицию «Женские судьбы». Героинями сюжета стали Валентина Кальницкая, издавшая свои мемуары, и художница София (Соня) Янковская. Речь шла о их жизни в Нью-Йорке и продолжении творческой карьеры в эмиграции. В прямом эфире принял участие муж Валентины, писатель Эдвиг Арзунян, и внук Софии, пианист Максим Аникушин.

7 февраля, в память о великом поэте, мы провели встречу «Вспоминая Пушкина». Наш виртуальный зал посетили участники из многих стран мира. Воображаемое путешествие по следам поездки 1820 года привело нас на Кавказ, где была задумана поэма «Кавказский пленник», которой в этом году исполнилось 200 лет. Гости имели возможность поделиться своим прочтением пушкинского текста.

20 февраля Марина Виницкая, официальный представитель Нью-Йоркского университета – NYU – провела специальный семинар для членов нашего общества, рассказав об этапах подготовки к поступлению в это престижное учебное заведение. Речь шла о программах поддержки иммигрантского сообщества, о помощи родителям, преподавателям в обучении студентов с родным не английским языком, членам их семей, о грантах и многом другом. Встреча завершилась дискуссией и ответами на вопросы.

27 февраля прошел второй совместный эфир Инны Грубмайр и Георгия Александровича из серии «“Белый“ исход». На этот раз речь шла о периоде Второй мировой войны, которая снова сдвинула наших соотечественников, в рассеянии сущих, с места. Из обжитых ими стран, куда они прибыли в 1920-х гг., многие из них отправились в свою вторую эмиграцию. Пройдя ди-пи лагеря в Германии и Австрии, они оказались на американском континенте.

Вслед за презентацией Инны о ситуации в послевоенной Европе и положении русской эмиграции, Георгий Всеволодович, как свидетель тех далеких событий, поделился своими воспоминаниями и ответил на вопросы зрителей.

[1] Запись этого и многих других эфиров можно посмотреть на нашем YouTube канале по ссылке https://www.youtube.com/channel/UC3LYNpZgheB3Ifl9SPDxzkw/videos

6 марта прошел творческий вечер Дмитрия Гаранина, физика-лирика, издателя, поэта и профессора колледжа «Леман» (Lehman College of the CUNY, NYC), а также ответственного редактора «Вестника Пушкинского общества Америки».

Дмитрий рассказал об этапах своего соединения физики и литературы, поведал о семейных традициях, прочел стихи и «заразил» виртуальный зал своими книгами с новой доступной формой их издания.

Знакомьтесь – сайт, посвященный научным проблемам физики:

http://www.lehman.cuny.edu/faculty/dgaranin

Литературный сайт: https://sites.google.com/view/dgaranin

7 марта редколлегия «Вестника» провела круглый стол на тему «Ходасевич о Пушкине». Специальным гостем эфира был Дмитрий Горбатов из Москвы, редактор-переводчик и автор работ по истории литературы, музыке, языкознанию. Мы обсуждали статью «Колеблемый треножник», впервые прозвучавшую из уст В. Ходасевича на Пушкинском вечере в Доме литераторов 14 февраля 1921 г. Почему эта речь до сих пор может быть интересна?

13 марта виртуальный круизный бал внес разнообразие в наши тематические программы. Под музыкальное сопровождение Геннадия Гревнина (маэстро играл туш) гости выходили на подиум в своих квартирах, демонстрировали наряды для бала, поднимали бокалы, произносили тосты и пожелания друг другу. Оказалось, что сложный год сплотил нас особенным образом, мы сделали все, чтобы продолжить активную творческую жизнь. Звучали стихи и воспоминания о совместных путешествиях, действовал открытый микрофон и происходило неформальное общение. Призерами конкурса зрительских симпатий стали Любовь и Геннадий Гревнины, Дмитрий Гаранин, Полина Печерская, Екатерина Жармусик.

20 марта творческий вечер Анны Гринберг в зум-зале собрал друзей авторской песни. Из первых уст зрители узнали о главных достижениях автора до и после начала ее американской жизни. Концерты Анны – это исполнение песен по разнообразным поэтическим произведениям или на собственные стихи и музыку. Дважды в году, по инициативе А. Гринберг, все сборы от творческих встреч «уходят» для благотворительной организации в поддержку семей, пострадавших от террора в Израиле. Мы говорили о творческой реализации и о популярном клубе «Синий троллейбус», который летом должен возобновить свои реальные встречи.

27 марта Инна Грубмайр и наш гость Георгий Александрович провели свой третий эфир из серии «“Белый“ исход». В этот раз речь шла о прибытии русских эмигрантов из послевоенной Европы в США. Сначала Инна кратко представила некоторые знаковые места русской Америки (Восточного побережья) – поселение Чураевка, Толстовский фонд, Ново-Дивеево и Джорданвилль, церкви Лонг Айленда. Затем Георгий Всеволодович продолжил рассказ о своей богатой событиями жизни, начиная с момента знакомства в послевоенном Мюнхене с Александрой Львовной Толстой и переселения с родителями в США. Фотографии из семейного альбома Александровичей помогали зрителями более образно увидеть то, чем делился с ними Георгий Всеволодович: жизнь русской молодежи в Америке, его служба в американской армии и карьера звукоинженера, дружба с семьей Сикорских, приглашение к себе домой в 1960-х гг. ансамбля Игоря Моисеева и многое другое.

11 апреля Наталия Корень (Koren-Kropf) – президент американской Ассоциации женщин художниц (NAWA), существующей в Нью-Йорке с 1889 года, – выступила с лекцией на нашей виртуальной площадке. Тема презентации относилась к изучению истории становления женского профессионального

художественного мастерства, а также осмыслению современных проблем гендерного характера в мире скульптуры и живописи.

14 апреля мы встретились на виртуальном поэтическом чаепитии. Свои стихи читала Женя Груз – автор двух поэтических книг, художник, доктор наук по молекулярной биологии. Переводы этих текстов на английский язык представил Антон Яковлев, ранее преуспевший в работе над поэмами Сергея Есенина. Выступления тут же обсуждались, в комментариях участвовали Андрей Грицман, Ольга Россалес, Дмитрий Гаранин, Борис Борукаев и Наталия Мизури, ведущая виртуальной программы.

5 мая народный артист Украины Георгий Мельский от имени Пушкинского общества в зале Pushkin Hall в Манхэттене представил театральный проект «Мост к Бродскому» в постановке заслуженного деятеля искусств РФ, народного артиста Украины и России Романа Виктюка. Так вышло, что теперь памятное выступление было адресовано и многими любимому режиссеру. Не совсем обычный спектакль давал отсылку к словам поэта: «Наши мысли длинней будут с каждым годом. Мы любую болезнь победим йодом...» На столике регистрации гости нашли бутылочки с йодом, наклеенные на открытки, которые можно было взять в качестве сувенира.

16 мая прошла презентация нового – девятого – выпуска нашего «Вестника». Мы собрались в зум-аудитории. Дмитрий Гаранин, ответственный редактор и один из авторов, рассказал о нашем научно-популярном иллюстрированном издании, в котором публикуется много материалов о прошлом эмиграции, о людях – очень известных и забытых, о нашей повседневной работе сегодня. Инна Грубмайр, выпускающий менеджер, приподняла завесу над процессом редакторской мастерской и затронула «болевые точки» верстки.

Далее каждый автор представил свои произведения и прочел фрагменты из опубликованного. Гости студии услышали и увидели Алекса Щегловитова, Женю Груз, Александра Гальпера, Елену Кушнерову, Аллу Сергиенко, Наталию Мизури.

Заходите на наш сайт, выбирайте в правом верхнем углу опцию «русский», на открывшейся странице в меню слева выбирайте рубрику «Вестник». Все журналы легко просматриваются в этом формате, а также скачиваются.

22 мая прошла видео-презентация работ Сергея Кира. Художник представил Библейскую серию в 3G галерее и рассказал о цифровых способах создания произведений. Сергей работает в Нью-Йорке в сфере управления финансовыми рисками и создает картины в стиле концептивизма. В своей Библейской серии, как это делали до него и другие художники на протяжении всей истории живописи, автор по-своему интерпретирует сюжеты Священного писания, однако использует при этом абстракцию и математическое моделирование форм.

6 июня с самого утра готовился Пушкин-форум в Центральном (Prospect Park) парке Бруклина в Нью-Йорке. Люди приходили целыми семьями и благодарили нас за возможность отметить день рождения любимого Александра Сергеевича. Каждый хотел прочесть стихи, знакомые с детства, поделиться своими мыслями о том, что значит имя Пушкина и чем дорог образ поэта.

Программа была насыщенной, а главное – каждый мог найти в ней себе что-то по душе: выставка картин, рисунков, пленэр, книжная лавка, презентация новинок для читателей, выступления поэтов, писателей и художников, а также пикник в живописном месте под сенью деревьев. Художница Леся Верба специально к этому дню приготовила оригинальный портрет создателя русского литературного языка, который вписался в старинный «греческий» колонный зал. Вокруг и внутри этого форума под

названием Peristyle собрались представители разных поколений. А завершилась встреча романсами в исполнении Вероники Канинской.

12 июня состоялась вторая часть презентации «Дорога в NYU» с Мариной Виницкой в нашей зум-аудитории.

NYU – один из дорогих университетов в мире, основан в 1831 году и находится в городе Большого яблока. Марина познакомила гостей студии с многочисленными возможностями поступления не только в этот университет, но и в другие – не менее престижные, для абитуриентов с любым достатком и социальным статусом. И оказывается, даже совсем не обязательно быть отличником.

Смотрите наш материал и советуйте своим молодым друзьям ставить самые высокие цели. А мы работаем над тем, чтобы построить мостик между Обществом и университетом Нью-Йорка.

27 июня в нашей виртуальной гостиной говорили о русском Нью-Йорке периода после Второй мировой войны. Беседа была посвящена Екатерине Ивановне Лодыженской (1916-2009), в прошлом президенту Пушкинского общества Америки. Таким образом мы отметили 105-летие со дня ее рождения.

Отец героини нашей встречи был меньшевиком. В 1923 г. он перевез семью в Париж, в котором юная Катя наблюдала русскую культурную элиту в изгнании. Там они прожили до 1940 г., а затем переправились в Нью-Йорк. Родители дружили с А. Ф. Керенским. В США Иван Иванович Лодыженский помогал бывшему председателю Временного правительства работать над мемуарами. Когда книга вышла, Керенский подарил дочери сподвижника экземпляр и оставил дарственную надпись. Екатерина была близкой подругой Нины Федотовой (дочери философа), вышедшей замуж за известного художника Федора Рожанковского. В Америке Е. И. Лодыженская сблизилась с Ольгой Карлайн, внучкой Леонида Андреева, которую помнила по Франции ребенком.

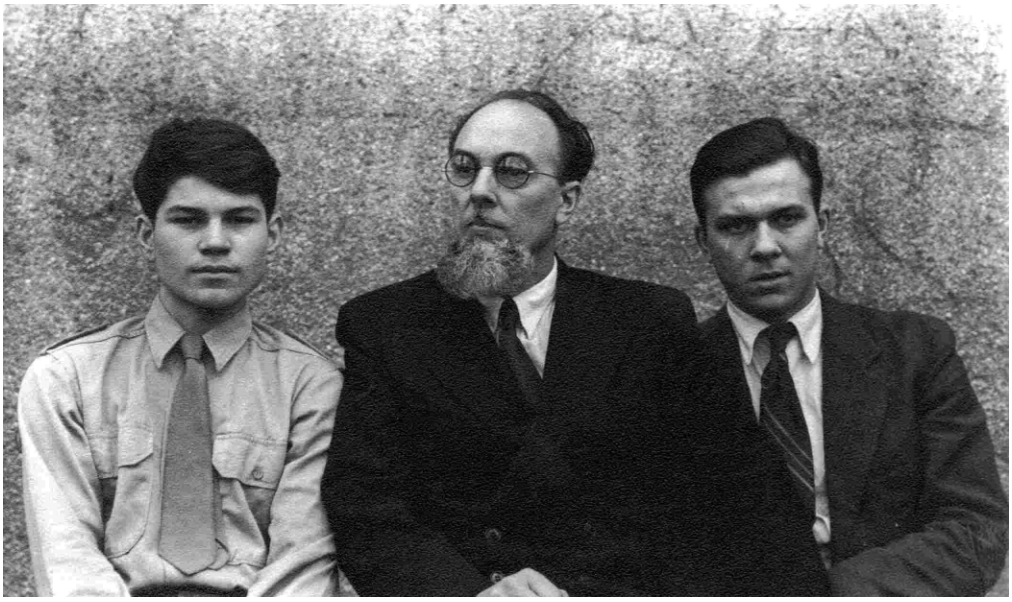
По специальности Екатерина Ивановна была врачом-педиатром. Первую работу получила на «Острове слез», в пункте медицинского досмотра прибывающих в США. Затем у нее был собственный кабинет, в котором обслуживались дети из эмигрантских семей. Е. И. Лодыженская постоянно занималась благотворительностью, входила в комиссию литфонда «Нового русского слова», основанного до начала Второй мировой войны.

Поэзия

Олег Ильинский (1932–2003)

Олег Павлович Ильинский (1932–2003) – поэт, эссеист, литературовед, профессор, с 1981 года был членом Пушкинского общества Америки и его постоянным лектором до последних лет жизни. Родился в Москве в семье историков искусства. Отец – корифей в области Ренессанса, мать была знатоком древнерусской иконописи. Во время войны, в качестве перемещенного лица, оказался с родителями на территории Германии. В 1949 году окончил русскую мюнхенскую гимназию, затем учился в университете. В 1956-м эмигрировал в США. В 1965 году получил степень магистра в Нью-Йоркском университете, затем в этом же вузе защитил докторскую диссертацию по русской литературе и там же преподавал. О. П. Ильинский входил в состав редакционного совета Русской академической группы в США и являлся членом редколлегии журнала «Русское возрождение. Результатом его творчества стала публикация семи книг с единым названием «Стихи». Одна из них – подарок супруги Татьяны Ильинской – находится в нашем архиве.

О. П. Ильинский и Е. И. Лодыженская



Олег Ильинский в молодости (справа) с отцом Павлом Дмитриевичем и братом Алёшей (из архива Г. В. Александровича)

Олег Ильинский выступает в Синоде с лекцией о Пушкине

Ниже мы публикуем подборку стихотворений Олега Ильинского.

Утро в июне

Летним утром в кружке подсвечника
холодеет свечной огарок,
А июнь — травянисто ярок.
Ветки сами себя рисуют, акварелью слегка
подцвечивая,
И выходят домам навстречу.
Это мир, это — быт, устойчиво
угнездившийся возле парка,
Там девчонка живёт, дикарка,
По соседству с рухнувшим деревом,
догнивающим на опушке.
Дно оврага горит веснушками.
К воркованью лесного голубя
Прислушиваются комнаты,
И тропинка головоломная
Уводит от книжной полки.
Тишина почтовой страницы,
Лиловеющий бег чернил,
И на серые половицы
Ясень тень свою уронил.
Что взойдёт на почтовой бумаге,
Голубоватой, как тени в комнатах,
Может, голубь лесной в овраге
Навеки себя запомнит,
Или утренний этот огарок
И зелёные эти окна
Неожиданно, как подарок,
В стих войдут, на листе просохнут.
Будут летнее утро славить,
А потом назовутся память?

1968

Музыка

И вот, казалось, музыка застыла
И схлынула, как бы войдя в кристалл,
На апогее звуковой стихии
Готическим цветком поющий контур стал.
И в сердцевине музыкальной розы,
Смычком исторгнутой из мглы первостихий
В замену музыки какой-то райский воздух
Раскатом вечности касается щеки.

1975

Индия в Нью-Йорке

Вот кварталов синие прогалины,
Синеватое движенье улиц,
Мост подвешен над туманным Гангом,
И на нём фонарики проснулись.
Люди эти — луны светлокожие,
Друг на друга, как бобы, похожие.
Все спешат — и всем наверно — страшно,
Вот мелькают люди и толкутся,
А меня ведёт клочок бумажки —
У меня — приятель из Калькутты.
Он — рабочий на текстильной фабрике,
У себя хотел меня оставить…
Ночь идёт — хрустальная красавица,
Закрывается хрустальным сари.
Берег Ганга — он хорош на зависть,
Мимо ходят барки-плоскодонки.
Ганг — всё тот же. Только мне сказали —
У него название другое.
Здешний Ганг — боксёр-американец,
Он мосты таскает и буксиры,
И на нём фонарики сверкают,
И его фонарики — красивы.
Плещется в воде иллюминация,
Звёзды Кришны с фонарями путая —
Я ходил сегодня наниматься:
Всё искал парнишку из Калькутты.
Всё ходил, надеялся на чудо,
Всю неделю по конторам рыскал,
А потом, стремительный, как джудо,
Синий дождь размыл мою записку.

1974

Школьный трамвай

На школьных стёклах — туча грозовая,
Но в голосах экзаменов весна,
И майское чириканье трамвая
В сырой листве мелькает, как блесна.
Приходит мысль об импрессионисте
Покуда запевает колесо,
Пока в вагон одним ударом кисти
Сияющее вписано лицо.
И словно краской, наливаясь счастьем
И будущим сверкая наяву,
Она Авророй рдеет на площадке,
Она, как гром, проходит сквозь листву.
Она живёт вчера, сегодня, завтра

И в кубике трамвайного стекла
Звучит палитрой школьного азарта
На апогее сильного крыла.
Но в школе ничего не понимая
В стихийности своих перипетий,
К румяным стёклам школьного трамвая
Мы молнию подносим, как фитиль.

1980

Вечер

Это чудо наитием древним
Опечатано раз навсегда —
У подножья тенистого гребня
Золотистая дремлет вода.
Все рассветы на нём отдыхали,
Он им тайны своей не давал,
Только мифы лесистым дыханьем
Омывают его перевал.

1978

Антигона

О, я уйду, как никнут камыши,
Я отлечу, как отлетает эхо —
Пусть гибнет тело, клетка для души,
Для изначальной лёгкости помеха.
Любила я вечернюю зарю
И горных коз на склонах Киферона,
И вот, теперь сама я догорю,
Уйду, как листья отрясает крона.
Покорна я, раз мой настал черёд,
Мы — сёстры, жрицы, матери и жёны,
Хранительницы древних очагов,
Мы — не строптивы, мы храним законы.
Когда я в детстве слушала свирель,
Когда была я девочкой весёлой,
Любила травы, солнце и зверей,
Любила игры, ласточек и школу,
Всегда, бывало, думала — умру
И стрельчатою ласточкой прикинусь,
А если брат переживёт сестру,
Пусть ведает другую половину.
Ты не поймёшь, как с братом мы дружны,
Ты узнице на слово не поверишь,
Тиранам, видно, сёстры не нужны,
Ты рос один, ты был самодовлеющ.
Ты не поймёшь, что я была сестрой
Не брату только, а ветрам и влаге,
И голубым туманам над горой,
И дереву, упавшему в овраге,
Светилам ночи, камню и заре,
Чужому брату и чужой сестре.
Во славу боевого топора
Ты вырастал в своей суровой школе,
Но я ведь и тебе, тиран, сестра,
Когда велит мне сестринская доля.
Ты твёрд, тиран, ты прочен, как гранит,
Ты сам себе и памятник, и память,
Мы рождены, чтоб братьев хоронить,
А ты рожден, тиран, чтоб нами править.
Мы мучимся и всходим на костёр,
Нам не дано направить ход событий,
Но я умру сейчас за всех сестёр,
За братьев всех, и за тебя, правитель.
Я не была ещё ничьей женой,
Я не жалею — быть сестрой — почётней,
Всей полнотой, всей женской крутизной
Служила я моим друзьям бессчётным.
Дышала хвоей, знала первый снег,
Любила брата и его затеи,
Его дела. Я всем была для всех,
Прозрачней утра и ручья светлее.
Мне — умереть? Пожалуй, и умру —
Блаженных теней так свободна поступь,
А ты не верь так слепо топору —
Не знаешь ты, что все бессмертны сёстры.
Ты позабыл, тиран, что смерти — нет,
Я отошла без горечи и горя,
Я отдала свой потаённый свет
Алмазному созвездью Антигоны.
Я отлетела просто, как жила,
От детства к смерти я была готова,
Как будто жизнь ей прологом была,
В любой сестре я воскресаю снова.

1977

День

Присматривайся к профилю берёзы,
Когда она глядит в лицо грозы,
В рябой гранит вглядись у корневища,
Под хвоей изойди янтарной бронзой,
Лесному полдню и ручью последуй
По каменистому его руслу.
Скульптурный полдень летних облаков
По хвойному плывёт конгломерату
Певучих гор, по синему излому

Лесной горы, как дух скользит, свиваясь
Сквозная дымка — облако лесное
На частый гребень камня и сосны.
Лесной Олимп — престол лесного бога,
Летучих серн тенистая обитель,
Гранитный зуб, храни свою прохладу,
Рябых дождей серебряное войско
В долину брось и радугой гранёной
Замкнув утёс, дроби их тёплый перл.
Твой влажный плащ — как летняя гроза,
Смолистой бровью поведи, Юпитер,
На горный склон в лиловых ядрах грома,
Омой листву и обнови ручьи.
В янтарных речках горная форель
Свой корм дневной берёт из рук Наяды,
И туча с золотистыми краями
Сияет, озираясь о стекло
Лесной воды, и бродит Артемида
И нимф пасёт по рощам и опушкам,
И ясные лесные божества
Внизу стволов теснятся на закате.
Шумя водой, проходит летний день.
Скалистый дом на хвойной высоте
Лесной Олимп покинула Афина,
Её полёт прозрачнее пространства,
И стайка снов клубится на ладони.

1978

Городской пейзаж с грозой

Светофор и карниз рококо —
Два лица — непохожие братья,
И прозрачное время в квадрате
Между ними струится легко.
Две эпохи в игре световой,
Два потока, две маски в испуге —
Этот город, тугой, как скульптура
Дик жасмином и влажен листвой.
Шум деревьев и шум площадей,
И страница газеты и шорох
Парусины и сотня людей,
Задержавшихся у светофора.
Город стёкла заляпал дождём,
Побежал мимо окон, прищурясь,
Чиркнул тучи алмазным ножом
И румянцем прошёл по скульптуре.
Рококо потонуло в грозе,
В шорох веток, смеясь, погрузилось,
И цвела у киоска газет,
Расплываясь, медуза бензина.
Разноцветные пляля глаза,
Плыл фонарь, словно лодочка, хрупок
Рококо, светофор и гроза —
Трёх стихий круговая порука.

1974

Летние строфы

И любые палитры превысив,
Синей дымки хлебнувши вдали,
Чтоб холстов не искал живописец,
Все холсты нам под окна пришли.
Там душистый горошек Шекспира,
Там индейский, гортанный пароль,
Древний ствол баснословного мира,
Оссиан под дубовой корой.
Стережёт голубая свобода
На уступе — коронку цветка,
И бочонок домашнего мёда
Продаётся под дубом с лотка.
На краю зарастающих просек,
Низвергаясь, как синий дракон,
Бронебойная молния косит
Половину ствола под уклон.
Так кончается август, и отпуск
Превращается в область легенд,
Поселяется вечная лёгкость
В лабиринте его стратегем.

1976

Планирую с откоса

Подо мной — каменистый карниз,
Надо мной — разноцветный угольник,
Я на кожаных лямках повис,
Рассекая пространство тугое.
Что такое упорство? Полёт,
Детский бред, обернувшийся страстью?
Нарастает, шумит и поёт
Голубая резина пространства.
Я стихиям представлен на суд,
Я с пространством сейчас в поединке,
Поднимают меня и несут
Голубые столбы-невидимки.
Там, в долине — деревня. Рябой
Лоб утёса изломом показан.
Что такое вниманье? Бинокль,
Мне навстречу сверкнувший алмазом.

Я над речкой прошёл. Миновал
Нотный стан проводов телефона,
В стороне от меня перевал
На лесистый карабкался конус.
Инстинктивное чувство руля,
Острый парус с подвешенной ношей.
Отступила стихия. Земля
Напряжённые лижет подошвы.
Не опасно. Хоть ельник и дик,
Благосклонны лесистые кручи.
Я спущусь и под острый кадык
Лимонад заливаю шипучий.

1974

Балет

Стихия-школьница, цветных мелков сестра,
Богиня парадокса и сюрприза,
Рождённая из росчерка пера
Снов рукодельница и пленница эскиза.
Лукавая, как профиль на полях,
На грани мысли и на грани танца,
В орбите света. Твой поющий взгляд
Навеки должен в памяти остаться.
Он станет опытом, покуда — безымянным,
Он станет музыкой — покуда — между строк,
Тебя ведь, как стихи, припоминают,
У этой памяти — огромный срок.
Живая щедрость шуток и затей —
От глаз её никто не застрахован,
Когда из них бушует светотень,
Прикрытая штриховкой тёмной хвои.
Посередине светлого кольца,
Творя непостоянные объёмы,
Ты в них не раскрывалась до конца,
Зато во сне проста была, как дома.

1975

Возле Пирея

Афинский рейд, серебряный Пирей —
Он, словно детство, дважды баснословен,
Весь в колыханьи этой синей крови,
Во власти вечной детскости морей.
Но он проперчен дымом судовым,
Он деловит, как скряга-клерк в конторе:
Меня он вечным детством удивит
И вечной старостью меня же переспорит.
1980

Наксос

И Ариадну тут одну Тезей покинул
На каменном плато, на склоне без теней,
И молодой Протей, играющий с дельфином,
Зовётся морем тут и руки тянет к ней.

1980

Керамикос

Эта почва на солнце сгорает,
А в кустарниках тонут гроба —
Тишина погребальных керамик,
Притуплённая пеплом трава.
И блуждая по древним Афинам
В каменистой пыли мостовых,
Словно ты уже землю покинул
И на мраморной стеле затих.
Ты давно уже — тень между теней
На просторах нездешних долин,
И туда только запах растений
Долетает, едва уловим.

1980

Склоны Парнаса

Громадного пейзажа переливы —
Седой нарцисс и синий кипарис,
И жёсткий блеск серебряной оливы,
Вздымаясь вверх, соскальзывает вниз.
Там с облака Кастальский ключ сбегает,
Как молния на пыльную траву,
И там Парнас гранёными зубами
Жующий снег — уходит в синеву.
Там боги-грозы серебрятся в небе,
Гнездятся в камне фебовы орлы,
Там гребень скал, как петушиный гребень,
Сквозь облачные светится валы.
Там Пан себя пасёт и нимф, себе послушных,
Коровы спят в светящейся тени,
Находит грот Дельфийская пастушка,
И Пифия вещает искони.
Там козы скачут по гранитным плешам,
И синий склон туманами повит,
И осенён кустарником ослепшим
Заворожённый мифами гранит.

1980

Афинский камень

Карабкаюсь на этот камень жёсткий:
Горячий воздух грозами тесним,
И светится афинская извёстка,
И пахнет штукатурка и жасмин.
Иду наверх, стирая каблуки,
Сквозит кустарник каменистым крапом,
А в лавке продаются черепки,
На них скупой орнамент нацарапан.
Он к нам пришёл из Крита и Микен,
В нём словно звук заворожен певучий,
А кипарисы у скалистых стен
Похожи на синеющие тучи.

1980

Кариатида Эрехтиона

Пока ещё дремала Византия,
Видала сны про вечность и про власть,
Похитил бык одну Кариатиду —
Она потом Европой назвалась.
Вся изнутри светилась ясным воском
И русым льном курилась сквозь века,
И сквозь войной испепелённый остов
В ней пела по Акрополю тоска.

1980

Византийские раскопки

Играют зорю при подъёме флагов,
И в тонкой ряби утренних олив
Спит Византия в древних саркофагах,
Все подступы камнями завалив.
Вот Парфенон вступает в город сверху
Солдатским шагом розовых колонн,
А рядом эта сгорбленная церковь
Стоит смиренно, как земной поклон.
И только эти пятна золотые
Дрожат на стёртых плитах, как свирель —
Твой древний камень прочен, Византия,
В узоре геральдических зверей.
И этих пятен светлая весёлость
Не ведает ни сроков, ни оков —
Гул вековой, как тот афинский голубь,
Доносится из глубины веков.
И мрамор плит, разбитых и разрытых,
И тень листвы на квадрах базилик,
Орнаменты, бегущие по плитам —
Вот Византии неизбывный лик.
Закатный блеск алеет над Европой,
А Византия — как предел времён,
И золотой сторонится Акрополь,
Античный мир, вечерний Парфенон.

1980

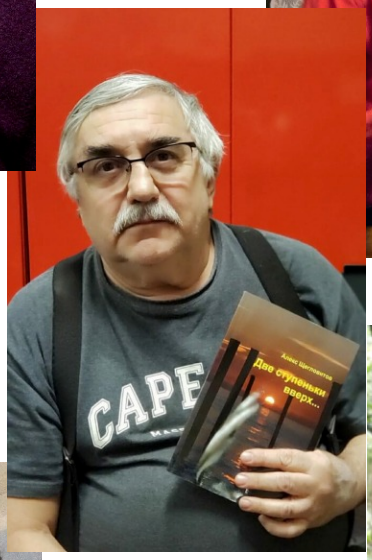
Двор монастыря в Афинах

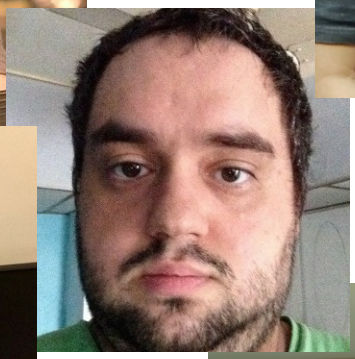
Блеск воздуха над зеленью долин,
Крылатость византийского пространства,
И словно дремлет терпкая полынь,
И веет отрешенностью бесстрастной.
Задумайся, опомнись, покорись.
Будь скуп на речь, как эти камни скупы.
У входа замер тёмный кипарис,
И спят колонны, прислонясь к уступам.
Воочию здесь вечность начата,
Она в одно мгновенье уместилась,
И буден мимолётная тщета
Поражена обратной перспективой.
Порви непостоянную канву
Причинности холодной и лукавой,
И близкий рай проступит наяву
И одарит своей нетленной славой.
И отвергая многоцветный мир,
Мы по нему пройдём неуловимо,
Пока поблёкнет солнечный эфир
В сиянии бессмертных херувимов.

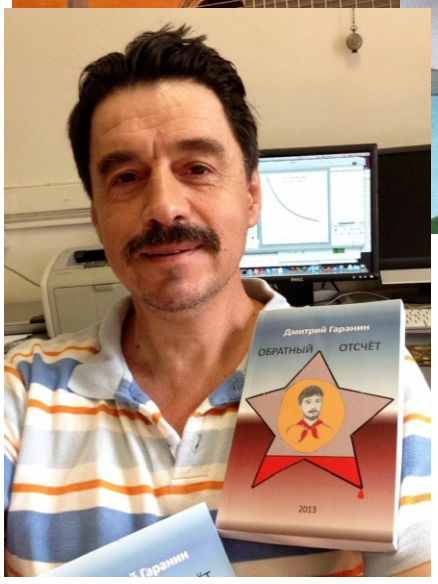
1980

Парад поэтов Пушкинского общества

В каждом из последних выпусков «Вестника» мы публикуем парад-смотр поэтов Пушкинского общества. В этом номере участвуют Наталия Корень, Павел Лукьянов, Алекс Щегловитов, пародист Алексей Березин, Алла Сергиенко, Борис Борукаев, Волга Котт (Ольга Мисевичене), Денис Реентенко, Михаил Жинжеров, Нонна Пидвальна и Дмитрий Гаранин, ответственный редактор «Вестника». Идентифицировать участников вы можете по ссылкам на Фейсбук.







Наталия Корень: О вечном

* * *

безмерна вечность, пустота,
любовь и смерть...
еще дорога в никуда,
ее не одолеть...
безмерна радость, тишина,
и круговерть...
и музыку нам не понять –
но мы умеем петь.

* * *

звёздного ритма
послушные дети,
просто бредём
в темноте

смотрим вокруг,
ничего не заметив,
медленно,
словно во сне

чувствуем, близко
от нас то, что нами
зеркально отражено,

нам уготовлено,
нами угадано –
освободит ли оно

* * *

в молчаньи тоже есть ответ –
противовесом многословью
оно сопутствует безмолвью
и проливает нежный свет.

и если есть шарм в тишине –
он также к музыке причастен
многоголосьем в многолетнем сне,
где ты когда-то будешь счастлив.

* * *

Кто ж я? Всего лишь я –
не больше и не меньше –
я и нигде, и я везде –
внутри, снаружи, смежно
с другими «я»; среди меня –
миры и мириады
волнений, волн, частиц, частот;
созвездия, плеяды
галактик, звёзд и чёрных дыр
и белых вспышек аур,
рожденья чудо, жизни вдох,
догадок вечный мрамор.

* * *

сей час – это время мгновения мысли,
в час, пока мы чувствительны к свету,
сей момент, называемый скоростью жизни,
этот миг постоянно зовет нас к ответу.

а ответ – за пределом: часов череда,
будней, радостей, слез бесконечная смена;
безвозмездно сопутствует лет борозда
нам, живущим сейчас безответственно смело.

https://stihi.ru/avtor/nkoren

Павел Лукьянов: Мальчик шёл по тротуару

***

Я, быть может, что-то важное скажу,
Может, пальцем в чисто небо укажу,
Будет сложно, но абсурду я служу,
Слава богу, слава бегу, весь дрожу.
День прошёл, ну наконец-то: так хотя б
Смерть покажет приблизительный масштаб,
Опускается из будущего трап,
Слава богу, слава бегу, весь ослаб.
Возрождается на простоту запрос,
Жизнь натянута, как смерти медный трос,
На побывку сходит на берег матрос:
«Кто тут *временное*? Дайте папирос!
Я сыграю вам ноктюрны на костях,
Разолью веселье с газом в волостях,
Надоело жить от случая в гостях,
Сам уйдёшь иль раскулачить в новостях?»
Отошла ступень культуры, как штаны,
Стало видно: мы равны, рваны не мы,
Поднимаются с коленей пацаны —
Семя новое подсолнечной страны.
Красный серп восходит над страной,
Будет слово, будет ново под луной,
Отправляемся, сударыня, в забой,
Слава богу, слава бегу, упокой.
Спит природа как исходное число,
Спят дрова, им чуть поменьше повезло,
Спят животные несчастные, как зло,
Только мы не спим, как антивещество.
Жизнь пришла и будет проходить,
Что-то, братцы, ускользает нить,
Начинает пред глазами плыть,
Больше некому и некого винить.
Ветер из лесу принёс благую весть:
Где-то там сокрыто то, что может цвесть,
То, что в принципе нельзя ни взять, ни съесть —
Вечности подарок или месть.
Был ты взвешен, признан и забыт,
Но сквозь пол и окровавленный твой быт
На тебя беспомощно глядит
Неустанный времени магнит.
Миллионы атмосфер сожмут
Человека муравьиный труд,
Карп зеркальный озирает пруд,
Где его когда-нибудь спасут.
Я, быть может, что-то лишнее сказал,
Чемодан — поэзия — вокзал,
Зал пустой, но всё же это — зал,
Гардероб, предчувствие, финал.
Ожиданье, дофамин, зрачки,
Сердце трёт от счастья кулачки,
Протирает президент очки:
«Урожай, на экспорт кабачки».
Что услышать ты ещё готов?
Человек есть родственник коров,
Широка страна моя, как ров,
Слава богу, слава бегу, будь готов.
Дело в шляпе, да и тело там
Оказалось сразу по пятам,
Смотрим в оба, делим пополам
Белый шум и чёрный гам.
Расплываются привычные черты,
Исчезают в недрах праздника цветы,
Смерть кричит: «Вот ты, и ты, и ты!»
И поля стоят, луною залиты.
Я склоняюсь то — в надежду, то —
В то, что слово — это решето,
Зачерпнуть нельзя и зачеркнуть,
Слава богу, слава бегу, суть.

Москва, 2020

***

Мальчик шёл по тротуару, а потом его не стало.
Мальчик сел на одеяло, а оно под ним пропало.
Мальчик встал на самокат, а на нём — уже стоят.
Мальчик смотрит на луну — и не видит ни одну.
Мальчик книгу написал, а никто не прочитал.
Мальчик знает свою мать и боится ей сказать.
Мальчик выдумал число, а оно — уже давно.
Мальчик встретился с друзьями, а они его не знали.
Мальчик улыбался много, но грустна была дорога.
Мальчик забежал в автобус, а Земля — огромный глобус.

1977—2008

9 мая 2005

Если бы сестрёнка позвонила, если бы рубашка подошла:
человек приходит на столетье и сидит бессильно у стола.
Умирать в сиреневом костюме на параде в облаке шаров,
огурцы барахтая в прохладе, из подвала выгнав пацанов.
Ходит участковая позёмка, лезет исхудавшая лиса,
женщина померяет футболку, и пойдёт другая полоса:
апельсин на вымытой тарелке, акробат раздразнивает зал,
агрегат подкачивает воду, и никто не скажет, что устал;
каждый день — колючая щетина, и сестра идёт поговорить,
и улыбка — старая собачка, и в зубах растрёпанная нить.
Если честно посмотреть на время, то осталось несколько минут,
человек сползает по скамейке, и его лежащего кладут.
Выжить в развороченном окопе, потерять оставшихся друзей,
выгладить парадную рубашку и дойти тихонько до людей.

Шанхай — Женева, 3 февраля — 22 мая 2005

Алекс Щегловитов: Наша ночь

НАША НОЧЬ

Твой взгляд из-за плеча струится по стеклу
И зеркало дрожит, пытаясь скрыть смущенье.
А первый робкий луч рисует на полу
Остатки наших чувств и кораблекрушений.

Рассвет ещё вдали, за кромкой облаков,
Прокладывает путь полоской красных бликов.
Ложится на перо вязь сокровенных слов
И тает на губах, как ягоды клубники.

И снова будет ночь, и взгляд из-за плеча,
Остатки наших чувств, и клятвы, и сомненья,
И первый робкий луч… о чем он умолчал?
Что скрыто между строк моих стихотворений?

* * *

«Я помню чудное мгновенье»
(А. С. Пушкин)

Ах, всё бы знать, да кто же может,
в меняющемся ритме лет,
то нрав свободнее, то строже,
в белесом дыме сигарет.

Не вспомнить чудное мгновенье
в потоке сумрачных часов,
лишь интернет, как озарение,
всегда без слов на всё готов.

Лишь он всё знает, он всё может.
Бежит сквозь оптоволокно
то, что мгновения умножит,
чтоб чуда не произошло...

Меняются столетий даты -
Сухие цифры на полях,
Они, как времени солдаты,
При бестолковый королях.

Сплошное светопреставленье
При попустительстве планет.
На мысль всего одно мгновенье…
Да только вот чудесных нет.

УТРО

Распустилось утро жёлтою ромашкой
на бескрайнем поле неба голубого.
Куролесит ветер, душу нараспашку
распахнул от счастья он для всех немного.

Разогрелось солнце, облака вздохнули,
птицы на деревьях ноты разложили,
пчелы зажужжали, покидая улей...
Каждой твари пара думает о жизни.

* * *

Растаял лёд кристальной правды,
Водой наполнились ручьи.
А кто без правды станет правым,
Сменив орала на мечи?

Рвут крики ткань притихших улиц,
Мембраны тонкие витрин
И солнце в страхе ужаснулось
С тоской глотая анальгин.

Растаял лёд кристальной правды
Осталась ложь правдивых СМИ.
Не знаю я, что будет завтра...
Дай Бог, чтобы не жизнь взаймы.

А и Б

А и Б сидели на трубе,
А упало, Б пропало.
Что осталось на трубе?
(шуточные стихи)

Однажды шёл я по дороге
из пункта А до пункта Б.
Когда-то, свешивая ноги,
они сидели на трубе.

Ещё меж ними И сидела,
не бедной родственницей, но
встревала в тему то и дело
не глупо, но и не умно.

Откуда И взялась? Причина
её сиденья на трубе?
Ей это было не по чину,
И – не ровня ни А, ни Б.

О том, о сём они болтали,
чтоб разогнать свою хандру,
но раз случайно А упала,
и Б пропала поутру.

Порою череда событий
в основе сущности лежит:
не важно, где и как сидите,
а важно, кто вас подсидит.

Алексей Березин (Нью-Йорк): Пародии

Ну-ну

“...летели быстрей
паровозных ту-ту..."

(Александр Габриэль)

Сижу за компьютером, вирши пишу,
Слежу за сюжетом и формой стиха.
Не так, чтоб ловить за спиною шу-шу,
А чтобы услышать хи-хи и ха-ха.

Пишу, как становится плоской земля,
Как нас шарлатаны берут на слабо...
В ответ кто-то скажет не надо ля-ля,
А кто-то вполне может сделать бо-бо.

Когда я был юн, беззаботные дни
Куда-то неслись!.. Всё давалось легко!
Одна мне твердила – до свадьбы ни-ни!
Пока не поднёс ей духи от Коко.

Ах, как хороши вечера на Оби!
Но всё же мечталось бежать из глуши!
Хотелось квартиру, хотелось би-би,
Решался вопрос на какие шиши.

Я вижу себя, как во сне, в мираже!
Как будто ушёл на разведку в тайгу...
Вот завтра проснусь и вернусь в свой жж –
Я там уже несколько лет – ни гу-гу!

Всё брошу, уеду в леса и луга,
Перо да бумагу с собою возьму.
И пусть на подворье простое га-га
Порою слегка заглушает му-му.

А мне ведь твердила жена – не глупи –
Вернёшься назад – будешь рад и ломтю!..
Пока на вокзале я бегал пи-пи,
Все вещи, билеты и деньги тю-тю.

Видать, не судьба мне пожить во дворце!
Я лёг на диван и уснул на боку.
Вдруг в задницу клюнула муха цеце...
Но жизнь пронеслась и сказала ку-ку.

Шла дрезина

"Потому что в гости к Богу
не бывает опозда…"

(Сергей Плотов)

Шла дрезина тёмным лесом с неисправным джипиэсом,
По долинам и по взгорьям – две эскадры кораблей.
А трамваем (пятый номер) – Трус с Бывалым и Балбесом,
А за ними – мерседесом – добрый доктор Бармалей.

Путь далёк у нас с тобою – от свиданий к мордобою –
Мы спортивною ходьбою устремимся за судьбой.
В юго-северной Одессе море – мокро-голубое!
Я хочу увидеть Месси, ты возьми меня с собой!

На златом крыльце сидели, будто в зале ожиданий.
Кто ткачиху с Пугачихой посылал на Еврови...?
Однозвучный колокольчик весь зашёлся от рыданий.
Скоро сделаем укольчик – победим коронави...

Пей, Иванушка, не бойся, ешь уханьские сосиски –
Пусть сажают сицзиньпины всю планету на иглу!
Глупый пИндос робко сверлит дырки в модуле российском,
Робот Фёдор гордо держит наготове крейзи глу.

Председатель Совнаркоза шёл под грохот канонады –
Зайку бросила Глюкоза, под дождём остался за...
Дан приказ ему – в автобус – из Ташкента до Канады.
Не крутите пёстрый глобус – все торчат в глубокой за...

Ах, как молоды мы были – не суди, товарищ, строго!
Как мы искренне любили до последней капли спе...
А теперь, тая тревогу, мы выходим на дорогу,
Потому что в гости к Богу можем просто не успе…

Нонна Пидвальна: Женская молитва

***

Ты создал меня женщиной, Боже, за это
Бесконечно я буду тебя прославлять.
Знаю, в муках рожать буду, в страхе
Я от боли неистово буду кричать
И в минуты той боли, в минуты страданий
Я сольюся с Тобой, прикоснусь ко Творцу
Ты меня через деторожденье спасаешь
Но сегодня Тебя не об этом молю
Ты создал меня женщиной, Боже, из тела
Моего господина. И все же, ропща,
Я ввела его в грех, я его соблазнила
И в пустыню греха от Тебя увела
Той пустыней бредет он теперь, спотыкаясь
Тернии, волчцы земля породила ему
Вспоминает, как утром в саду с ним общаясь
Ты просил быть послушным Тебе одному
Я сегодня склоняю колени в молитве
И прошу я, мой Боже, дай силы ему
Лишь Тебе одному доверять в этой жизни
сердцем, разумом, волей стремиться к Тому
Кто из бездны достанет, грехи все омоет
Кто даст сердце иное, Кто слезы отрет
Кто научит всему, ничего не сокроет
И Кто имя его в книгу жизни внесет
Ты создал меня женщиной, Боже, дай силы
Мне в молитве за мужа сражаться, стоять
И тому из чьего я ребра, до могилы
Быть женою от Бога. Лукавый опять
Не расторгнет союз наш, пустыней идя
Двое нас плотью стали единой. Любя,
Ты создал меня женщиной, Боже, а мужа
Ты мужчиной создал. В этом мудрость Твоя.

***

Авва Отче, Отец, Ты же слышишь.
Ты ведь знаешь молитву мою
Ты уже заглянул в мое сердце
Я взываю к Тебе, я пою
Песнь, которую можешь услышать
Только Ты, и понять, и принять
К этой песне добавив аккорды
Ты поможешь мне в небо поднять
Мою душу, изъятую болью
Чтобы там, в вышине поднебесной
Насладившись твоею любовью
Я смогла бы вернуться на землю
И пройти этот путь,
что Тобой уготован
Сохраняя тот мир,
Что Тобой мне дарован
Авва Отче, Отец, Ты же знаешь
Ты ведь слышишь молитву мою
Я хочу лишь сказать очень тихо
Как же сильно Тебя я люблю.

ГОРШОК

Стоишь один, красивый гордый
Ты величаво смотришь вдаль.
Брезгливо обойти стремишься
Царящую вокруг печаль.

Наполнен до краев водою,
Уверен, ты благословен.
Держа в себе свое богатство,
Ты им по жизни вдохновен

Сухие листья под тобою,
Вокруг засохшая трава.
Но не до них тебе, собою
Ты занят с самого утра

Ты к Богу ищешь путь, ты хочешь
К Нему поближе подойти
Узнать, что нужно, чтоб быть в царстве,
Но слышишь голос на пути:

"Ты выучил закон прекрасно,
Ты хвалишься им пред людьми,
А ты раздай свое богатство
И крест Мой на себя возьми.

Ты вылеплен Моей рукою,
Моей грозой ты напоен.
Тебе богатство дано Мною
И ждал Я милости взамен.

Ты поделись своим богатством,
Не дай воде заплесневеть.
Она отравит твою душу,
Заставит блеск твой потускнеть.

Трава, иссушенная зноем,
Не сможет от жары укрыть.
И листья, без воды поникнув,
Не смогут больше защитить."

Стоит горшок, водой наполнен.
К нему с вопросом подхожу:
Каким богатством я исполнен?
Чем в этом мире дорожу?

Алла Сергиенко: Триединство сущности

Слушая Моцарта

Господи, живые связки,
Милый мой, твои подсказки!
И душа, как ветерок,
Внемлет вечности урок.
С благодарностью вдыхает,
Моментально отправляет
Чувств потоки, откровений,
Нежность, трепетность волнений...
Да, наверх! Затем, обратно,
Наблюдая, как нарядно
То пространство, где сияния,
Мимолетные создания,
На границе,
нереальной веренице
Мыслей-образов фронтальных
И лучей живых, сакральных
Светлой радостью звенят,
Сообщения строчат
В чат ...
Дешифруя их, пишу,
Потому что вам спешу
Те поведать чудеса,
Что от Господа. Краса.

Регламент

Тонкий поэт. Жесткий корсет.
Лишь двухминутный след.
Что он успел сказать?
«Господи!» … «Вашу мать!» …
Прерван, велели молчать.

Нет по регламенту, нет
Времени слово вкусить,
Пряности чувств растворить,
Сути поэта коснуться...
Души, как струны рвутся —
Выстрадав, записал,
Да на страницах сверстал
Собственные скрижали...
Кто они, те, кто зажали?
Те, что сказать не дали?

Живопись

Свет и тень, ночь и день.
Наблюдение течения,
Расшифровка преломления.
Линзы, фокус, формы, краски —
Погружение...
Безопасность глубины,
Вдохновение.

***
Не буди меня — Господа право.
Он с любовью, а ты лукаво,
С ожидаем счастья возможного,
По утрам невозможно сложного.
Не буди, позволь самой
Попрощаться с небесной звездой

Триединство сущности

Несуразнейший треугольник —
В земной жизни «Я» дошкольник.
Углы сходятся, расползаются
Чувства спорятся, разлетаются.
Триединство сфер — это сложно!
Плоть в вуали душевной —
Можно трепет ее ощущать,
Живописные краски снимать,
Аккуратно нести на холст…
Слой вуали для духа толст!
Тонкой струйкой, без аромата,
Ненарочный, в том виноватый —
Запоздавший иль рано пришедший,
Прагматичный иль сумасшедший…
Триединство различных миров?
Да в свободном миру, без оков?
Экстремально, замысловато,
Нестабильно так, горьковато,
Проживает свой век человек…
Совмещение сфер? Успех!

Волга Котт: Детские стихи

Лес чудес

Здравствуй, солнце, здравствуй, лес.
Ах, как много здесь чудес!
Ходят по лесу Ежи,
Посмотри, как хороши!

Галки сели на кустах,
Новость держат на хвостах.
Соловьи поют дуэтом.
Ах, как славно быть поэтом!

Вот Лиса хвостом махнула,
За кустом мне подмигнула,
А грибов хоть пруд-пруди!
Ну, а что там впереди?

Даль, покрытая цветами,
За поляной перед нами
Вижу чудо из чудес-
Лес поднялся до небес.

Вот ромашки, васильки,
А на них сидят Жуки.
Прискакала Антилопа,
А за ней Козёл притоптал.

Закружили карусели,
Белки, прыгая на ели.
Это всё мои друзья,
Вместе мы одна семья.

Солнышко закрыло глазки,
Растворившись в мире сказки.
Только Филин всё хлопочет,
До утра стеречь нас хочет

От сердитых и зубастых,
Серых, серых и хвостастых…
Время спать, закроем глазки,
Что ж, конец и нашей сказки!

***

Черики-Дорики,
Быть тебе на Торике.
Прыгате по дорожке
На одной ножке.

Черики -Дорики,
Спрятался за морики.
Разбудил кошку,
Выпрыгнул в окошко.

Черики-Дорики,
Рассмешили дворники.
Лужи подметали,
Детям спать мешали.

Черики-Дорики,
Прискакали творики.
Шар надули голубой,
Заиграли всей гурьбой.

Кувыртушки

Закрутились кувыртушки.
Мышки-Мишки и квакушки.
Чёк-чёк-кувырчёк.
Видишь вон идёт бычок.
Ножкой топ – выкрутас.
Вошёл в реку Барабас.
Фыркнул Сом, хвост с хрустом.
Ус скрутив в перевертом.
Ха-ха-ха, смеются белки,
Мы как стрелки, мы как стрелки!
Кувыртушки крутят вверх.
Ах, какой у нас успех!
Аист голову склонил,
И нас в гости пригласил.
Чёк-чёк-кувырчёк.
Выходи ко мне сверчок.
Головой ты не крути,
Кувыртушки крутани!

Борис Борукаев: Разрыв

Перемена

Единых душ восторженный полет.
Подлунные гуляния на пару.
Безумства и ночами напролет
любовь, стихи и песни под гитару.

Но это в прошлом. Ныне – маета.
Хождение вдвоем, как по этапу.
Занудливые чтения с листа.
А песнь одна. Она зовется храпом.

От этой перемены очумев,
на жизнь не сетуй – на себя посетуй.
На то, что в здравом будучи уме,
ты предпочла прозаика поэту.

Разрыв

Разъединяющая зона.
Стояли двое у вагона.
Гнусавый голос монотонно
предупредил и повторил.

Казались вескими причины.
Всем существом своим едины,
они, делясь на половины,
лишались слов, опоры, сил.

Иной судьбы слепая сила
делила душу, плоть делила.
Незримо кровь фонтаном била
из разрывающихся жил.

Последний взгляд последней встречи.
Ее прижав к себе за плечи,
сказал он тихо: «Время лечит».
Но время переоценил.

Сюжет

Конечно, знаешь ты, что я
живу с тобой, в душе храня
печаль любви к другой.
Конечно, знаю я, что ты
с другим в мечтах. Но не мечты
тебе несут покой.

А преступить черту нельзя.
Ведь те, другие, нам друзья
с безоблачной поры.
Они составили давно
вторую пару. Как смешно.
И плачется навзрыд.

Им хорошо всегда вдвоем
в закрытом, тесном мире. В нем
нам все же места нет.
Никто ни в чем не виноват.
Сложилось так. На первый взгляд
совсем простой сюжет.

Я спрошу

Не пойду я по́ лесу, не пойду я по́ полю,
по степям, горам, лугам тоже не пойду.
Не пойду и к ясеню, не пойду и к тополю,
к месяцу и облаку, осени, дождю.

А пойду уверенно по пути привычному
мимо всех посредников к другу напрямик.
К искреннему, преданному, другу закадычному
и схвачу единственного сразу за кадык.

Охватила полностью горечь нестерпимая,
пусть теперь познается он в моей беде.
Я спрошу с пристрастием: «Где моя любимая,
отвечай мне искренне, ты же знаешь, где».

Друг ответит искренний, крикнет: «Ни фига себе!
А зачем женился ты, какого же рожна?
Да, была любимая, любимая была тебе,
была тебе любимая. Теперь тебе – жена».

Поиск

На поиск счастья он потратил жизнь,
с судьбой играя будто бы в лото.
Любовь, свобода, деньги – миражи.
Нет, все не то, конечно, все не то...

Прикованный к постели, он постиг,
подтрунивая над самим собой,
что счастье – это тот блаженный миг,
когда немного отпускает боль.

Посвящение

Свершения любые по плечу,
как стал делить с ней радость и заботы.
На небо глядя часто, я шепчу:
спасибо, Боже, что создал ее ты.

Здесь наши чаянья переплелись
одним дыханием, одной судьбою.
И взор, как прежде, устремляю ввысь.
Спасибо, Боже, что она со мною.

Встречая вместе яркую зарю,
мы занимаем уголок укромней.
За то я Бога вновь благодарю,
что больше не о чем просить его мне.

Денис Реентенко: Если шлёшь меня прочь

***

Простою на тропе лесной,
я опять всю ночь.
Не хочу я пока домой,
шлю проблемы прочь,
Три стены, городская жизнь,
суматоха там,
ну а здесь, так прекрасен мир.
Здесь стоять я рад.
я молчу, снова задышу,
воздухом лесным.
и взгляну я на тёмный лес –
до чего ж он мил.
Шлю подальше я дурную мысль –
улетит она.
Вновь пойму как прекрасна жизнь,
и как ночь легка.

Ю.Н.

Если шлёшь меня прочь,
значит ты мне не нужен.
О тебе в эту ночь –
милый недруг – забуду,
будто нету тебя,
как и не было вовсе,
неприятных тех дней.
Я навечно свободен.

Прости родня, пускай порой,
не адекватный – мой герой.
Увы не прав и пусть веду,
себя как тварь, но так люблю,
вас всех как сын и я любим.
Пускай не мил и не красив,
и часто грязь пишу в стихах,
но не хочу кому-то зла.
Пусть пропаду я на весь день,
но не противен я себе,
и езжу, верьте мне, не зря.
Произведений для себя,
я очень много напишу.
Да, пусть так дико я живу,
и коль уйти мне молодым,
навечно буду я любим.

***

Тишины вновь хочу вместе с тьмой,
и один на один я с собой.
Я не жив и не мёртв в этот час.
Не нужны мне заботы сейчас.
Сыт по горло вонючей войной,
но не бойся, мой друг – не блатной
я. Бандитом иль вором не стать –
вечно честный. Вперёд мне шагать,
я надеюсь дано много лет,
и не раз сочиню новый текст.
Нет, не ранит никто, не убьёт,
и надеюсь пройду я вперёд.
А коль силы уйдут не жалей,
и иди себе вдаль веселей.
Вспоминай но будь выше меня,
и тогда проживёшь ты не зря.

Михаил Жинжеров: Детские стихи

НЕХОЧУШКА

У бабушки, дедушки, папы и мамы
Рос мальчик балованный и упрямый,
О чём не попросят он всем и повсюду
Всегда отвечал: «Не хочу и не буду».

Вот мама попросит: «Ты грязный, весь в пятнах,
Сыночек, умойся и будь аккуратным».
«Не буду я мыться, не буду опрятным.
Я слышал, что даже на солнце есть пятна.

Зовёт его папа: «Оденься, сыночек,
Поедем купить кое-что мы к обеду».
Надулся сынок, одеваться не хочет.
Кричит: «Всё равно никуда не поеду».

Упрямого бабушка просит мальчишку:
«Давай-ка, дружок, почитаем мы книжку»
Но мальчик в ответ: «Отцепись, надоело.
От книжек уже голова заболела».

И дед пристаёт: «Порешаем задачи.
Учёба так много для мальчика значит»,
Но внучек кричит: «Я не буду решать,
Не нужно ребёнку играться мешать.

Вот как-то собрался семейный совет:
«Что делать? На всё отвечает он нет,
Гулянье одно на уме, да игрушки,
Упрямый какой-то растёт «Нехочушка».

И мама сказала: «Вношу предложение,
Мы все поменяем к нему отношение.
Не нервничать нужно, а просто начать
На просьбы его "не хочу" отвечать».

Вот к маме примчался мальчишка голодный:
«Я кушать хочу». «Вот свекольник холодный».
«Не буду свекольник. Ну, мама, послушай».
«Не будешь – не надо, не хочешь – не кушай».

Он к папе, который приехал с работы.
«Поедем мы завтра смотреть бегемота?»
«Какой бегемот, в зоопарк не хочу.
Я лучше пойду в домино постучу».

Задумчивый мальчик направился к деду:
«Поедем кататься на велосипеде?»
А дед: «Не поеду, зачем, не хочу.
Я лучше отправлюсь сегодня к врачу».

Он к бабушке: «Слушай, купи мне мороженое.
Ребёнку отказывать не положено».
А бабушку внуку: «Отстань, надоело».
«Мне хочется». «Ну а какое мне дело».

Воскликнул ребёнок: «Вы что сговорились?
На бедного мальчика все навалились.
Кончай издеваться, капризы забуду.
Куда тут деваться, я слушаться буду.»

КОШКА

Во время дождя всем нам грустно немножко,
Печальные мысли одолевают.
Сидит у окошка печальная кошка.
О чём-то жалеет, о чём -то мечтает.
Что кошку тревожит? Забрали сосиску?
Прогнали с дивана и отругали?
А может, хозяин, кто раньше был близкий,
Покинутой кошкой пренебрегает?
Хоть много людей проживает в квартире,
Кто к кошки сердечку проложит дорожку?
Без ласки живёт в озабоченном мире
Забытая всеми несчастная кошка.

ВОЛК

Даже на отдыхе взгляд насторожен.
Врагами жестокими он окружён.
Только свобода волку дороже.
Волк ни к кому не придёт на поклон.

Он опасается каждого звука.
Голоден часто бывает зато.
Подобострастно не лижет он руки
И ни кому не виляет хвостом.

Волку никто никогда не поможет.
Еды не подкинет голодной порой.
Волк одинок, ненавидим, так что же?
Злобный, жестокий, но гордый герой.

Дмитрий Гаранин: Стихи предыдущего тысячелетия

* * *

Сапоги. Осины дрожь.
Ты смывай, осенний дождь,
Что осталось красок лета –
Акварельного букета
Под дождём не сбережёшь!
Красота вся эта – ложь.
И не нужный больше лоск
Шелухою мёртвых листьев
Ты уносишь, вечный дождь,
К горизонту из рогож
Расчищая мне дорогу.

1978

* * *

Чертим дугами глаз,
Ищем разбросанный свет,
Тёплый, купающий газ
В жерле ночи планет.

Хаос, утопленник тьмы,
Встанет, грозя ключём.
Чёрный Коран со дна
Так смертельно тяжёл.

Праздник сверкающих сил,
Белых страниц полёт –
Только разбились следы
О каменеющий лёд.

И, осеняя крестом,
Вырвали свет из глаз.
Жадным, скользящим узлом
Тьма захватила нас.

1978

ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ

Всё было кончено. Развалины
Ещё дымились на морозе,
И клубы пыли оседали
В лучах рассвета бледно-розовых.

И открывалась панорама
В нелепом хаосе и крене –
Вчерашний день на куче хлама
Домов, упавших на колени.

И отрывая взгляд усталый
От камней бывшего жилища,
Мы думали, как нужно мало,
Чтоб обрести свободу нищих.

И в свете солнца деловитом
Мы распрямлялись и теплели,
И мир вокруг стоял открытый
Для новых встреч и новоселий.

Он простирался в бесконечность,
Как будто радуясь вопросам
О близком будущем, и вечность
В запасе дней гляделась просто.

И смолк застенчиво приёмник,
На ремешке болтаясь зябко –
В слепящий снег полей огромных
Шли люди, нахлобучив шапки.

1979

ЭТО СЮР

Неповоротливый корабль
Со скрипом задирает нос
Повисла соль и всякий хлам
Колёса воздух и туман
Пронизан тысячью борозд
Как будто взвился рой стрекоз
Пять человек таких как я
Стоит на палубе Лучи
Переливаясь хороши
Разбили пирамиду звёзд
И в море падают шипя
И накреняется остов
Чтоб лучше видеть якоря
И как плывущая заря
Раздвиглась радугой мостов
И странный звук как бой часов
К нам докатился из-под них
И резонируя в волнах
Запрыгал ярко-красный шар
Среди объятий голубых
И сразу дунуло теплом
И нам приветственно маша
Запел весёлый ветерок
В тончайших мраморных ушах
И вереница пузырей
Поймав струю летит быстрей
Через скалистых гор отрог
Летит туда где пляшут рок
И Афродита без джинсов
Скульптурным шагом не спеша
Выходит греться на песок

1979

Проза наших авторов

Инна Грубмайр: Чебурек в «Зуме»

К своему первому уроку в «Зуме» я готовилась серьезно. Университет прислал пошаговую инструкцию. А коллега Лена, уже немного освоившая программу, предложила показать, как с нею обращаться на практике. Все выходные она меня тренировала. Однажды даже попросила своего мужа быть третьим, чтобы попробовать breakout rooms (BR). Это виртуальные комнаты, где можно работать в парах или маленьких группах. Для преподавания языка это просто супер функция.

Я все записала, чтобы в момент возможного сбоя иметь под рукой шпаргалку.

Перед первым уроком все проверила. Даже попросила Лену побыть моей «студенткой». Все работает. Готовность номер 1.

Ровно в три на экране компа стали появляться квадратики с именами моих студентов. Через пару минут все 25 были здесь. Здороваюсь с ними. И раз, и два. В ответ тишина.

– Фрау Грубмайр, мы вас не слышим.

O my God!

Мир, ты несправедлив. Я же готовилась!

Начинаю судорожно кликать на галочки в настройках, меняю штекеры в процессоре, беру другие наушники... И все это на виду 25 квадратиков.

Конечно же, они начинают давать советы. Ребята, спасибо, но... Советы идут на немецком, а «Зум» у меня на английском. В состоянии стресса я не способна соображать, что чему соответствует. Не способствует пониманию и паника. И как на миллион-шоу, прошу поддержки друга.

Звоню Лене. Хотя понимаю, что она мне ничем помочь не может. Она же не видит мой экран. Но мне просто нужна человеческая и коллегиальная поддержка.

Она тоже дает мне какие-то советы. Результат – ноль. Потом слышу:

– Мусик, я все понимаю, ты занят, но ты у нас один мужчина на три дома. (Мусик, то есть Андрей, Ленин муж, накануне помогал еще одной нашей коллеге.)

Андрей просит меня добавить его в число участников зум-сессии. И я понимаю, что не знаю, как это сделать.

– Перешли мне на имейл ссылку сессии.

Ха! А где она у меня?

Так, спокойно! Как я это делала? Отправила студентам имейл. Бинго, умница! Иду в почту, но имейла больше нет. Кто-то из студентов на него ответил, и он ушел в другую папку. Сообразить в какую я сейчас тоже не смогу. Видя мое состояние, Андрей просто проводит меня своими инструкциями через туннель тупизма.

Нашли. Отправила. Андрей добавился.

Теперь и он дает мне советы. Почему-то на английском. Видимо, потому что это его рабочий язык в университете. Остальные квадратики продолжают советовать. На немецком. А Лена в телефоне у меня под ухом – на русском. Чувствую запах дыма. Это мой мозг. Красная лампочка уже даже не мигает.

Механически кликаю по галочкам установок. Периодически отвечаю на вопросы то Андрея, то Лены.

– Фрау Грубмайр, мы вас слышим! – вдруг прорывается через толщу мироздания.

– Инна, как ты это сделала? – кричит Андрей.

Я не знаю. Я правда не знаю. Разберусь потом.

Выпроводив гостей, начинаем урок. С опозданием в 25 минут.

Объясняю студентам, как работают BR и отправляю их туда.

Уф!

Есть пара минут угомонить эмоции и нервы.

Так, все под контролем. Сейчас пойду к ним в гости в BR.

Но не тут-то было!

На моем экране больше нет значка BR.

Три глубоких вдоха и выдоха. Думай, голова, думай. Правильно, панель участников.

Так оно и есть – я больше не администратор.

Еще три вдоха-выдоха. Все верно – мне надо получить назад эту функцию. От нового администратора.

А кто он?

Видимо, в тот день в космосе столкнулись две кометы – администратором стала одна монгольская студентка с именем в 12 букв, 9 из которых согласные. Причем, в «Зуме» она зарегистрировалась отчеством – у монголов оно служит фамилий. А это еще на 5 согласных длиннее.

Надо срочно найти ее имя. Роюсь в кипе бумаг на столе. Присутствие на уроке я уже отметила и убрала список подальше.

Нашла!

Ура!

Пару раз тренируюсь произносить ее имя. Выходит что-то похожее на Чебурек. Между тем, квадратики начинают возвращаться из BR.

– Чебурек, вы меня слышите?

– Да, – кричат все 25.

Вы тут при чем? Вас-то я не спрашиваю. Пробую еще раз.

– Чебурек, вы меня слышите?

И опять 25!

Что за ерунда?! Потом соображаю. Они же не знают это слово и, наверное, думают, что я ругаюсь. Поэтому так быстро и дружно реагируют.

Отключаю всем микрофоны, кроме Чебурека.

– Вы сейчас администратор. Снимите галочку со своего имени.

– Учи-тель-ни-ца, я не понимаю.

Дальше идет разговор глухого с немым. Представляю, как валяются от смеха отключенные квадратики.

– У вас на каком языке интерфейс?

– Я еще плохо говорю по-немецки.

– Это сейчас не важно! – взрываюсь я. – Найдите такой вот значок!

– Ой! – говорит Чебурек. И в следующую секунду вырубает сессию.

Вижу в темном экране свои обезумевшие глаза. Уже даже не прошу свой мозг что-нибудь предложить. Последняя стадия тления. Вдох – выдох. Кометы, вы еще там?

Кометы отозвались. Экран снова ожил. Все 25 квадратиков снова здесь. В том числе и Чебурек.

Урок мы закончили.

Я выключила комп и еще минут пять сидела без движения. А потом начала смеяться. Громко. В голос. Ну почему админом стала не Сара и не Катарина?

В общем, welcome to the new reality.

Инна Грубмайр – филолог, преподаватель русского языка, кандидат филологических наук.

Родилась на Дону.

Жила и работала в разных странах: в Сирии, Саудовской Аравии, США, Хорватии. Сейчас живет в Австрии и преподает русский язык в университете Й. Кеплера и ООН.

Интересуется историей российской эмиграции. Публикует статьи, снимает видеоматериалы, участвует в международных конференциях.

Инна представляет наше общество в Европе. Она также член редколлегии «Вестника Пушкинского общества Америки».

Кроме того, она участница группы по сохранению исторического наследия «Руснаслед» (Загреб, Хорватия).

Валерий Сосновский: Гугенхайм

Дима Андронов, любезно принимавший меня в Нью-Йорке, проняньчавшись со мной пару дней, на третий день с утра надел на меня рубашку от Версаче и отправил в самостоятельное путешествие по Манхэттену. Куда же пойти российскому провинциалу, не отягощенному знанием местного языка и обычаев?

Ясно куда – в музей Гугенхайма. А все потому, что я когда-то прочитал у поэта Евгения Рейна такие строчки:

Бегают дураки,
Светят прожектора,
И у Гудзон-реки
Главная их дыра.
Имя ей Гугенхейм,
Кличка ей Казимир...
Выиграй этот гейм
У мировых громил.

Так что я решил гордо пренебречь разрекламированными чудесами Нью-Йорка типа Эмпайр-стейт-билдинг или Пятой авеню и сразу же посетить их главную дыру, о местонахождении которой у меня имелись определенные догадки. К тому же мне показалось уместным не строить из себя умника, а гулять, как тысячи других туристов, открыв рот и периодически щелкая фотоаппаратом. Я слегка приоткрыл рот, взял фотоаппарат наизготовку и двинулся по авеню и стритам, напоминавшим каньоны и ущелья. Конечно же, через некоторое время я оказался на Пятой авеню и даже прошел мимо Эмпайр-стейт-билдинг, оказавшейся вблизи огромным строением, занимавшим целый квартал. По дороге я честно глазел на витрины дорогих магазинов, роскошные парадные со швейцарами внутри и длинными матерчатыми козырьками на витых столбиках, вынесенными далеко наружу, и на вездесущих продавцов хот-догов и питьевой воды. Люди вокруг тоже шли, открыв рот, или изо всех сил вежливо улыбались друг другу, но я ни разу не видел, чтобы кто-то кого-то похлопал, например, по плечу. Было похоже, что все вокруг как бы плывут в невидимых человекоотталкивающих скафандрах.

Под самой Эмпайр-стейт-билдинг я присел покурить и перевести дух, и тут же бодрый молодой человек, по-видимому, из местных, стрельнул у меня сигарету. Я протянул ему пачку, он взял сигарету и в ответ всучил мне доллар, как я ни отнекивался. Впоследствии выяснилось, что если бы я начал бесплатно раздавать сигареты на Пятой авеню, меня могли бы арестовать за демпинг, препятствование ведению бизнеса или что-то в этом роде. В Екатеринбурге я купил с собой два блока сигарет, и каждая пачка, в пересчете на рубли, как раз и стоила доллар, так что, продав поштучно свой запас курева, я смог бы оплатить авиабилеты до Нью-Йорка и обратно. Поймав себя на том, что я уже начал мыслить коммерчески, по-американски, я снова старательно приоткрыл рот и отправился дальше, в сторону Центрального парка.

Парк протянулся слева от меня за невысокой каменной оградой. Деревья, которые там росли, были первыми деревьями на Манхэттене, которые я увидел. Дальше тянулся огромный музей «Метрополитен», потом опять Центральный парк, и я начал терять терпение. Высмотрев двух симпатичных дам – по всей видимости, маму и дочку – я приветливо улыбнулся и пролепетал:

– Экскьюз ми. Веар из... э-э-э... Гугенхайм музеум? – и, видя их недоумение, для убедительности как бы обвел пальцем округу и добавил: – Хиар.

Мама улыбнулась, заговорила по-английски и уверенно ткнула пальцем в сторону Метрополитена, который я оставил позади.

– Гугенхайм, нот Метрополитен, – испуганно возразил я.

– Spanish? – с надеждой спросила мама.

Я отрицательно покачал головой и снова пробормотал: «Гугенхайм».

Мама снова заговорила, решительно указывая на Метрополитен, а дочка показала двумя пальцами, как я должен передвигать ноги, чтобы туда дойти. То ли они считали, что Метрополитен – более достойное

место для джентльмена в рубашке от Версаче, то ли вообще не знали о музее Гугенхайма, но мне стоило большого труда отбояриться от Метрополитена и продолжить свой путь вдоль ограды Центрального парка.

Неожиданно я увидел на другой стороне улицы диковинное здание и сразу понял: это оно. Выглядело оно как огромная лента серпантина в несколько витков, причем каждый верхний виток был шире предыдущего. Оно напоминало Вавилонскую башню на картине Брейгеля-старшего, только стоящую вверх ногами. Если бы ее достроили, она уперлась бы не в небеса, а в преисподнюю. Внутри, насколько я знал, также серпантином вдоль стены спускалась основная галерея, шествуя по которой, посетителям надлежало осматривать экспозицию. К башне было пристроено нечто, напоминающее автовокзал.

Чернокожая девушка на кассе долго мне что-то объясняла, а я с глупой улыбкой отвечал «Ес, ес» и каждый раз мысленно добавлял «ОБХС», но в итоге понял, что главная галерея не работает, потому что там происходит смена экспозиции, а работают только постоянные выставки. Купив билет, я вышел в главную башню, изнутри казавшуюся гораздо больше, чем извне, по стенам которой вилась та самая галерея в виде серпантина. На ней тут и там стояли строительные стремянки, на которых копошились рабочие, а на стенах ничего не висело. Я попытался ее хотя бы сфотографировать, но ко мне немедленно подошел охранник, тоже чернокожий, с грозной улыбкой что-то сказал и указал на прикрепленную за моей спиной надпись с фотоаппаратом, перечеркнутым двумя красными линиями. Пробормотав «Сорри, сорри», я поспешил скрыться в какую-то дверь и оказался, очевидно, в том зале, где находилась постоянная экспозиция. На стене, идущей так же полукругом, только совершенно горизонтально, висели полотна импрессионистов.

Чтобы успокоить нервы после всего пережитого, я достал из сумки бутылочку с водой, купленной за один доллар на Пятой авеню, но не успел глотнуть, как возникла новая ситуация. Ко мне подошла элегантная дама в вечернем платье, шаркнула ножкой, выбросив ее вперед, потом лихо закинула руку за голову, положив ладонь на затылок. При этом она беспрерывно говорила, так что было похоже, будто она, энергично что-то объясняя, танцует комаринского. Из всех ее слов я понял только «drinking fountain», а потому догадался, что пить из своей бутылочки нельзя, улыбнулся и спросил, вэар из этот дринкин фонтэйн находится.

– Русский? – спросила она на чистейшем моем родном языке. Я не стал отпираться и согласился.

– Если вы прольете воду, кто-то может поскользнуться, – и она, показывая, как это может быть, снова шаркнула ножкой, выбросив ее вперед, – упасть и расшибить себе голову, – и она снова закинула руку за голову, положив ладонь на затылок. – Но если вы русский, встаньте сюда, за колонну, здесь камера не берет, и пейте себе на здоровье.

Я с облегчением встал за колонну и попил себе на здоровье. Дама с удовлетворением посмотрела на меня и пригласила следовать за ней. Мы шли от картины к картине, и она рассказывала мне о каждой из них, о художниках, их биографиях и творческих манерах. Вот Моне, вот Ренуар, вот Матисс. Это была прекрасная, восхитительная экскурсия. Своим рассказом она предупреждала все вопросы, которые возникали или только могли возникнуть у меня в душе. Я блаженствовал. Впечатления импрессионистов проплывали сквозь мое сознание, как облака по небосводу над Среднерусской равниной. От Ренуара веяло свежестью летнего утра. Дега возвращал молодость, а вместе с ней – лукавую наивную уязвимость. Сёра являл рождение интеллекта из духа цветовой палитры. Ван Гог... О, это отдельная песня!

Потом она передала меня другой даме, похожей на старую русскую графиню, тоже в вечернем платье и унизанной драгоценностями, которые смотрелись дорого, но не безвкусно. Другая дама повела меня к работам Кандинского, под которые был выделен небольшой зал, и я узнал все – о периодах жизни и творчества художника, о времени написания и скрытых смыслах каждой картины. Возможно, она даже была в свое время с ним знакома. Я уже готов был полюбить и его творчество, и Василия Васильевича лично, но блаженство кончилось, когда графиня завершила свой рассказ словами:

– А теперь вы должны взять лестницу, чтобы подняться этажом выше.

Сначала я оглянулся в поисках стремянки, которую можно было бы взять, но потом сообразил, что «взять лестницу» – это русскоязычная калька с английского выражения «take the stairs up». Волшебство русской разговорной речи слегка потускнело, покрывшись тонким налетом длительной эмигрантской жизни в чуждой языковой среде. Мне ничего не оставалось, как взять лестницу и подняться

этажом выше. Я осмотрел экспозицию, но не запомнил, кто там выставлялся, потому что периодически нервно оглядывался, не стоит ли где строительная стремянка.

Выйдя из музея, я пошел по вечерним улицам куда глаза глядят. Сумерки сгущались, как это и положено сумеркам. Повсюду зажигались огни и витрины магазинов и баров. В барах весело и громко отдыхал после трудового дня местный офисный планктон. Мимо меня пробегали трусцой девушки в обтягивающих трико. Когда они попадали на красный свет светофоров, они продолжали бежать на месте, словно заведенные пружинки у них внутри не позволяли останавливаться, пока не кончится весь завод. Деревья которые я увидел на одной из авеню, стояли, не шелохнувшись, как будто они хотели стать частью не живой природы, но окружающей архитектуры.

Неожиданно я наткнулся на канатную дорогу и быстро зашел в кабинку. Кабинка плавно понесла меня через Ист-Ривер. Огни Ленокс-Хилла отражались в воде, словно звезды на картине Ван Гога. Эти отражения казались настоящими, реальными, а сами огни на берегу – их бледными копиями. В небе над Нью-Йорком, подмигивая маленькими огоньками, кружилось одновременно десятка полтора самолетов. Кабинка высадила меня на острове, который оказался узким, в два-три дома о четырех парадных, но вытянутым вдоль течения реки. Я побрел по набережной на юг и оказался в каком-то совершенно безлюдном парке – непонятно было, закрыт он или открыт. На входе в парк я заметил нечто вроде мемориальной таблички, на которой было написано «Franklin Delano Roosevelt» и что-то еще, помельче.

В глубине парка, почти на самой стрелке острова, показался старинный двухэтажный особняк. Я решил, что это парк и усадьба знаменитого американского президента, наподобие парка и усадьбы Пушкина в Михайловском. Меня охватило вселенское спокойствие, какое иногда бывает после трудной, но хорошо сделанной работы, когда ты чувствуешь себя дома в своем теле, независимо от того, где находишься – в баре ли, на улице или в своей квартире. Было ощущение, что Рузвельт и я плечом к плечу выиграли этот гейм у мировых громил. Впоследствии выяснилось, что это был заброшенный госпиталь для больных оспой.

– Если бы я выбирал место жительства в Нью-Йорке, я бы выбрал именно это место, – подумал я. – И никакого импрессионизма, только классика!

Во втором этаже южного крыла я мысленно разместил итальянцев. Карпаччо, Ботичелли, Козимо Туро – они умели создавать свет и объем внутри своих картин. В северном крыле пусть будут поздние голландцы – Рембрант, Трост, Вермеер, достигшие вершин в передаче фактуры: складки ткани и все такое. Что будет в первом этаже, я не успел подумать, потому что подошел поближе и обнаружил, что в доме нет окон и часть фасада опоясана лесами.

Под лесами на земле стояла строительная стремянка.

Сосновский Валерий Игоревич родился в 1967 году и живет в Екатеринбурге (бывший Свердловск). Поэт, журналист. В настоящее время — практикующий психолог и директор Творческого объединения «Питер Пэн». Публиковался в журналах «Звезда», «Урал», «Слово/World», «Нева», «Новом журнале», альманахах. Автор книги стихов «В тиши полночного проспекта». Организатор Международного поэтического фестиваля «Дни Бориса Рыжего». Стихи переведены на французский язык (Thierry Marignac, 2015). Соавтор двух документальных книг по истории уральских заводов.

В 2019 году удостоился специальной премии Пушкинского общества Америки на конкурсе поэзии «54-й калибр» за сохранение классических традиций в стихосложении.

Анна Немеровская: Бабушкины советы

(Отрывок из романа «Две трети жизни»)

Мила часто вспоминала бабушкины мудрые советы. Они, эти советы, всегда всплывали в памяти в нужный момент. Это братья могли бегать по улицам и играть с другими мальчишками, а ей, благовоспитанной бакинской девочке, это категорически запрещалось. В школу она ходила с братьями, а после уроков её встречала бабушка, отводила в музыкальную школу или библиотеку – и домой. Так что большую часть дня они проводили в задушевных беседах. Обычно её дорогая бабуля говорила: "Выслушай меня очень внимательно. Пойми и запомни. Следовать моему совету или нет – твой выбор. Но, еще раз повторяю, запомни обязательно. Возможно, он когда-нибудь тебе пригодится..." И как же она всегда была права!

На первом курсе Мила познакомилась с Мишей и стала с ним встречаться. Он был на четвертом курсе. Рассказывал, какая у них хорошая и дружная группа, как они собираются, отмечают все праздники. Если кто-то из девчат знакомится с каким-то парнем на стороне, то обязательно приводит его на очередную вечеринку представить группе. Ребята приглядываются к нему с пристрастием, вроде старших братьев. Мальчики тоже приводят своих подружек, которые оказываются под прицелом строгой оценки девчачьей части группы.

Через несколько месяцев Миша пригласил Милочку на празднование 1-го Мая. Она поделилась своими страхами с бабушкой. Что скажут девочки его группы? А вдруг она им не понравится, и Миша разочаруется... Как быть?

Мудрая бабушка сказала так:

– Как придёшь, сиди тихо, не выступай, не выпендривайся (она употребила любимое словечко старшего внука Гены). Наблюдай. Выбери из всех девочек самую главную.

– Лидера, – подсказала Мила.

– Да, лидера, – согласилась бабушка. – Если она окажется и хозяйкой квартиры, пойди с ней на кухню, предложи свою помощь. Постарайся, оставшись с ней наедине, сделать ей какой-нибудь комплимент. Если хозяйка квартиры другая, и ей тоже. Комплимент должен быть абсолютно искренним. В каждом человеке есть что-то привлекательное – это обязательно надо отметить. Если у девочки плохая фигура – не надо хвалить её платье. Какое бы ни было красивое платье, оно не скроет фигуры. В этом случае похвали её волосы, серёжки – одним словом, сама сообразишь. Хозяйке дома можно сказать "как у вас всё красиво, со вкусом", только если это действительно так.

Универсальный комплимент – похвалить глаза. В первый раз похвали двух-трёх девочек. В следующий раз, а я уверена, что он пригласит тебя еще не раз, тогда скажешь добрые слова другим двум-трём девочкам. А на третий раз можешь уже вступать в разговор, участвовать в дискуссиях, сыграть что-нибудь на пианино, прочитать стихотворение, если это будет к месту.

Короче говоря, надо понравиться главной девочке коллектива, но быть тихой и скромной, чтобы никто (а она в первую очередь) не подумал, что ты хочешь занять её место.

А Милочка никогда и не стремилась в лидеры.

Бабушка Милы не знала о Дейле Карнеги, о его знаменитой книге "Как завоёвывать друзей и оказывать влияние на людей", но она была мудрой женщиной, своим умом дошла до многих методов известного психолога.

В тот раз Мила приняла советы бабули и выполнила на все 100%.

На следующий день Миша сказал ей: "Ты очаровала всех наших девчат. Как тебе это удалось? Я боялся, что тебе было скучно, ты сидела такая тихая". Милочка только улыбнулась. Бабушкин совет

остался её секретным оружием, которое помогало на всём жизненном пути: на работе, в любом коллективе и даже здесь, в Америке.

И, конечно же, Мила вспомнила этот ценный совет, когда Дэвид пригласил её на ланч со своим боссом. Она поняла, что это будут смотрины.

– Он будет один?

– Со своей *girlfriend.*

– Она у него постоянная или он их часто меняет?

– Постоянная, но честно говоря, мне непонятен твой вопрос.

– Я потом объясню. Как её зовут?

– Линда.

– Сколько ей лет?

– Не знаю точно. Примерно 33-35. Я думал, что ты будешь спрашивать больше подробностей о моем шефе.

Дэвид не мог не понимать – умная Мила осознаёт, что это смотрины. И будет стараться произвести хорошее впечатление.

– А что, по-твоему, я должна была спросить? Какие вопросы ты ждал от меня?

– Ну, что за человек мой шеф? Чем он интересуется? Что еще... хотя бы, за какую команду он болеет? В конце концов, это было бы логично.

– Понятно. Возможно, ты прав. Конечно, мне бы хотелось произвести хорошее впечатление на твоего босса... Я не знаю, о чем с ним буду говорить, но точно не о спорте, я ничего не понимаю в бейсболе. Все-таки я прошу тебя – ответь на все мои вопросы, а потом я постараюсь ответить на твои. Итак, она молодая, вероятно, красивая. Кстати, а сколько ему лет?

– 51.

– Сколько лет они вместе?

– Уже лет шесть-семь.

"Чего же они не поженятся?" – подумала Милочка, но не задала этот вопрос – он был не по адресу.

– Как она одевается?

– Очень элегантно, у нее хорошая фигура и вкус, – на лице Дэвида мелькнуло удивление, но он подумал, наверно, Милочка хочет выглядеть не хуже, кто разберёт этих женщин.

– Какое у неё образование?

– Она наполовину итальянка, окончила колледж по итальянскому языку и литературе. Некоторое время после колледжа работала в каком-то журнале, переводила статьи из итальянских журналов. Теперь не работает.

– Что-нибудь еще?

– Милочка, почему она тебя так интересует?

– Отвечу, отвечу, потом. Что еще ты можешь рассказать о ней?

– Она умна, независима, имеет свое мнение, которое не боится высказывать в любом обществе. Возможно, потому что она богата. Богатство всегда даёт умным людям независимость в действиях и, тем более, в суждениях. Отец оставил ей хорошие деньги, которые она мудро вложила в *real estate*.

У неё несколько *luxury appartments* в Вашингтоне и Манхэттене, которые её *realtor* сдаёт в аренду. Ежемесячный совсем неплохой доход она вкладывает в ценные бумаги. Изредка спрашивает моего совета, после беседы с Ричардом, вроде *"second opinion".* Кажется, собирается купить еще кондо в Нью-Йорке. Вот, пожалуй, все о Линде.

– Спасибо. Я попрошу тебя об одной мелочи. Поможешь мне во время ланча, если я сама не справлюсь со сложным меню. Вдруг там будут какие-то заковыристые названия, непонятные термины. Я буду нелепо выглядеть. Тогда выберешь сам для меня что-нибудь, например, рыбу с овощами или просто покажешь мне в меню.

Мила готовилась целую неделю. Аккуратная стрижка, маникюр. Платье скромное, но элегантное, которое она заказывала себе еще на свадьбу старшей дочери. (Мысленно похвалила себя за то, что не поправилась с тех пор.) Ниточка любимого жемчуга. Неброский макияж. Сама себя инструктировала: говорить поменьше (только коротко отвечать на вопросы), кушать медленно (привычка студенческих лет второпях проглатывать пищу выглядит весьма неэлегантно) и, конечно, постараться понравиться Линде, то есть сделать ей наедине хороший комплимент.

И вот в назначенный час они почти одновременно (какая пунктуальность!) подъехали к ресторану. Последовали обычные традиционные представления друг другу: *“Nice to meet you”, “My pleasure”* и тому подобное.

У входа их встретил сам хозяин – видимо, постоянные и давние клиенты оставляли щедрые чаевые – и с поклоном проводил в дальний угол за столик у окна. Линда села первая боком к окну, Мила быстро села с ней рядом, спиной к окну. Давид удивился, но ничего не сказал, сел рядом с Милой, Ричард сел между ним и Линдой, оказавшись напротив Милы, что его несомненно устраивало.

Почему Мила села спиной к окну? Усвоенные с молодости советы бабушки не забываются. Один из советов относится к выбору места. Место спиной к источнику света имеет одно преимущество и один недостаток. В этом положении ваше лицо будет немного как бы в тени, а лица собеседников будут Вам видны чётко и ясно. Это хорошая позиция, если вы в новой, малознакомой компании. Но при этом насквозь просвечивает прическа, особенно, если волосы редкие, тонкие и короткие. В этом случая, даже если Вы в своей привычной дружеской компании, лучше сесть спиной к стене.

Они были завсегдатаями этого старинного заведения. Их четверых обслуживали два вышколенных официанта. И хозяин часто подходил, зорким глазом высматривал, всё ли в порядке, молча отходил, не беспокоя важных гостей.

На столе, не ожидая заказа, появились всевозможные закуски: овощи, сыры, белая и красная рыба, а в центре особая тарелочка – со сливочным маслом в середине и четырьмя видами икры, каждая в своём отсеке: два вида красной и два – чёрной, отличавшиеся немного по цвету.

– Что будем пить? Джин, ром?

– «Маргариту», – сказала Линда.

– А Вы, Мила, может, хотите водку? Вы же русская.

– Я не русская, хотя говорю по-русски, – мягко улыбнувшись ответила Мила, – я еврейка, родилась и всю жизнь прожила в Баку – столице Азербайджана. У нас не принято было, чтобы женщины пили крепкие напитки. Я, пожалуй, тоже попрошу «Маргариту». – И благодарно посмотрела на Линду.

Каждый положил себе немного закусок. Ричард с важно-деловым видом взял хлеб, намазал его маслом, сверху икру – ту, что потемнее. ("Наверное, крашеная", – подумала Мила).

– Линда, тебе сделать такой же?

– Нет! Ты же знаешь, что я это не ем!

– Почему, Линда, это же всемирно популярный деликатес, – спросил Дэвид.

– Самый первый раз, когда я увидела икру и спросила, что это, какой-то шутник сказал, что это рыбьи глаза. Потом все друзья клятвенно уверяли меня, что это была шутка, что это не рыбьи глаза, а рыбьи яйца, но я всё равно не могла пересилить себя. Потому что с рыбьими глазами у меня связаны неприятные воспоминания.

В колледже у меня была самая близкая подружка, Сэра, сейчас она живет в Нью-Йорке, я поддерживаю с ней отношения. Ты же знаешь её, – повернулась она к Ричарду, который, слушая её, невозмутимо уплетал бутерброд. – Она пригласила меня на каникулы в гости к своей бабушке. Был какой-то еврейский праздник, на который раз в год её бабушка готовила традиционное блюдо "фаршированную рыбу". Много лет бабушка просила Сэру приехать к ней и вместе готовить эту фирменную рыбу, чтобы её семейный уникальный секретный рецепт был сохранен для будущих поколений. Каждый раз какие-то обстоятельства мешали Сэре приехать, но в этот раз она обещала, что обязательно поможет бабушке приготовить это самое важное блюдо праздничного стола (и поделилась своим планом со мной по секрету, что запишет подробно этот семейный рецепт для общего пользования – раздаст всем желающим – ей не жалко).

И вот мы вдвоем в клеёнчатых фартуках, с чисто вымытыми руками стоим на кухне рядом с бабушкой. Предполагается, что мы должны ей помогать, но на самом деле мы только смотрим. Она почистила огромную рыбину.

– Бабушка, в магазине могли эту рыбу почистить и вытащить кишки.

– Я все должна делать сама, – гордо сказала бабушка.

– Когда я буду покупать рыбу, всю эту грязную работу сделают для меня в магазине, – шепнула мне Сэра.

– Ты сказала "вытащить кишки". Что это значит? Твоя бабушка будет вытаскивать кишки у этой рыбы?!

Линда никогда не видела, как разделывают рыбу. В родительском доме этим занималась кухарка, а те редкие случаи, когда она попадала в рыбный магазин, видела там красиво нарезанные чистые куски рыбы. Но в этот момент она поняла, что рыба когда-то была живая, что у нее есть внутренности, кишки...

– Да. Рыбу надо почистить и снаружи, и внутри . Очень удобно, когда это делают в магазине.

– Меня начало подташнивать, – продолжала Линда. – Тем временем бабушка помыла рыбу, положила её на большую доску и огромным ножом отрезала рыбе голову, потом этим же ножом стала выковыривать ей глаза. Тут я чуть не грохнулась в обморок. Сэра увидела, как я побледнела, и потащила меня в гостиную. Уложила на диван. Я слышала, как она кричала: "Бабушка, у нас есть что-нибудь крепкое выпить?"

"Возьми там в шкафчике Манишевич". Я не знала, что такое Манишевич, – если бы она сказала виски, вино или даже обобщающим словом – алкоголь – я бы поняла, но это слово вызвало в памяти по ассоциации фамилию одного парня, с которым я училась в школе, что-то похожее Манухевич, Минакевич, который стал фармацевтом. Я почему-то подумала, что это какое-то незнакомое мне лекарство. "Я не хочу пить никакого Манишевича". Дело кончилось тем, что Сэра просидела рядом со мной, а бабушка тем временем сама готовила рыбу. А я была счастлива, что не видела, как у рыбы вытаскивают кишки... Так Сэра и не узнала бабушкин классический старинный рецепт. Но еще не всё потеряно. Её свекровь тоже хорошо готовит, и Сэра еще научится...

С тех пор я несколько лет вообще в рыбный магазин не могла войти. И даже сейчас рыбу ем только в виде филе.

После того, как все весело отсмеялись, Мила сказала:

– Линда, у вас определенно талант. Вы так интересно рассказали эту историю! Попробуйте записать её – это же очень хороший короткий рассказ.

Линда удовлетворенно улыбнулась и махнула рукой, мол, да ладно, что уж там...

Дэвид сделал себе бутерброд с красной икрой. А Мила намазала на хлеб тонкий слой масла и взяла чёрную икру, но не ту, которую ел Ричард, не такую тёмную. Икринки были не такие крупные, как у красной икры.

Мужчины внимательно следили за ней. Наконец, Ричард не выдержал:

– А почему, уважаемая Мила, вы выбрали этот вид икры?

– Та икра, которую выбрали вы, слишком черная, похоже, что она подкрашенная.

– ???

– Давайте проверим, проведём эксперимент.

Мила разрезала кусочек хлеба на четыре части и намазала на каждую разный вид икры. Только икры, без масла.

Сзади нее стоял встревоженный хозяин заведения.

Линда ела салат, с интересом поглядывая на Милу, на её манипуляции.

Потом Мила накапала на кусочки с черной икрой по нескольку капель воды и сказала, что надо немного подождать.

– Когда я была маленькая, у нас по дворам ходили продавцы икры. Если икра была крупная, её выдавливали из ястыка (пленки), промывали, солили – это зернистая, тёмно-серая, самая дорогая. Если же икра была мелкая, то промыть её было трудно, после засола она слипалась, но тоже была очень вкусная – это паюсная. А вот все плёночки вместе с остатками икры тоже солили – это была ястычная икра – самая дешевая, зато самая жирная. Мы ели ястычную… – Последняя фраза прозвучала бы как вызов, если бы не была сказана так тихо. – Красная икра у нас появилась намного позже, чем черная. Её привозили с Дальнего Востока. В больших консервных банках, в магазинах открывали и продавали на вес.

Мила жила, в самом начале Шемахинской улицы, в известном всем бакинцам доме, который назывался "пятиэтажкой"("Beş mərtəbə").

До постройки железной дороги связь Баку с другими частями России осуществлялась через почтовую дорогу на Шемаху. Район Баку, прилегающий к этой дороге, назывался Шемахинкой, а улица, служившая началом дороги – Шемахинской. В начале Шемахинки высилось всему Баку известное здание под названием «пятиэтажка», на первом этаже которого когда-то размещался «Торгсин» («Торговля с иностранцами»). Сдав, например, серебряную ложку, золотое обручальное кольцо или золотую монету – царскую десятку, можно было получить «торгсиновские деньги», а на них приобрести разные товары. (Таким образом государство «высосало» все запасы ценностей, спрятанные у населения на «черный день».)

До войны нижняя широкая часть Шемахинки была усажена кустами олеандров. Густой запах этих бело-розовых цветов наполнял улицу и залетал в открытые окна. Позже кусты почему-то почти все вырубили, остались только в маленьком скверике...

Мила вспомнила, как бабушка ходила с ней в обычный гастроном, который находился теперь вместо "Торгсина" на первом этаже их знаменитой"пятиэтажки", покупала 100-150 грамм красной икры, аккуратно мазала всем по бутерброду.

Мила просила: "Бабуля, мне без хлеба". Бабушка ворчала на эти капризы, но отказать своей любимице не могла. Положив 1-2 чайные ложечки красной икры в розетку для варенья, она подливала еще чайную ложку растительного масла "для питательности". И Милочка ела эти красные икринки по одной маленькой ложечкой для мороженого, и они, икринки, лопались во рту, растекаясь неповторимым солёным вкусом по языку и нёбу... А еще знакомая продавщица по секрету рассказала бабушке, что завмаг наливает в открытую консервную банку икры пол-литра пива. Икра набухает, и веса больше, и на вкусе не особенно отражается. Так он имеет неплохой «навар» с каждой банки. Но об этом Мила не рассказала – американцы все равно не поймут...

(«Ладно, хватит вспоминать, они же ждут окончания эксперимента».)

Окончания эксперимента ждали не только сидящие за столом. Еще менеджер (или супервайзер, или хозяин – кем он там был) взволнованно не спускал с неё глаз. И два официанта тоже настроили свои локаторы в силу неувядающей человеческой любознательности.

Мила соскребла икру, на хлебе осталось тёмное пятно – как говорится, комментарии излишни. Второй кусочек хлеба с тёмносерой икрой не окрасил хлеб.

Красную икру оставили на потом.

Вдруг Линда встала:

– Я отлучусь ненадолго, мне надо поправить прическу.

– Можно, я с вами? – это прозвучало немного по-детски, но что поделаешь – уже вылетело. Надо же было по бабушкиному совету сделать Линде комплимент наедине... Линда ничего не ответила, а Мила уже шла за ней.

В туалете Линда заскочила в кабинку, сразу послышался звук спускаемой воды, и Линда вышла.

– Линда, я восхищаюсь, как у вас подобран цвет помады, лака на маникюре и цвет сумочки. Просто идеальное совпадение.

– Спасибо, – с явным удовольствием улыбнулась Линда.

– И еще, поражаюсь, как вы едите, что помада у вас не стирается. Я так сразу съедаю свою.

– Я вас научу, – благосклонно продолжала улыбаться Линда. – Утром я смазываю губы специальным кремом. Его мой косметолог сам делает, я вам дам немного попробовать. После него губы мягкие, гладкие, никаких трещин, морщин. Перед выходом я промокаю излишки крема салфеткой и втираю немного пудры.

– Пудры?.. Я правильно поняла?

– Да, именно пудры. Её надо хорошо втереть, пудра заполнит все мелкие складочки. Потом нанести помаду и только после этого карандашом очертить контуры. А когда ешь, надо просто нарезать еду на маленькие кусочки и класть в рот вилкой, не касаясь губ. Проследите за столом, как я буду есть, и вы всё поймете.

Вдруг Линда снова вошла в кабинку, и опять послышался звук сливаемой воды. Она тут же вышла и, кокетливо изображая смущение (насколько это было возможно, так как смущение не входило в число Линдиных эмоций), объяснила:

– Меня часто мучают газы, особенно в начале еды.

– Моя бабушка, когда у нее была та же проблема, пила активированный уголь. Как бы поточнее перевести*: active coal* или *absorbent coal*. У нас его рекомендовали врачи. Я видела его в аптеках на Брайтоне. Попробуйте – это безвредно. Или можно пить отвар фенхеля и укропа.

– Отвар? Нет, я ничего варить не буду, слишком ленивая. Лучше куплю в аптеке и попробую, что вы советуете.

Контакт был налажен, все дела в туалете были закончены, можно возвращаться.

– У вас есть дети? – вдруг спросила Линда.

Вопрос был неожиданный и как-то, казалось, не к месту.

– Не только дети, даже внуки есть. У меня две дочки, у одной сын, у другой – дочка. К сожалению, они живут далеко, и я их вижу не так часто, как хотелось бы – очень скучаю...

– А у меня нет детей, – грустно сказала Линда.

"Почему?" – чуть не вырвалось у Милы, но она удержалась (спасибо бабуле, которая учила: не торопись задавать вопрос "почему", лучше подожди, возможно, человек сам расскажет...)

– Ричард не хочет. Он говорит, что человечество погибнет, будет или война, или какие-то природные катаклизмы, и он не хочет, чтобы его дети или внуки страдали и мучились. Он очень серьёзен в этом вопросе, с самого начала наших отношений он поставил это условие.

Знаете что, скоро наши мужчины уедут в командировку, и тогда я приеду к моей Сэре, повидаюсь с ней и детками и заеду к вам в Бруклин, попробую этот ваш уголь, и мы пообщаемся. Мне хочется поговорить с вами в спокойной обстановке.

– Надо идти, а то мужчины сейчас прибегут за нами. – И, глядя прямо Милочке в глаза, очень серьёзно попросила, – Дэвиду ни слова.

Мила хотела сказать "Могила..." или "Буду стоять насмерть", но ничего не сказала – надо было бы объяснять эту партизанскую идиому Линде. Она также серьёзно, глядя Линде в глаза, кивнула.

Мужчин удивило их такое долгое пребывание в туалете, но они ничего не сказали.

За столом Мила внимательно следила, как Линда нарезает овощи на маленькие кусочки, накалывает их на вилку, открывает рот и очень изящно и аккуратно кладет этот кусочек на язык. Она сделала то же самое и вопросительно посмотрела на "учительницу". Линда наблюдала, как её ученица усвоила урок, и одобрительно улыбнулась. Мужчины недоумевали, не понимая эти женские переглядки. Дэвид заподозрил, что есть какая-то связь между вопросами Милы о Линде и их улыбками между собой, но понять, конечно же, ничего не мог.

Разговор некоторое время крутился вокруг кулинарной темы, потом перешел на каких-то знакомых. Мелькали имена, возможно, не знакомых, а знаменитостей, Миле совершенно неизвестных. Она молчала, мысленно ругала себя за то, что разболталась – специалистка по икре нашлась... Вот Линда, молодец, сидит молча, ест и улыбается.

И вдруг Ричард, глядя в упор на Милу, спросил:

– Вы знаете, Мила, возможно, Дэвиду предстоит командировка в Москву. Вы хотели бы поехать с ним?

Мила медленно дожевала кусочек рыбы, медленно положила вилку, спокойно подняла глаза на Ричарда:

– А в качестве кого?

Ричард не был готов к такому ответу. Заминка была секундной, но всё же была.

– Ну, скажем, в качестве переводчика, – выкрутился Ричард, – мы можем вас оформить на одну-две недели по контракту переводчиком, а Дэвид будет изображать в Москве, как будто он не знает русский.

– Нет. Вы прекрасно понимаете, что английский у меня не достаточно высокого уровня для профессионального переводчика, да и в Москву меня не тянет. Когда у меня будет отпуск, так лучше полечу в Израиль, у меня там мама и братья. А если получится выкроить на отпуск 10-12 дней, то из Израиля можно слетать в Баку на 2-3 дня, там лёту 3 часа. Но я ещё чётко не определилась с моими планами на предстоящий отпуск.

– Мила, а вы не забыли об этой икре, – спросила Линда, возможно, решив перевести разговор на другую тему, чтобы помочь Ричарду, и показала на отложенные в начале трапезы кусочки хлеба без масла с красной икрой.

– Попробуйте сами, – сказала Мила, скатывая ножом на тарелку высохшие красные икринки.

Красная икра не бывает зернистая, паюсная и ястычная. Засолка красной икры в наше время – производство безотходное... Икру в пленке (в ястыке) опускают в химический раствор, в котором ястык полностью растворяется. Затем икру промывают от этого химического раствора в чистой воде и солят. Полностью отмыть икринки от химии не удается. Если оставить красную икру просто полежать не закрытой, она быстро высыхает.

В понедельник позвонила Линда:

– Мила, я уже в Нью-Йорке. Давайте я подъеду к вашей работе, и мы пойдём на ланч.

– Ланч у меня очень короткий, лучше после работы. Я смогу выйти пораньше, в четыре, и мы поговорим не спеша.

– Великолепно, дайте мне ваш адрес.

В 4:15 они уже сидели в кафе, и Линда, обычно говорящая спокойно, с достоинством, сейчас была возбуждена и совершенно не похожа на себя.

– Я говорила вам, что Ричард не хочет иметь детей, потому что – он так считает – человечество ждет гибель от войн или природных катастроф, и он не хочет подвергать таким страстям своих детей или внуков. А я очень хочу детей...

Понимаете, Ричард умён, хорошо знает историю и очень убедителен. Он приводит исторические примеры – как и почему начинались экономические спады, революции, кровопролитные войны. Сейчас как раз происходит техническая революция.

"Она права, – подумала Мила. – Как изменился мир только за время моей жизни".

Вспомнила керосиновую лампу, которую бабушка доставала из кладовки, когда вдруг отключали электричество. И керосинку, которая хранилась на всякий случай в той же кладовке. На кухне весь день работало местное радио – вот и вся техника. Холодильники и телевизоры в Баку появились уже на Милочкиной памяти. А сейчас компьютерами и мобильными телефонами никого не удивишь. Такой огромный скачок на протяжении всего только одного-двух поколений...

– Ведь что происходит сейчас, – продолжала Линда. – Учёные работают над созданием искусственного интеллекта и, будьте уверены, они создадут его. Новый индустриальный и технологический скачок.

Молодёжи хочется хорошо и богато жить. Система образования и воспитания не продуманны, не работают. Если семья не заботится, чтобы ребенок получил образование, тогда он остается вне того общества, в котором хотел бы жить. Растёт зависть, агрессивность. В конце концов это приведёт к войне. А еще из-за неразумного отношения к природе могут случаться страшные наводнения, эпидемии, смерчи, землетрясения и другие смертельные катаклизмы.

Так объясняет Ричард, а я не знаю, что ему возразить. Мне так страшно, но я все-таки надеюсь, что ничего такого не случится, что человечество одумается на краю обрыва.

Я была у моей подруги Сэры. Какие у неё чудные малыши! Она каждую нашу встречу кричит на меня, чтобы я рожала, ведь мне скоро тридцать шесть. У неё уже трое детишек, я их так люблю...

Эта тема была выстрадана Линдой, она постоянно думала об этом – поджимал возраст...

***

В начале 20-го века немецкий философ Освальд Шпенглер издал свою знаменитую книгу «Закат Европы». В ней он с пугающей точностью предсказал гибель европейской цивилизации в ближайшие 100 лет. Тогда мало кто воспринял его слова всерьез, но сейчас сами европейцы все чаще признают – Освальд Шпенглер был прав. Европейская цивилизация умирает, и многие убеждены – процесс уже не остановить. Освальд Шпенглер – один из самых загадочных людей 20-го века.

... Во время встречи с фюрером в 1933 году Шпенглер, к ужасу очевидцев, открыто высмеял планы лидера рейха о покорении мира, и это сошло ему с рук.

Еще в 1918 году философ заявил – Европе осталось примерно 100 лет, ей придет конец в 2018 году. И произойдет это следующим образом – сначала нахлынут потоки чужаков – пришлых людей из других стран, потом начнутся погромы, бунты, одиночки станут стрелять по толпе. Одновременно с этим страшный кризис поразит экономику. А примерно за пять лет до окончания гибели цивилизации начнутся глобальные изменения климата.

Удивительно, что именно это мы и наблюдаем сейчас. Каждая великая цивилизация в среднем прожила от 1,5 до 2 тысяч лет. Древняя Греция, Древний Рим, Вавилон, индейцы Майя, племена ацтеков. Европейской цивилизации сейчас 2017 лет от Рождества Христова. Крушение современной Европы должно произойти по тому же сценарию, по которому пали предыдущие великие расы – достижение материального благополучия, начало больших катаклизмов и появление варваров. Коллапс должен начаться там же, где когда- то все началось – в Греции. Удивительно, что Шпенглер написал об этом за 94 года до начала экономического кризиса в Греции. Любопытно, что современные демографы подтверждают и этнические предсказания Шпенглера – белокожих людей на Земле становится все меньше, белая раса тает на глазах... Климат изменится так же стремительно, как и внешность коренных обитателей. (А. Красильщиков)

***

Линда заказала кофе с пирожными. Помолчали.

– Знаете, я всё решила. Несмотря ни на что, у меня будет ребёнок! Пусть даже Ричард уйдет.

– Вы это решили под влиянием вашей подруги или сами? Вы не будете жалеть, если придётся расстаться с Ричардом?

– Нет. Я решила сама, – твёрдо сказала Линда. – Понимаете, меня всё устраивает в моём положении. Ричард замечательный мужчина и прекрасный любовник. Он заботлив, всегда хочет сделать мне приятное. Я достаточно богата и всё могу купить, что мне хочется, но он всегда за всё платит сам.

Мы ездим с ним по разным экзотическим местам, он образован, много знает. Но в отношении ребёнка упёртый, как... баран. Сейчас эта идеология *childfree** довольно популярна. Рик заставляет меня пить эти ужасные таблетки.. Мой врач сказал, что их нельзя пить так долго, что *side effects* могут быть не очень хорошие. Сейчас наши мужчины уехали в командировку вместе, через неделю Дэвид вернётся, а Ричард останется там ещё на два месяца. Эти месяцы я не буду пить никаких лекарств, сяду на вегетарианскую или *Pescatarian* диету. (Надо будет дома посмотреть в словаре, что такое "пискатериан" диета**, как бы это слово не забыть, – подумала Мила.) Организм очистится. А когда он приедет и опять скажет пить таблетки, то в этом случае моя Сэра придумала потрясающую хитрость. В бутылочку от *birth control pills* я насыплю витамины и при нём буду их пить. А если, Бог даст, забеременею, то уеду от него в свой новый *appartment* – я сейчас оформляю контракт. Буду жить около Сэры в Манхеттене. А когда рожу (Она строит такие долгосрочные планы...), то переманю вашу мадам Ревекку, которую так расхваливал Дэвид. Будет у меня хороший *babysitter*. Думаю, через год она будет Дэвиду уже не нужна.

Мила слушала внимательно, но при этом в какой-то части мозга крутились собственные мысли...

... Интересно, какое впечатление осталось у Ричарда после ланча? Что он сказал Дэвиду? Спросить у Линды? Или не стоит? Ладно, подожду две недели – Дэвид вернется из командировки...

Линда доела пирожное, заказала еще сок. Немного успокоилась.

– Скажите, Мила, когда мы были в ресторане, вы сказали Ричарду, что вы не русская, хотя говорите по-русски. Тут какой-то нюанс, который я не поняла, но спрашивать у Рика не хотела.

– Понятия национальности, гражданства, этноса, родного языка довольно неоднозначны в разных странах и культурах. Я приведу пример, и вам все станет ясно. Представьте себе, ну, скажем, греческую семью, живущую в Греции и говорящую, что естественно, на греческом. Тут никаких вопросов нет. Семья переезжает во Францию и там рождается ребенок, который по месту рождения получает французское гражданство. В семье все говорят по-гречески. Этот ребенок прекрасно владеет родным греческим (дома) и французским, который становится для него родным – он думает на этом языке. Ему близки культуры как греческая, так и французская. В зрелом возрасте человек переезжает в Америку, через 5 лет получает гражданство. В нем течет греческая кровь (ethnicity). По месту рождения, языку и культуре он француз. А сейчас он американец. Кто этот человек по-вашему? Американец греческого происхождения, говорящий по-французски.

Вот и у меня похожая история. Мои еврейские предки много веков жили в Украине, до Второй мировой войны переехали в Баку – столицу Азербайджана. Там я родилась после войны. Еврейский язык в школах не разрешали изучать.

– Почему? – воскликнула Линда.

– Тут нам надо будет перейти к политике советской власти, и мы уже никогда не вернемся к нашей теме. Итак, русский язык стал мне родным, языком духовной культуры. Я на нем читаю, пишу и думаю. Остальные языки – еврейский от бабушки, азербайджанский от друзей, французский в вузе не играют столь большой роли в понятии «национальность».

Поэтому я сказала Ричарду, что, хотя я говорю по-русски, я не русская. По этносу я еврейка, по месту рождения – азербайджанка, по языку – русская, по гражданству – американка.

Глядя на округлившиеся изумленные глаза Линды, Мила рассмеялась. Линда вслед за ней.

– Это забавно...

Они еще немного поболтали, и Линда уехала.

Ниточка дружбы с этого дня протянулась на долгие годы.

==========

* Чайлдфри (*childfree* – свободный от детей или *childless by choice, voluntary childless* – добровольно бездетный) – субкультура и идеология, характеризующаяся сознательным желанием не иметь детей.

**Люди, соблюдающие *pescatarian* диету, не едят только мясо и птицу. Всё остальное, включая рыбу и яйца, допустимо.

==========

Анна Немеровская из Баку, где родилась сразу после войны. Родители переехали в Баку из Украины в голодном 1931 году. Окончила университет, вышла замуж, родила детей. В 1988 году поменяла столицу Азербайджана на «столицу мира» – Нью-Йорк. Проработала в банке до пенсии.

Написала два рассказа о своих бабушках и дедушках исключительно для своих внучек, чтобы они знали свои корни. Рассказы им понравились, и с этого открылась писательская стезя. На счету Анны Немеровской рассказы, повести, пьеса, роман, киносценарии и даже кулинарная книга ...

Из классики американской литературы

Американский писатель Сол Беллоу появился на свет в 1915 году в еврейской семье эмигрантов из России. В 1976 году «за гуманизм и тонкий анализ современной культуры» С. Беллоу получил Нобелевскую премию по литературе, но, к сожалению, остался мало известным русскоязычным читателям, потому что переводы его романов на язык Пушкина были изданы только в 1990 годы. В этом номере мы хотим познакомить читателей с одним из рассказов своего «соотечественника», который стал признанным литературным мастером.

Сол Беллоу: Рукописи Гонзаги

Кларенс Файлер сошел с Андайского экспресса на Мадридском вокзале в застегнутом под самое горло, падающем мягкими складками, долгополом, бутылочного цвета пальто. Вечерело, шел дождь, и вокзал с его толчеей и тусклыми оранжевыми пятнами фонарей окутали тьма и гам. Поджарые, похожие на лошадей испанские паровозы с визгом выпустили пар, пассажиры торопливо протискивались в узкие ворота. Носильщики, гостиничные зазывалы осаждали Кларенса: светлая бороденка, голубые глаза, шляпа с едва намеченными полями, долгополое пальто и ботинки на каучуковом ходу — все свидетельствовало, что он иностранец. Однако он нес свой чемодан сам, к их услугам не прибегал. Кларенс был в Мадриде не впервые. Старый лимузин примчал его в Pension «La Granja», где он заранее зарезервировал комнату. Лимузин этот, по всей вероятности, раскатывал по мадридским бульварам еще до рождения Кларенса, но как механизм он и поныне восхищал. С заднего сиденья — погруженного в полумрак, просторного — окна лимузина казались застекленными дверцами старинной горки; Кларенс с удовольствием прислушивался к рокоту отличного старого мотора. Где еще, скажите, можно вот так вот прокатиться в такой вечер да по такому городу? Кларенс обожал испанские города, вплоть до самых бедных и унылых, а больше всего волновали его душу столицы. Впервые он приехал в Испанию студентом, по сути, мальчишкой — он тогда изучал испанскую литературу в Мичиганском университете; потом приехал снова и увидел страну в развалинах — следах гражданской войны. На этот раз он прибыл в Испанию не ради туристского любопытства, а с целью. Испанский республиканец, беженец, обосновавшийся в Калифорнии — Кларенс сейчас жил там, — рассказал ему, что где-то в Мадриде хранится сто с лишним стихотворений Мануэля Гонзаги. Ни одно испанское издательство не может их напечатать, настолько резко в них критикуются армия и государство. Кларенсу не верилось, что стихи одного из величайших гениев современной Испании могут быть запрещены, но беженец убедительно доказывал, что так оно и есть. Он дал Кларенсу прочесть письма к одному из племянников Гонзаги от некоего Гусмана дель Нидо, друга Гонзаги и его литературного душеприказчика, с которым Гонзага служил в Северной Африке; дель Нидо подтверждал, что некоторые стихи хранились у него, но впоследствии он отдал их некой графине дель Камино — в большинстве своем это были любовные стихи, обращенные к ней. Графиня во время войны умерла, дом ее был разграблен, и что сталось со стихами, дель Нидо не знал.

— К тому же не исключено, что Гусману нет дела до стихов, — сказал беженец. — Он из тех, кто считает, что, раз все так и так рухнуло, надо жить, ни в чем себе не отказывая. А Гусман дель Нидо решительно ни в чем себе не отказывает. Он человек состоятельный. Член кортесов.

— Деньги вовсе не обязательно влияют на человека таким образом, — сказал Кларенс — у него самого водились кое-какие деньги. Он был не то чтобы богат, но ему не приходилось зарабатывать на жизнь. — Дель Нидо, должно быть, дурной человек, если ему нет дела до стихов друга. И каких стихов! Знаете ли, в аспирантуре, пока мне в руки не попались стихи Гонзаги, я просто-напросто тратил время попусту. Когда я писал диссертацию по «Los Huesos Secos», это был первый в моей жизни счастливый год со времен детства. Ничего подобного я с тех пор не испытывал. Меня не очень трогают стихи современных англоязычных поэтов. Встречаются, разумеется, и отличные, но в них не чувствуется жажды жизни.

Той самой жажды жизни, которая присуща любому живому существу. А разве жизнь не прекрасна сама по себе? Однако едва я раскрыл книгу и прочел:

Оттого, что зубы мои — жалкие крошки кальция,
А мой мозг — жалкие омы,
Вы вообразили, что я слабак,
Но замечу вам, сударь,
Что, подобно любому живому существу,
Я — только живое существо, и ничего больше,

как сразу, невзирая на ироническую тональность стиха, понял, что соприкоснулся с поэтом, который поможет мне выбрать путь, поможет выработать отношение к жизни. Его гениальные, полные страсти стихи, такие, как «Стихи ночи», переносили меня в иной мир, я и поныне помню их от первого до последнего слова, и нередко мне кажется, что они единственное мое достояние… — Кларенс порой впадал в ходульность. — Или возьмем, к примеру, такие его стихи, как «Исповедь», те, которые начинаются так:

Прежде все меня радовало
Нынче все пугает
Обожал и дождь
И солнце
А теперь мне в тягость и собственный вес.

Эти стихи Гонзаги помогли мне понять, что, стремясь объять все, мы все теряем. Более ценного урока, думается, я не получал за всю мою жизнь. Нет, так нельзя! Надо во что бы то ни стало разыскать не изданные при жизни стихи Гонзаги. Недопустимо, чтобы они пропали. Наверняка это замечательные стихи.

Кларенс вдруг почувствовал себя так, словно участвует в гонках: донельзя возбужденным, на пределе сил, взвинченным, — и в то же время до глубины души преисполненным благодарности. Ведь Кларенс до сих пор не нашел своего дела в жизни и не знал, чем бы заняться. А жениться, пока ничего не нашел и не может повести жену за собой, он полагал себя не вправе. Бороду он отрастил не для того, чтобы скрыть свои изъяны, а так, словно осуществлял некий проект, имеющий целью организовать жизнь. Он превращался в чудака; воплотить свои добрые порывы иначе ему не удавалось. До него еще не дошло, что эти добрые порывы носили религиозный характер. Утверждать, что верит в Бога, он не осмеливался, а и помыслить, что для кого-то важно, во что он верит, не мог. Ну а раз он человек слабый, ему — и это скажет любой — следует во что-то верить. Как бы там ни было, Гонзагой он восхищался неподдельно, и спасти стихи вдохновенного испанца уж точно важно, и еще как! Вопросом «А это в самом деле важно?» он всегда проверял себя. Втайне Кларенса тешила мысль, что в нем нет безразличия, что интерес его непритворный. Вот что было и впрямь важно, а спасти его могло только нечто важное. Он приехал в Мадрид не ради культурного паломничества, а чтобы сделать то, что подобает и надлежит, а именно — явить откровения великого человека миру. Который, ясное дело, в них нуждается.

Как только он приехал в пансион «La Granja» и в уютной, просторной комнате с балконами, выходящими на парк Ретиро, самый большой из мадридских парков, зажгли свет, Кларенс вызвал портье и попросил его отослать два письма. Одно Гусману дель Нидо, соратнику Гонзаги по марокканской войне и его литературному душеприказчику, другое — мисс Фейт Ангар, проживающей на улице Гарсия-де-Паредес. Мисс Ангар изучала искусство, точнее, историю искусства, а ее жених был пилотом одной из авиакомпаний и ввозил песеты, купленные в Танжере по более дешевому курсу. Кларенс не одобрял спекуляций, но официальный обменный курс был просто грабительским, а за рукописи могут бог знает сколько запросить, и при курсе восемнадцать песет за доллар ему, возможно, придется выложить чуть ли не целое состояние.

Хозяйка, бледная, крупная, с волосами, закрученными остроконечным тюрбаном, вышла принять жильца. А заодно взять у него паспорт и прочие документы на предмет представления в полицию для проверки и вкратце рассказать о других жильцах. Старейшим из них был отставной генерал. Жили в пансионе также несколько служащих британской компании «Шелл», вдова министра и шесть членов бразильской торговой делегации, так что ни одно место в столовой не пустовало.

— Вы турист? — спросила она, глядя на triptico, полицейский документ с подробнейшими вопросами, который надлежало иметь при себе всем, кто путешествует по Испании.

— В некотором роде. — Кларенс решил не откровенничать. Ему не хотелось, чтобы его принимали за туриста, и тем не менее раскрывать карты не стоило. Стихи Гонзаги, хоть и неопубликованные, вполне могут объявить национальным достоянием.

— Или приехали сюда по научным делам?

— Да-да, вы угадали.

— Для людей из страны с такой короткой историей, как ваша, у нас много интересного.

— Ваша правда, — сказал он и, судя по выражению его свежего, удлиненного бородкой лица, похоже, не кривил душой.

При электрическом свете рот его казался особенно ярким. Сумерки еще не перешли в вечер, дождь стих. За деревьями Ретиро небо очищалось от туч, и сквозь водянисто-серую пелену сеялись желтые лучи уходящего дня. Летящие от троллейбусов искры прошивали зеленым пунктиром кроны рожковых деревьев.

Звон колокольчика, старомодного ручного колокольчика, сзывал к обеду. Торжественно потрясая колокольчиком, прошествовала, выпятив грудь, горничная.

Жильцы ели суп в столовой, довольно душной, с глухими стенами, обтянутыми темно-красной материей. Бразильцы оживленно переговаривались, старый генерал голова у него тряслась, глаза совсем заплыли — возил ложкой в тарелке с супом, но есть не ел. Донья Эльвия посадила Кларенса рядом с дюжей англичанкой. Он сразу понял, что с ней не оберешься неприятностей. На нее было жалко смотреть. Ярко размалеванная, она явно считала себя очаровательной, и ей и впрямь нельзя было отказать в своеобразном очаровании, если б не горячечный взгляд. Ее непокорные темно-рыжие кудри не желали укладываться в прическу.

— Если вы приехали в Мадрид повеселиться, вы ошиблись адресом. Я живу здесь уже 20 лет и так ни разу не повеселилась, — сказала она. — А теперь я до того вымотана, что больше не ищу развлечений. Книг не читаю, в кино не хожу, через силу листаю «Coyote» и просматриваю комиксы. Не возьму в толк, что тянет сюда американцев, и в таком количестве? На них наталкиваешься на каждом шагу. Вашего епископа задержали на пляже в Сантандере, он купался в трусах, а не в купальнике.

— В самом деле?

— Испанцы очень строги насчет одежды. Если бы они знали, что он епископ, я думаю, его оставили бы в покое. К тому же в море…

— Очень странно, — сказал Кларенс. — Во всяком случае, он никак не мой епископ. Я к епископам не имею ни малейшего отношения.

— Зато к конгрессменам имеете. У двоих конгрессменов в барселонском экспрессе украли штаны, когда они соснули. Штаны они повесили — было очень жарко. Воры забрались в купе через крышу вагона и стибрили штаны. Среди бела дня. У конгрессменов было по две тысячи долларов на брата. У них что, нет бумажников? Почему они держат такие деньги в карманах?

Кларенс насупился.

— Да, я читал об этом, — сказал он. — Не могу вам объяснить, почему они держат такие деньги в карманах брюк. Возможно, на Юге так принято. Впрочем, это их дело.

— Боюсь, я вам докучаю, — сказала англичанка. Но ничуточки она не боялась: в глазах у нее сверкала дерзкая радость. Она явно над ним подтрунивала. С какой стати? — недоумевал он, но с ходу ответ в голову не приходил.

— Вы мне не докучаете.

— А если и докучаю, — сказала она, — так не только моя в том вина. Помните, Стендаль где-то писал, что англичане в глубине души испытывают приверженность к несчастью.

— Вот как? — Он посмотрел на нее не без интереса. Что за лицо — сколько в нем безрадостной силы и не находящего применения ума — загубленное лицо! Что ни говори, поразительная женщина. Она вызывала в нем жалость, и вместе с тем он, невзирая ни на что, радовался знакомству с ней.

— Не исключено, что Стендаль прав. Видите ли, когда-то я много читала. Поднабиралась разных сведений. Секс — вот что лежало в основе, но сейчас все это в прошлом.

— Ну что вы, никогда бы не сказал…

— Зря я веду такие разговоры. Отчасти это из-за погоды. Почти беспрерывно льют дожди. Летом такого, как правило, не бывает. Не припомню, чтобы раньше так часто шли дожди. А ведь вполне возможно, в этом виноваты вы.

— Кто это мы? Какие еще мы?

— А что, если дожди идут из-за атомной бомбы, — сказала она. — Как начались эти атомные дела, с погодой бог знает что творится. Никто не может сказать, какое воздействие оказывает радиоактивность. А вдруг это начало конца?

— От ваших слов мне не по себе, — сказал Кларенс. — Но почему вы считаете, что опасны лишь американские бомбы? Не только у нас есть бомбы.

— Потому что в газетах все время пишут, что американцы взрывают бомбы. Взрывают под водой. На дне океана образуются воронки. В них прорывается холодная вода и остужает земное ядро. В итоге поверхность земли сокращается. Кто знает, к чему это приведет. Погода уже не та.

Кровь бросилась Кларенсу в лицо, вид у него был растерянный. Он так и не притронулся к жареному мясу с хрустящим картофелем.

— Я не очень-то в курсе научных достижений, — сказал он. — Но, насколько помнится, я где-то прочел, что промышленные предприятия выделяют каждый год по шесть миллиардов тонн углекислого газа, в результате чего на земле становится теплее, так как находящийся в атмосфере углекислый газ удерживает тепло. А значит, земле больше не угрожает ледниковый период.

— Да, но как насчет углерода четырнадцать? Вы, американцы, отравляете атмосферу углеродом четырнадцать, а он очень опасен.

— Мне ничего не известно на этот счет. Я не представляю всех американцев. А вы всех англичан. Вы не разгромили Армаду, я не осваивал Запад. Вы не Уинстон Черчилль, а я не Пентагон.

— По-моему, вы фанатик, — объявила она.

— А вы, по-моему, старая карга, — взъярился он. Выскочил из-за стола и ушел в свою комнату.

Полчаса спустя она постучалась к нему в дверь.

— Ради бога, извините, — сказала она. — Похоже, я зарвалась. Но теперь лад да мир, мы друзья, договорились? Вообще-то хорошенько рассердиться — очень и очень полезно. Нет, правда, очень полезно. — Она и впрямь выглядела иначе дружелюбной, безмятежной.

— Договорились, — сказал он. — И вы меня извините.

— По-моему, вы фанатик, — объявила она.

— Договорились, — сказал он. — И вы меня извините.

В конце концов, разве препирательство с англичанкой поможет ему достичь цели? И потом, пожалуй, к такой цели можно идти и верным и неверным путем. Спасать стихи Гонзаги следует, действуя в духе самого Гонзаги. Иначе какой в этом смысл?

Перебирая в голове их разговор, Кларенс понял, что эта мисс Уолш, эта англичанка, сослужила ему службу, подтрунивая над ним. Сама того не подозревая, она подвергла проверке его побуждения. Нельзя же приехать в Испанию и действовать тяп-ляп, наобум.

Следующее утро прошло в спешке: Кларенс хотел пораньше попасть в книжный магазин — узнать, какие книги Гонзаги есть в продаже. Сгорая от нетерпения, он покинул удобную постель, натянул трусы, непослушными пальцами застегнул манжеты, умылся у маленького умывальника со стеклянными полочками и кранами в готическом стиле, пригладил волосы и бороду. Из Ретиро — от него гостиницу отделяла лишь свежепомытая улица — доносился запах земли, цветов. Утро было ясное, тихое, голубое. Кларенс куснул брусочек принесенного горничной тоста, отхлебнул горького cafe au lait из большущей чашки и помчался на поиски книжного магазина.

У Бухгольца обнаружилась всего одна прежде неизвестная ему книга Гонзаги письма к отцу. На фронтисписе Гонзага в лейтенантской форме — низкорослый, по меркам Кларенса, — приосанившись, сидел за клавишами старомодного рояля, его большие глаза смотрели прямо в объектив. Под фотографией имелась надпись: «Почувствовать, что я на самом деле ощущаю, мне дано, лишь когда в одном из марокканских городишек повезет наткнуться на рояль. В иное время я пребываю в неведении». Кларенс наклонился и, вглядевшись в фотографию, зарделся от удовольствия. Вот это человек, вот это личность! На первой же странице был напечатан ранний вариант стихотворения, неизменно его восхищавшего, того, которое начиналось так:

Слышать хочу не свое,
А чужое,
Голос
Иной.

Он читал, не отрываясь, до одиннадцати. Словно утоляя голод, он прямо за столиком кафе проглотил книгу в один присест. Прекрасная книга. Какое счастье, что бог послал ему встречу с республиканским беженцем и тот подал мысль приехать в Испанию.

Усилием воли он заставил себя уйти из кафе, доехал на такси до улицы Гарсия-де-Паредес, где жила мисс Ангар. Как ни неприятно заниматься такими делами, но никуда не денешься — без песет не обойтись.

И тут ему сопутствовала удача. Мисс Ангар против ожиданий оказалась не похожей на студентку, сочетающую изучение искусства со спекуляцией: молодая, на редкость привлекательная, с удлиненным умным лицом, белокожая. Гладко зачесанные назад волосы взметывались упругим блестящим конским хвостом на породистой голове. Удивительно ясные глаза. На Кларенса она произвела сильное впечатление. Даже то, что зубы ее по контрасту с очень светлой кожей казались темноватыми, ему понравилось. Он воспринял это как доказательство неподдельности. На шее у нее висела большая серебряная медаль на ленточке.

— Это у вас образок?

— Нет. Хотите поглядеть? — Она подалась вперед, и медалька закачалась. Он взял теплый серебряный кружок, прочел: ПРЕМИЯ ЕЛЕНЫ УЭЙТ ЗА РАБОТЫ В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ.

— Это вас наградили?

— Да.

— В таком случае зачем вы занимаетесь подобными делами?

— А зачем вы ко мне пришли? — спросила она.

— Мне нужны песеты.

— А нам нужны доллары. Мы с женихом хотим купить дом.

— А-а.

— Вдобавок это дает возможность знакомиться с разными людьми. Вы не поверите, как мало шансов у американки познакомиться в Мадриде с интересными людьми. Нельзя же проводить все время в Прадо или в библиотеке. Что касается посольских, интереса в них примерно столько же, сколько во вчерашнем обеде. Мой жених бывает здесь всего два раза в месяц. Вы приехали сюда отдохнуть?

— Вроде того.

Она не поверила ему. Поняла, что он преследует некую цель. Почему поняла, он не смог бы объяснить, но ему это было приятно.

— Как вам наша «Granja»?

— Гостиница как гостиница. Вчера вечером одна англичанка накинулась на меня сначала из-за атомной бомбы, потом обозвала фанатиком. Сочла, что я со странностями.

— Каждый живет, как может, — сказала она.

— Я придерживаюсь того же мнения.

Он заранее опасался, как бы женщина, у которой жених — пилот авиакомпании, не стала смотреть на него свысока. Но нет, ничего подобного. Немного погодя он уже гадал, как такой мужчина мог понравиться ей.

— Если у вас нет других планов, почему бы вам не пойти со мной пообедать? — спросил он. — Вы бы спасли меня от этой мисс Уолш.

Они отправились обедать. Хотя солнце уже грело вовсю, во дворе она остановилась, надела сетчатые перчатки: ходить без перчаток в Мадриде считалось дурным тоном. Кларенса пленило, как быстро и энергично она натянула перчатки: сколько в ней жизни! Ее белое лицо источало приятный жар. По дороге к ресторану она сказала, что покамест может отдать ему лишь часть денег: когда песеты привезут в Мадрид, она заплатит ему по курсу, который в тот день будет напечатан в «Трибюн». В тот же самый день, догадался Кларенс, прибудет в Мадрид ее пилот; казалось бы, какое ему дело, его это никак не должно волновать — а вот волновало, и все тут.

У Министерства морского флота им преградило дорогу шествие. Возглавляли его священники с хоругвями, за ними четверо мужчин несли статую Мадонны. Далее шла группа босоногих вдов в полном трауре, при черных мантильях. Проследовали старухи с восковыми свечами. По всей видимости, в большинстве своем старые девы; лицо каждой освещалось помимо дневного света еще и ярким пламенем свечи. Оркестр играл «Похоронный марш» Бетховена. А над стенами министерства деревья выбрасывали листья; в воздухе стоял тот же запах цветов и земли, который доносился до Кларенса утром, запах могил, нагретых солнцем сосен. Через площадь на трамвайных рельсах шипел, плевался искрами сварочный аппарат. Мимо прошествовали ослепительные пасти туб и тромбонов, за ними — их свет на солнце поблек — тронулись зажженные свечи, но Кларенс смотрел лишь на босые белые ноги вдов, ступающих по пыльному асфальту; когда вдовы прошли, Кларенс сказал мисс Ангар:

— Какое великолепие! До чего же я рад, что я здесь.

Брови его взлетели вверх, на лице изобразилось такое воодушевление, что мисс Ангар рассмеялась и сказала:

— Какой вы впечатлительный! Мне нравится, как вы это восприняли. Непременно посетите Толедо. Вам доводилось там бывать?

— Нет.

— Я часто туда езжу. Работаю там над одной темой. Присоединяйтесь ко мне в следующий раз. Я могу вам много чего показать.

— Я был бы счастлив. Когда вы собираетесь туда снова?

— Завтра.

Он расстроился.

— Очень жаль, но завтра ничего не получится, — сказал он. — Я приехал вчера и некоторое время буду очень занят. Но ваше приглашение остается в силе, договорились? Я не позволю вам забыть о нем. Я приехал сюда с некой целью вы, вероятно, об этом догадались — и не могу вот так вот взять и поехать куда хочу, эта цель поглощает меня полностью.

— Эта ваша миссия, она тайного свойства?

— В некотором роде да. Не исключено, что она отчасти связана с нарушением закона. Но я надеюсь, вы на меня не донесете, а я до того ею переполнен, что меня тянет говорить о ней. Вы когда-нибудь слышали о таком поэте — Гонзага его фамилия.

— Гонзага? Вроде бы. Но читать, пожалуй, не читала.

— Непременно почитайте. Он был великий поэт, один из самых своеобразных современных поэтов масштаба Хуана Рамона Хименеса, Лорки и Мачадо. Я изучал его в университете, он очень много для меня значит. Чтобы понять, что он совершил, следует вообразить современную литературу своего рода великим ареопагом, размышляющим о том, что человечеству делать в будущем, чем занять свои дни на земле, какие чувства испытывать, на что обращать внимание, в чем обрести мужество, как любить и ненавидеть, в чем заключаются чистота, величие, ужас, зло (от него никуда не деться!), и прочее тому подобное. В советах, которые давала литература, никогда не было особого проку. Но люди, видите ли, перестали бояться Бога, прежде у них было ощущение твердой опоры в начале и в конце жизни, отчего они чувствовали себя увереннее и в середине. Такого рода вера уже утрачена, и поэты многие годы пытались найти ей замену. Такую, как «непризнанные законодатели мира», или «все лучшее еще нам предстоит», или уолт-уитменовское «тронь меня и тронешь человека». Кто видел смысл жизни в красоте, кто в гармонии, лучшие в скором времени разочаровывались в искусстве для искусства. Кто почитал своим долгом вести себя как актер, который, отчаянно храбрясь, успокаивает зрителей, запаниковавших во время пожара в театре. Самые великие выходили из игры, наподобие Толстого, который создал свое учение, или молодого Рембо, который уехал в Абиссинию, а перед смертью молил священника: «Montrez-moi. Montrez… Покажите мне хоть что-нибудь». Ужас что за жизнь вели некоторые из этих гениев. Наверное, они взваливали на себя непосильную ответственность. Понимали, что, если в стихах и романах они устанавливают нравственные мерки, значит, с этими мерками непорядок. Одному человеку установить эти мерки не под силу. Попытаться, если у него к этому призвание, он, разумеется, может, почему бы нет, но не в том случае, если его призвание — слова. Перекладывая всю ответственность за смысл жизни и за наши представления о добре и зле на поэтов, мы неминуемо умаляем их. При всем при том поэты отражают то, что происходит с каждым из нас. Есть люди, которые чувствуют себя ответственными буквально за все. Гонзага этим не страдает именно

поэтому я его и люблю. Посмотрите, что он пишет. Я набрел на замечательную переписку сегодня утром.

Кларенс расправил книжечку на ресторанном столике, его длинные пальцы дрожали. На безмятежном лице мисс Ангар отражалась увлеченность отнюдь не только интеллектуального свойства.

— Вот послушайте. Он пишет отцу: «Многие считают, что их долг сказать все-все, а ведь все было уже сказано, не сказано — пересказано столько раз, что мы обречены ощущать свою никчемность до тех пор, пока не поймем, что лишь присоединяем свои голоса. Присоединяем, когда нас на то толкает дух. Тогда, и только тогда». Или вот это: «Стихи могут пережить тему — скажем, стихи о девушке, поющей в поезде, — но поэт не имеет права на это рассчитывать. У стихов нет никаких преимуществ перед девушкой». Понимаете, что это за человек?

— Впечатляющая личность, что и говорить, — сказала она. — Я это понимаю.

— Я приехал в Испанию с тем, чтобы отыскать его неопубликованные стихи. У меня имеются кое-какие средства, и до сих пор мне так и не удалось найти себе занятие по душе. Во мне же если и есть незаурядность, то проявляется она в чем-то малосущественном. Во всяком случае, именно это привело меня сюда. Есть немало людей, которые объявляют себя вождями, целителями, священниками, а также глашатаями Истины, пророками или свидетелями о Нем, но Гонзага был человеком, который говорил лишь от имени человека: в нем не было никакой фальши. Он ничего не пытался представить в ложном свете; стремился — понять. Чтобы дойти до вашего сердца, ему не нужно было ничего делать, одного факта его существования было достаточно. Но самые простые вещи нам труднее всего постичь. К несчастью для нас, для всех нас, его убили, когда он был молод. Но он оставил стихи некой графине дель Камино, и я приехал сюда, чтобы найти их.

— Хорошее дело. Желаю вам удачи. Хочется надеяться, что вам придут на помощь.

— А почему бы и нет?

— Не знаю, но разве вы не опасаетесь нарваться на неприятности?

— Вы считаете, что для этого есть основания?

— По правде говоря, да.

— А вдруг мне отдадут стихи — возьмут и отдадут просто так, — сказал он. Заранее ничего нельзя сказать.

— Слава богу, начало положено! — вырвалось у Кларенса, когда он получил ответ от Гусмана дель Нидо. Член кортесов пригласил его на обед. Весь день Кларенс не находил себе места, к тому же в этот день стояла невообразимая духота, причем сначала нещадно пекло солнце, потом почти беспрерывно лил дождь.

— Ну вот, что я вам говорила? — сказала мисс Уолш.

Впрочем, когда Кларенс уже под вечер вышел из дому, небо снова очистилось, посветлело и ветки, которыми оплели перед Вербным воскресеньем решетки балконов, увядали на солнце. Он дошел до площади Пуэрта-дель-Соль — там сновали толпы: гуляки, попрошайки, праздношатающиеся, богатые дамочки, солдаты, полицейские, продавцы лотерейных билетов и авторучек, священники, жалкие маклеры, ремесленники и музыканты. В 7.30 он, согласно указаниям, сел в трамвай; трамвай провез его чуть не по всему городу. Тем не менее он доехал и, так и не выбросив пересадочный талон, поднялся с мятым клочком по пустынной каменистой дороге, упиравшейся в виллу дель Нидо. Внезапно снова разразилась буря — una tormenta, как называют ее мадридцы. За отсутствием крылечек спрятаться было негде, и он промок до нитки. Позвонив у ворот, он простоял минут пять, не меньше, под лупящим по спине ливнем — дожидался, пока привратник откроет ему. То-то ликовала бы англичанка — ее атомные бредни подтверждались. Растревоженные глаза Кларенса заимствовали от грозовых туч свинцовую синеву; светлая бороденка потемнела, плечи ссутулились. Высокие ворота отворились.

Привратник протянул ему зажатый в смуглом кулаке зонт. Кларенс прошел мимо него. Где тот был раньше со своим зонтом. Дождь прекратился, когда он был на полпути к дому.

В итоге он предстал пред Гусманом дель Нидо в самом непрезентабельном виде. Пропитавшийся водой костюм стеснял его движения. От него мерзко пахло мокрой псиной.

— Здравствуйте, сеньор Файлер. Ужасно, что вы попали под дождь. Он испортил ваш костюм, зато у вас такой свежий цвет лица.

Они обменялись рукопожатием, и Кларенса охватил восторг — глядя на прямой нос, темную холеную кожу дель Нидо, он ощутил, что соприкасается с самим Гонзагой: этот сутулый человек в полотняном костюме, нагнувший в поклоне яйцевидную голову, с обнаженными в улыбке острыми зубами, безволосыми руками и вислым задом — друг Гонзаги, часть его легенды. Кларенс сразу почувствовал, что дель Нидо при малейшей возможности постарается поставить его в глупое положение своей иронией и утонченными испанскими манерами. Дель Нидо был из тех, кто норовит срезать любого. Он не пощадил бы и самого Гонзагу. «Прочь! Для тебя никто не свят», — писал Гонзага.

— В моем письме я… — Ничего больше Кларенс не успел сказать. Они только что не бежали к столовой: их ждали остальные гости.

— Мы сможем вернуться к нему позже.

— Насколько я понимаю, вы отдали некоторые из стихов графине дель Камино, — сказал Кларенс.

Но дель Нидо уже беседовал с другим гостем. Зажгли свечи, гости сели за стол.

Кларенсу не хотелось есть.

Он сидел между итальянским монсеньором и египтянкой, жившей в Нью-Йорке, ее английский изобиловал жаргонными словечками. Был тут и немецкий господин, глава страховой компании; он сидел между сеньорой дель Нидо и ее дочерью. Дель Нидо, с его узкой зализанной головой, лошадиными зубами, поблескивающими дорогостоящими коронками, ухитрялся со своего конца стола властвовать над собеседниками. Кожу вокруг его глаз причудливо изрезали смешливые морщинки. Он впечатлил и устрашил Кларенса разом; Кларенс снова и снова спрашивал себя, как мог Гонзага доверять такому субъекту. От острослова, некогда сказал Паскаль, добра не жди. Вспомнив эти слова Паскаля, Кларенс обратился к монсеньору — уж он-то их поймет. Но монсеньор больше всего интересовался марками. Кларенс же марками не увлекался, и монсеньор беседу не поддержал. Он был угрюмый, плотного сложения, с низким, глубоко перерезанным единственной морщиной лбом, над которым топорщился ежик.

Гусман дель Нидо все говорил и говорил. Говорил о современной живописи, о детективной литературе, о старой России, о фильмах, о Ницше. Дочь, судя по всему, ушла в свои мечты и не слушала его; жена развивала то одно его высказывание, то другое. Дочь не сводила близко посаженных глаз с язычков пламени. От намокшего костюма Кларенса исходил сильный запах. Египтянку это забавляло, и она отпустила какую-то шутку о мокрой шерсти. Хорошо еще, не включили свет.

— Одного американца арестовали в Кордове, — сказал Гусман дель Нидо. — Он украл шляпу у Guardia Civil на память.

— Что за причуда!

— Ему предстоит убедиться, что наши тюрьмы меньше и теснее американских. Надеюсь, вы не обидитесь, если я расскажу историю про то, как американцы воспринимают Испанию — в плане масштабов?

— С какой стати?

— Отлично. Так вот, испанцу никак не удавалось произвести впечатление на своего американского гостя. В Америке все грандиознее — куда нам до нее. Их небоскребы больше наших дворцов. Их автомобили больше. Их кошки больше. В конце концов хозяин сунул американцу вареного омара в постель, американец пришел в ужас, а хозяин и говорит: «Это у нас клопы такие».

Почему-то Кларенса рассказ насмешил сильнее, чем остальных. Он так грохнул, что язычки пламени затрепетали.

— Не соизволите ли рассказать нам американский анекдот? — попросил дель Нидо.

Кларенс задумался.

— Ну что ж, вот такой анекдот, — сказал он. — Два пса встречаются на улице. Старые приятели. Один говорит: «Привет». А другой: «Кукареку!» — «Это еще что такое? Чего это ты вдруг закукарекал?» — «Видишь ли, — говорит тот. Я изучаю иностранные языки».

Гробовое молчание. Никто не засмеялся. Египтянка сказала:

— Вы, похоже, облажались.

Кларенс рассердился.

— Этот анекдот рассказывают по-английски или по-американски? — спросил дель Нидо.

Завязался спор. Действительно ли американский не более чем видоизмененный английский? И вообще, язык ли это? Все в этом усомнились, и в конце концов Кларенс сказал:

— Не знаю, язык это или не язык, но на нем выражают чувства. Кричат от горя и так далее точно так же, как и везде.

— Поделом нам, — сказал дель Нидо. — Мы и правда несправедливы к американцам. А ведь если где и остались еще подлинные европейцы, так это в Америке.

— Это почему же?

— Европейцы не могут оценить прекрасное — им недостает душевного спокойствия. У нас слишком тяжелая жизнь, слишком нестабильное общество.

Кларенс понял, что его поддевают; дель Нидо высмеивал гостя; он недвусмысленно намекал, что Кларенс не способен понять стихи Гонзаги. Лютая ненависть к дель Нидо разрасталась, к горлу подкатил ком. Его подмывало ударить дель Нидо, задушить, растоптать, взять за грудки, швырнуть о стену. К счастью, дель Нидо позвали к телефону, и Кларенс в ярости сверлил глазами его опустевшее место — салфетку, серебряный прибор, герб на спинке стула. Похоже, только сеньорита дель Нидо заметила, что он обиделся.

Кларенс еще раз напомнил себе, что к обладанию стихами можно пойти и неверным путем, путем, противоречащим их духу. Это соображение как нельзя лучше помогло ему успокоиться. Он не без труда проглотил несколько ложек мороженого и взял себя в руки.

— Почему вас так интересует Гонзага? — спросил его дель Нидо некоторое время спустя, в саду, под финиковыми пальмами, вознесшими высоко в небо свои кроны.

— Я изучал испанскую литературу в колледже и стал гонзаговедом.

— Вам не кажется это странным, нет? Не сердитесь, но я вижу перед собой моего бедного друга, старину Гонзагу, этого испанца из испанцев, в кошмарной форме, которую мы носили, наши руки, лица в ссадинах, дочерна опалены солнцем пустыни, кожа лупится, и спрашиваю себя, почему он вас так поразил…

— Не знаю почему. Сам бы рад разобраться, но вот поразил же, и это послужило отправной точкой.

— Могу поделиться интересными наблюдениями над поэтами и их жизнью. Одни в жизни не в пример лучше, чем в стихах. Читаешь ожесточенные стихи, потом знакомишься с поэтом и что же — он оказывается человеком вполне благополучным и благодушным. По стихам других никогда не догадаешься, что это за чудовища. Их удел в некотором роде счастливее: они еще могут исправить свои ошибки и заняться самоусовершенствованием. Лучшие из них те, у кого совпадают сущность и видимость, то, что они говорят, и то, что пишут. Соответствовать производимому впечатлению — вот цель подлинной культуры. Гонзагу я бы отнес ко второй категории.

— Не знаю почему. Сам бы рад разобраться, но вот поразил же, и это послужило отправной точкой.

— Могу поделиться интересными наблюдениями над поэтами и их жизнью. Одни в жизни не в пример лучше, чем в стихах. Читаешь ожесточенные стихи, потом знакомишься с поэтом и что же — он оказывается человеком вполне благополучным и благодушным. По стихам других никогда не догадаешься, что это за чудовища. Их удел в некотором роде счастливее: они еще могут исправить свои ошибки и заняться самоусовершенствованием. Лучшие из них те, у кого совпадают сущность и видимость, то, что они говорят, и то, что пишут. Соответствовать производимому впечатлению — вот цель подлинной культуры. Гонзагу я бы отнес ко второй категории.

— Неужели? — У Кларенса промелькнула мысль, что дель Нидо старается вызвать у него интерес к себе в ущерб Гонзаге и таким образом потеснить Гонзагу.

— Я, как мне кажется, могу рассказать вам, чем прежде всего меня привлек Гонзага, — сказал Кларенс. — Он отрешился от своих личных проблем. У меня к этому, в основном, такое отношение: великими я считаю те стихи, которые совершенно необходимы. Перед явлением стиха — безмолвие. После — снова безмолвие. Стихи приходят, когда должно, и уходят, когда должно, а значит — в них нет ничего личного. Это воистину «голос иной». — Он убеждал дель Нидо, что у него есть дар восприятия, хотя и знал, что старания его напрасны. Гусман дель Нидо был, в сущности, человеком равнодушным. Трижды равнодушным! В сущности, ему ни до чего нет дела. А на людей, которым, в сущности, ни до чего нет дела, воздействовать нельзя.

— Вы же знаете, почему я пришел к вам. Мне необходимо узнать, что сталось с последними стихами Гонзаги. Что это были за стихи?

— Дивные любовные стихи. Но где они сейчас, мне неизвестно. Они посвящались графине дель Камино, и я должен был передать их ей. Что я и сделал.

— А у вас не сохранилось их списков? — Едва дель Нидо заговорил о стихах, Кларенса начала бить дрожь.

— Нет. Они были обращены к графине.

— Разумеется. Но также и к каждому из нас.

— Стихов для каждого из нас более чем достаточно. Гомер, Данте, Кальдерон, Шекспир. И как по-вашему, что это изменило?

— Должно было изменить. И не их вина, если не изменило. И потом, Кальдерон ведь не был вашим другом. А Гонзага был. Где графиня? Несчастная, она, насколько мне известно, умерла? А что со стихами? Как вы думаете, где они могут быть?

— Не знаю. У нее был секретарь, его звали Польво, славный старикан. Но он тоже умер несколько лет назад. Племянники старика живут в Алькала-де-Энарес. В городе, где, как вы знаете, родился Сервантес. Они чиновники и, по слухам, люди вполне приличные.

— И вы так и не удосужились узнать у них, что стало со стихами вашего друга? — Кларенс был потрясен. — Вам не хотелось отыскать их?

— Я имел в виду заняться как-нибудь их поисками. Графиня, безусловно, должна была принять меры, чтобы стихи, посвященные ей, не пропали.

Тут разговор прервался, и Кларенса это даже обрадовало: он почуял, что Гусман дель Нидо рвется нарассказать ему гадостей про Гонзагу — выставить его бабником, пьяницей, наркоманом, взяточником, чуть ли не сифилитиком, а то и убийцей. В армию Гонзага бежал, спасаясь от неприятностей, это было общеизвестно. Однако Кларенс не желал слушать воспоминания дель Нидо.

— Естественно предположить — раз уж речь идет о великом человеке, — что людям, его окружающим, должно быть ясно, какого отклика требует величие, но когда обнаруживаешь среди них людей такого низкого склада, как Гусман дель Нидо, поневоле задумаешься о том, в какого рода отклике на самом деле нуждаются великие.

Вот какую речь Кларенс несколько дней спустя держал перед мисс Ангар.

— Он доволен, что у него нет этих стихов, — сказала мисс Ангар. — Иначе он считал бы своим долгом что-то предпринять, а как лицо официальное боится этого.

— Ваша правда. Вы попали в точку, — сказал Кларенс. — Но одну услугу он мне оказал. Навел на племянников графининого секретаря. Я им написал, и они пригласили меня в Алькала-де-Энарес. О стихах в их письме не упоминалось, скорее всего, из осторожности. Пожалуй, и мне надо вести себя поосторожнее. По моим предположениям, происходит что-то неладное.

— И что же?

— Полиция установила за мной слежку.

— Вы меня разыгрываете!

— Вовсе нет! Вчера мою комнату обыскивали. Это ясно как день. А когда я приступился к хозяйке с расспросами, она ничего не ответила. Ушла от ответа, и все тут.

— Дичь какая-то. — Мисс Ангар засмеялась — она была явно удивлена. — С какой стати им обыскивать вашу комнату? Чего ради?

— Наверное, просто потому, что я вызвал у них подозрения. И потом, я допустил промах в разговоре с хозяйкой на следующий день после визита к дель Нидо. Она большая патриотка. Вдобавок, у нее живет отставной генерал. Так вот, на днях она болтала со мной и, помимо всего прочего, сказала, что у нее отменное, крепкое как скала — una roca, что твой Гибралтар, здоровье. И я, олух царя небесного, — что бы мне подумать! — ляпнул: «Gibraltar Espanol!» Черт меня дернул за язык!

— Что тут такого?

— Видите ли, в войну, когда англичанам пришлось худо, началась мощная агитация за возвращение Гибралтара испанцам. Под лозунгом «Gibraltar Espanol!». И всякое напоминание о том, что они ждали не могли дождаться, когда немцы зададут англичанам трепку, испанцам, ясное дело, неприятно. Словом, она, судя по всему, считает меня политическим-тайным-кем-то-там. Она явно обиделась.

— Ну и что из этого, раз вы ничего особо противозаконного не делаете?

— Если за тобой установили слежку, рано или поздно непременно что-нибудь да нарушишь, — сказал он.

В воскресенье днем он поехал в Алькалу — познакомился там с двумя племянниками дона Франсиско Польво, их женами и дочерьми.

Это оказалась на редкость смешливая семья. Они смеялись, когда говорили сами, смеялись и когда им отвечали.

В городе осматривать было нечего, кроме сонных стен, обожженных солнцем деревьев да камней. Братья оказались белобрысыми приземистыми брюханами.

— Чай будем пить в саду, — сказал дон Луис Польво.

Домашние звали его англичанином: двадцать лет назад он прожил несколько месяцев в Лондоне; они обращались к нему «мой лорд», и он, подыгрывая им, изображал Ingles. Вплоть до того, что завел фокстерьера по кличке Дуглас. Домашние наседали на него:

— Луис, наконец-то ты можешь поговорить по-английски. Поговори с ним!

— Страна хороша? — сказал Луис. На большее его не хватило.

— Весьма.

— Еще, еще.

— Чаринг-кросс, — сказал он.

— Ну же, Луис, скажи что-нибудь еще.

— Пиккадилли. Больше ничего не помню.

Подали чай. Кларенс пил, изнемогая от жары. Ящерицы сновали по узластым виноградным лозам, около колодца… Жены вышивали. Смешливые дочери разговаривали по-французски; о Кларенсе, о ком же еще. Похоже, его рассказу никто не поверил. Долговязый, разобиженный, в костюме, сшитом для постороннего глаза не иначе как из мешковины, он пил чай. Ему казалось, что он держит не блюдце, а кольцо Сатурна.

После чая его повели осматривать дом. В огромном, старинном, скудно обставленном, с толстыми стенами, промозглом доме было множество портретов предков, оставшейся от них амуниции, а также кирас, шлемов, кинжалов, ружей. В одной из комнат, где висела картина, изображавшая генерала времен наполеоновских войн, братьям вдруг вздумалось валять дурака. Сначала они нацепили шляпы с плюмажем, потом — сабли, а там и полную форму тех лет. И так — в шпорах, медалях, заплесневелых перчатках — рванули на террасу, где сидели дамы. Дон Луис волочил саблю, штаны у него свисали мешком, лопнувшая треуголка сползла на уши, сквозь прореху просвечивала белесая плешь. Под громовой хохот он шутовски выкидывал артикулы ружьем наполеоновской эпохи. Кларенс смеялся вместе со всеми, щеки его морщились; но почему на сердце у него с каждой минутой становилось все тяжелее, он не смог бы объяснить.

Дон Луис вскинул ружье и с криком «La bomba atomica! Poum!» прицелился. Выходка его имела шумный успех. Женщины визжали, обмахивались веерами, а брат шмякнулся задом на песчаную дорожку, хохоча так, что из глаз у него полились слезы. Фокстерьер Дуглас неистовствовал — подскакивал, норовил лизнуть дона Луиса в лицо.

Дон Луис бросил палку, крикнул:

— Принеси палочку, Дуглас! La bomba atomica! La bomba atomica!

Кровь вдруг прихлынула к голове Кларенса. И тут его оскорбляют! Он был вне себя. Чего только не приходится сносить! Какие только муки не приходится претерпевать, чтобы спасти стихи Гонзаги!

До него, словно откуда-то издалека, донесся крик дона Луиса:

— Хиросима! Нагасаки! Бикини! Отличная работа!

Он швырял палку, и малыш Дуглас, крохотный бело-рыжий песик, пружинисто подскакивая, мчался от своего коротышки хозяина к террасе и обратно, а воздух заждавшегося дождя сада взрывали нескончаемые раскаты смеха.

Дурного тона шутка, пусть даже дон Луис и издевался над утраченной военной мощью своей родины — об этом свидетельствовали и драная треуголка, и куцый мундир. Тем не менее мы не сквитались, нет. Кларенс не мог думать ни о чем, кроме жуткого грохота бомбы и слепящего, убийственно сверкающего грибовидного облака.

Нет, так дело не пойдет. Он решил унять дона Луиса. Подошел к нему, положил руку на ружье и сказал, что хотел бы поговорить с ним наедине. Семья встретила его слова смехом. Дамы принялись шепотом обсуждать Кларенса. Дама постарше заметила: «Es gracioso»; девицы, похоже, возражали ей. Он слышал, как одна из них сказала: «Non, il n'est pas gentil». Кларенс все снес — из гордости делал вид, что ничего не замечает.

«Чтоб их черт побрал вместе с их чаем!» — подумал он. Рубашка липла к спине.

— Дядины бумаги перешли не к нам, — сказал дон Луис. — Все, Дуглас, все! Он бросил палку в колодец. — Нам с братом перешел вот этот старинный дом, еще участок земли, но если у дяди и имелись какие-то бумаги, они достались моему родственнику Педро Альваресу-Польво, он живет в Сеговии. Интересный малый. Работает в Banco Espanol, но притом очень культурный человек. У графини не было семьи. И она привязалась к дяде. А дядя был очень привязан к Альваресу-Польво. У них были общие интересы.

— Дядя говорил вам когда-нибудь о Гонзаге?

— Не припомню. У графини было множество поклонников из художественной среды. А вас, как видно, очень интересует этот Гонзага?

— Да. Почему бы мне им не интересоваться? Ведь и вы в один прекрасный день можете заинтересоваться каким-нибудь американским поэтом.

— Кто — я? Вот уж нет! — Дон Луис фыркнул, однако заметно встревожился.

Что за люди! Чтоб их черт побрал, этих гнусных весельчаков! Кларенс ждал, пока смех дона Луиса, сначала изумленный, потом даже несколько виноватый, стихнет и широченная — от уха до уха — щербатая пасть закроется, губы, не желая смыкаться, дрогнут, но все же сомкнутся.

— А ваш родственник Альварес-Польво, как, по-вашему, он знает…

— Он много чего знает. — Дон Луис уже овладел собой. — Дядя был с ним откровенен. Если кто и сумеет более или менее определенно ответить на ваши вопросы, так это он, вы можете на него рассчитывать. Я дам вам рекомендательное письмо.

— Если вас это не слишком затруднит.

— Нет, нет, рад оказать вам услугу. — Дон Луис был сама любезность.

Через раскаленное Кастильское плоскогорье Кларенс автобусом вернулся в Мадрид и тут же позвонил мисс Ангар. Ему хотелось, чтобы она пожалела его, утешила. Она, однако, не пригласила Кларенса к себе. Сказала:

— Я смогу отдать вам песеты завтра.

Пилот уже прилетел, и она, судя по голосу, была этому не очень рада. Возможно, она вовсе и не влюблена в жениха. У Кларенса к этому времени сложилось впечатление, что инициатива заняться спекуляцией принадлежала не ей, а пилоту. Она этого конфузится. Но из лояльности не показывает виду.

— Я зайду попозже, на неделе. Никакого спеха нет, — сказал он. — Как бы там ни было, сейчас я занят.

Пусть себе в убыток, но завтра он разменяет чек в Американском экспрессе, даже если официальный курс обмена просто грабительский.

Обманутый в своих ожиданиях Кларенс повесил трубку. Такая женщина должна была достаться ему. У него мелькнула смутная мысль, что как цель живая женщина лучше мертвого поэта. Но поэт — вот он, а с женщиной кто знает, как еще обернется. И Кларенс отправил письмо Альваресу-Польво. Помылся в раковине и лег, читал Гонзагу при свете потрескивающей лампочки, укрепленной под пологом кровати.

Кларенс приехал в Сеговию рано поутру в воскресенье.

Город был залит солнцем, над горами висели шелковистые белые облака. Их тени ползали по голым отрогам гор, точно змеи, вылезшие погреться на земле, на камнях. По древнему плоскогорью там и сям были разбросаны монастыри, скиты отшельников, церкви, башни, гробницы — святого Хуана и других святых мистиков. На самом высоком холме Сеговии стоял Alcazar Изабеллы Католической. А над городом, перерезая небо множеством бугристых гранитных полукружий, пролегал акведук, благородный пережиток римского владычества, косматый, точно уши старика. Кларенс стоял у окна гостиницы, смотрел на каменный мост, как по волшебству взлетевший над улицами. Все — древние отроги гор, изрытые так, словно именно здесь Иаков боролся с ангелом, шпили, сухой поблескивающий воздух, скиты отшельников, укрытые в зеленых зарослях, позвякиванье овечьего ботала, вода, капающая из чаши, солнце, непрерывно тянущее к земле лучи, прямые, как струны арфы, — все, буквально все впечатляло его. И, не подавляя, но раскрепощая, воздействовало на него. Он чувствовал: дух его птичкой трепещет в груди. Он вышел во внутренний дворик. В каменной толстощекой чаше стояла зеленая вода, в глубине ее играли, множась, золотые отражения бронзовых кранов. В арке над чашей красовались в рамках женские головки, причесанные по моде двадцатилетней давности, — реклама бриллиантина. Примерно десять прелестных secoritas, с челками, подбритыми затылками, взъерошенными мальчишескими стрижками, улыбались, как жрицы любви. И Кларенсу подумалось, что не иначе как это Источник Молодости. Ну и Аркадию это тоже приводило на память. Он воскликнул: «О, нимфы младые!» — и фыркнул. Какое счастье, нет, блаженство! Солнце жарко ласкало голову, обнимало спину.

Улыбаясь, он слонялся по улицам. Зашел в Alcazar. Его охраняли солдаты в немецких шлемах. Зашел в собор. Собор был древний, но камни его почему-то казались новехонькими. Пообедав, засел в кафе с видом на акведук — ждал Альвареса-Польво. На широком покатом тротуаре стояли сотни складных стульев, все пустые, от солнца краска на них облупилась и обнажилось серебристо-серое, точно рыбья чешуя, дерево. Широкие низкие окна были распахнуты, так что бар и улица, свет и сумрак, темный колер бара и яркая синева неба — все смешалось. Из бара вышла цыганка, состроила Кларенсу глазки. Она выступала в баре перед посетителями, но цыганка она или не цыганка, кто знает. Кое-кого из этих девиц окрестили, как он слышал, gitanas de miedo — страшилами, впрочем, может, они такие только от голода. Однако он остался в кафе, рассматривал акведук, пытаясь представить, какие механизмы использовали римляне, чтобы поднять эти камни.

Черный катафалк — за ним медленно брела похоронная процессия — вместе с плюмажами, резными фигурами ангелов, зеваками со скорбными минами проследовал под главной аркой к кладбищу. Через десять минут катафалк промчался назад, кучер в шелковом цилиндре, привстав, яростно нахлестывал лошадей, без умолку на них покрикивая. И чуть ли не сразу тот же самый катафалк снова возвратился, а за ним тянулась уже другая похоронная процессия, родственники, захлебываясь рыданиями, поддерживали друг друга, горе гнуло их спины. И снова проследовал под аркой. И еще раз тот же самый катафалк пролетел мимо. У Кларенса екнуло под ложечкой, он подумал: «Почему вдруг столько похорон одновременно? Уж не эпидемия ли чумы?» Глянул на свой стакан с хлопьями пены по краю. Мог бы быть и почище!

Однако Альварес-Польво успокоил его. Сказал:

— Катафалк неделю назад сломался. Его только что починили. Вот и хоронят всех, кто умер за неделю.

Выглядел он чудно. Похоже, над его лицом потрудились три, если не четыре болезни и, оставив свои следы, отступили. Нос раздулся, отчего глаза запухли. Рот у него был — как и у его родственника дона Луиса — от уха до уха. Он носил берет, живот его обвивал желтый шелковый кушак. Кларенс и до того замечал, что низенькие пузаны при ходьбе держат руки так, словно готовятся дать отпор, хотя в глубине души чувствуют, что обречены на поражение. Альварес-Польво тоже так ходил. Над залитым солнцем лицом с темной, в пятнах, в сетке морщин кожей курчавились выбивавшиеся из-под берета седые волосы. Живот у него был точь-в-точь как барабан, и казалось, что и душа сродни барабану. Бей не бей ему все нипочем. Зато грохот будет, и еще какой!

— Вы знаете, зачем я приехал? — спросил Кларенс.

— Разумеется, знаю. Но давайте отложим разговор о делах. Вам, я полагаю, не довелось бывать в Сеговии, так что позвольте мне познакомить вас с нашим городом. Я уроженец Сеговии и тем горжусь, горжусь нашим древним, прекрасным городом, и мне доставило бы огромное удовольствие показать вам его главные достопримечательности.

При словах «разговор о делах» Кларенс несколько взбодрился. А что, если весь вопрос лишь в деньгах? Тогда стихи у него в кармане! Сердце Кларенса трепыхалось от радости, как флаг на ветру.

— Да ради бога. Повременим с делами. Сеговия прекрасна. В жизни не видел города великолепнее.

Альварес-Польво взял его за локоть.

— Со мной вы не только увидите город, но и постигнете его дух. Я изучил его досконально. Меня увлекают такие вещи. А поделиться этим богатством удается очень редко. Моя жена, куда б я ее ни повел, интересуется лишь novelas morbosas. В Версале она уселась читать Эллери Куина. То же самое в Париже. То же самое в Риме. У нее такой запас novelas morbosas, что ей их хватит, доживи она до светопреставления.

Затем без всякого перехода пустился в рассуждения о женщинах, и Кларенсу хочешь не хочешь пришлось поддерживать разговор. Женщины, женщины, женщины! Все типы испанской красоты! Уроженки Гренады, Малаги, Кастилии, Каталонии. Ну а немки, гречанки, француженки, шведки! Он все крепче стискивал локоть Кларенса, хвастался, жаловался, перечислял, откровенничал, все ближе и ближе притягивая его к себе. Женщины погубили его! Кто отнял у него деньги, здоровье, время, годы, жизнь? — да все женщины: простушки, дурочки, красавицы, мотовки, ехидины, злюки, шатенки, блондинки, брюнетки, рыжухи… Кларенсу казалось, что его со всех сторон теснят женщины, их лица, тела.

— Эту церковь вы, я полагаю, отнесете к романскому стилю? — Кларенс остановился.

— Натурально, — сказал Альварес-Польво. — А теперь обратите внимание на ренессансный особняк рядом — его построили так, чтобы он гармонировал с церковью.

Кларенс смотрел на портик, на сплющенные фантасмагорические хари, дьявольски-звериные и человеческие одновременно, на каменных птиц, томно развалившихся чертей и апостолов. Двое мужчин волокли тележку, груженную пружинной сеткой и матрасом. Они походили на царей Еламского и Сенаарского, поверженных в прах Авраамом.

— Выпейте стаканчик вина, — сказал Альварес-Польво. — Я перенес операцию и пить не могу, но вы непременно должны что-нибудь выпить.

Когда же наконец начнется разговор о стихах? Кларенс терял терпение. Стихи Гонзаги мало что, а скорее и вовсе ничего не значат для такого человека, однако, невзирая на нескончаемую похвальбу своими любовными подвигами, самодовольство и нытье — он, мол, возложил на алтарь любви и красоты все свои силы, — старик, по всей вероятности, тот еще пройдоха. Он хочет проманежить Кларенса, разведать, сколько тот готов выложить за стихи Гонзаги. Поэтому Кларенс смотрел, лишь изредка моргая, прямо перед собой и держал себя в узде.

Bodega был самый обычный: огромные бочки, медные краны, бесчисленные бутылки — их двоило лиловое зеркало, — блюда с mariscos, вареные лангусты с повисшими на стебельках глазами и клешнями, причудливо скрюченными в предсмертных судорогах. Из середины зала поднималась вверх узкая винтовая лестница. Куда она вела? — бог весть… Кларенс так и не разглядел куда, как ни старался. Нищая девчушка в драном платьице подошла к ним, попыталась всучить лотерейные билеты. Старый селадон приобнял ее; она приласкалась к нему: взяла его несоразмерно маленькую руку и прильнула к ней щекой. Не прерывая разговора, он потрепал ее волосы. А вдоволь натискав, одарил монеткой и отослал.

Кларенс допил сладкую золотистую малагу.

— А сейчас, — сказал Альварес-Польво, — я покажу вам церковь, которую туристам почти никогда не показывают.

Они спустились в нижнюю часть города по заваленной мусором каменной лестнице, миновали хибары, недалеко ушедшие от пещер, пустырь, где низкорослые мальчишки играли в футбол — отбивали мяч головой, захватывали бутсами и отпасовывали назад.

— Вот она, — сказал Альварес-Польво. — Эта стена десятого века, а эта семнадцатого.

Воздух в церкви был сумрачный, промозглый, вязкий, как елей. Постепенно начали вырисовываться темно-красные, темно-синие, густо-желтые просветы, и Кларенс мало-помалу разглядел алтарь, колонны.

Альварес-Польво хранил молчание. Мужчины остановились перед статуей Христа в язвящем венце. Бок статуи был пропорот, залит ржавой кровью. Терновый венец слишком большой, слишком тяжелый — такой не поносишь. Стоя перед статуей, Кларенс ощущал, что тернии, того и гляди, пронзят его, да так, что душа вон.

— Дело, которое интересует нас обоих… — тут Альварес-Польво нарушил молчание.

— Да-да, уйдем отсюда, поговорим о деле. Среди бумаг вашего дяди вы нашли стихи. Они у вас здесь, в Сеговии?

— Стихи? — сказал Альварес-Польво, отворачивая от статуи смуглое помятое лицо. — Как странно вы их называете.

— Вы хотите сказать, что они не похожи на стихи? Что же они собой представляют? Как они написаны?

— Да как обычно, на том языке, на котором пишутся официальные бумаги. В соответствии с законом.

— Не понял.

— Я и сам ничего не понимаю. Но могу вам показать, о чем идет речь. Одна из бумаг при мне. Я ее захватил с собой. — Он вытащил документ из кармана.

Кларенс с трепетом взял листок в руки. Он оказался плотным — глянцевитым и плотным. Нащупывалось тиснение. Ага, вот и печать. Что графиня сделала со стихами? Выгравировала? Бумагу украшала золоченая звезда. Он придвинулся поближе к свету и в затейливой рамке из зеленых завитушек прочел: Compacia de Minas, S.A..

— Что это?.. Нет, это не то. Вы мне дали не ту бумагу. — Сердце у него колотилось. — Уберите ее. Пошарьте еще в кармане.

— Почему же не ту?

— Судя по всему, это акции.

— Ну да, акции рудников, а вы чего ожидали? Ведь вас это интересует, разве нет?

— Конечно же нет! Нет и нет! Какие еще рудники?

— Уранинитовые рудники в Марокко, вот что я имею в виду.

— Что я буду делать с уранинитовыми рудниками? — спросил Кларенс.

— То же, что и всякий бизнесмен. Продавать. В уранините содержится уран. Уран нужен для производства атомной бомбы.

О господи!

— Claro. Para la bomba atomica.

— Какое отношение я имею к атомной бомбе? Какое мне дело до атомной бомбы! Слышать ничего не хочу об атомной бомбе! — сказал Кларенс.

— Я так понял, что вы финансист.

— Я? Разве я похож на финансиста?

— Конечно, похож. Правда, больше на английского, чем на американского. Но, вне всякого сомнения, финансист. А разве нет?

— Нет. Я приехал сюда ради стихов Гонзаги, стихов, которые принадлежали графине дель Камино. Любовных стихов, посвященных ей поэтом Мануэлем Гонзагой.

— Мануэлем? Тем солдатиком? Тем маломерком? Который был ее любовником в 1928 году? Его убили в Марокко.

— Да, да! Как ваш дядя распорядился стихами?

— А, вот вы о чем. Да никак. Графиня распорядилась ими сама. Велела похоронить стихи вместе с собой. Забрала их с собой в могилу.

— В могилу? С собой, говорите? И списков нет?

— Думаю, что нет. Она оставила дяде распоряжения, а дядя был человек верный. Верность была его девизом. Мой дядя…

— К черту! К черту всё! И среди его бумаг нет ничего, касающегося Гонзаги? Никаких упоминаний о нем ни в дневниках, ни в письмах? Ничего?

— Он оставил мне акции рудника. Это большая ценность. Не сейчас, но они станут ценными, если мне удастся достать деньги. Беда в том, что в Испании серьезной суммы не раздобудешь. Испанские тузы трусливы и невежественны. У нас все еще продолжается эпоха контрреформации. Разрешите показать вам, где находится рудник. — Он развернул карту и принялся рассказывать о топографии Атласских гор.

Кларенс ушел, вернее, бежал от него. Запыхавшийся, разъяренный, преодолел подъем, ведущий в верхнюю часть города.

Едва переступив порог своего номера, он понял, что его чемодан обыскивали. Вне себя от бешенства он захлопнул чемодан, проволок его вниз по лестнице, мимо чаши с зеленой водой, в холл. И набросился на администратора:

— С какой стати полиция роется в моих вещах?

Администратор побледнел, но был тверд.

— Senor, должно быть, вы ошиблись.

— Ничего я не ошибся. У меня в номере обшарили корзинку для бумаг.

С кресла в холле к ним двинулся мужчина. В поношенном костюме, с траурной повязкой на рукаве.

— Ох уж эти мне англичане! — Его трясло от ярости. — Они понятия не имеют, что такое гостеприимство. Приезжают к нам, живут в свое удовольствие, осуждают нашу страну, жалуются на испанскую полицию. Бывают же такие ханжи! Да в Англии полицейских куда больше, чем в Испании. Всем известно, что в ливерпульской тюрьме, а это огромная тюрьма, все камеры забиты масонами. В одном Ливерпуле encarcelados пять тысяч масонов.

Что тут скажешь? Всю дорогу до Мадрида Кларенс просидел в своем втором классе, не проронив ни слова и не шелохнувшись.

Когда горы остались позади, небо раскололось. Пошел дождь, обложной, внезапный, пузырящиеся лужи покрыли неохватное плоскогорье.

Кларенс предчувствовал, что ему наговорит эта рыжуха мисс Уолш за ужином.

Перевод Л. Беспаловой

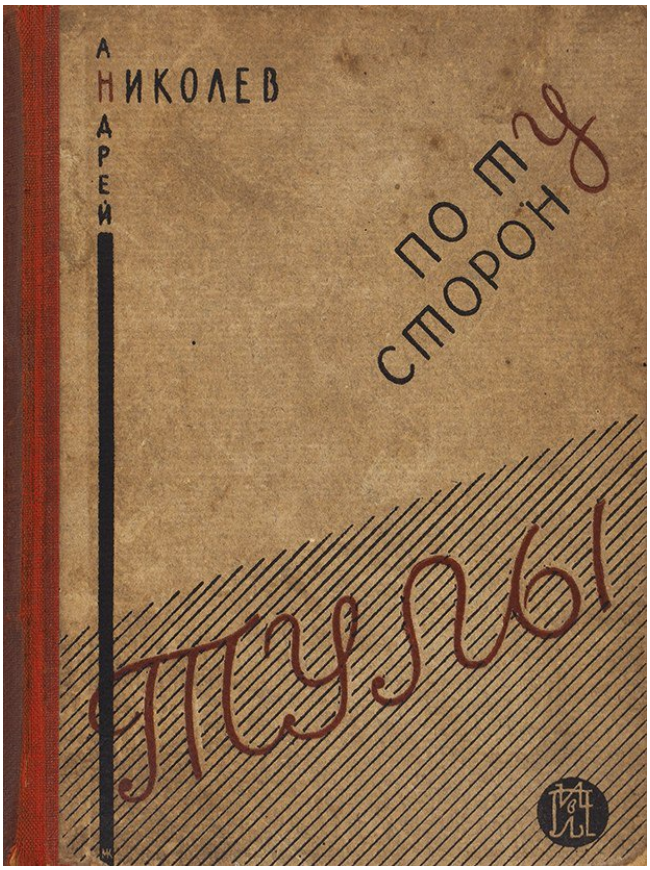
Источник: https://lenta.ru/articles/2005/04/06/bellow/

Публицистика

Юрий Кириленко: По ту сторону Тулы. Советская пастораль

О судьбе поэта и ученого-филолога, вынужденного возвращенца, оказавшегося после 1945 года в Берлине, а затем выданного американскими властями советскому правительству, рассказывает Юрий Кириленко, автор из России. Повествование создает объемное восприятие исторических событий, происходивших по обе стороны океанских широт, и тем самым дополняет картину жизни представителей русской эмиграции описанием тех перипетий, которые грозили многим из них. В заключение мы даём небольшую подборку стихов Андрея Егунова.

В 2011 году в Петербурге вышел пилотный номер журнала «Русская проза». Он примечателен тем, что его открывал роман, впервые напечатанный за 80 лет до этой публикации. Книга Андрея Николева «По ту сторону Тулы» была выпущена «Издательством писателей в Ленинграде» 90 лет назад, в 1931 году.



Первое издание романа «По ту сторону Тулы»

Николев – псевдоним Андрея Егунова, филолога-классика, поэта (полное собрание его уцелевших стихотворений «Елисейские радости» увидело свет в начале нашего века в ОГИ – «Объединенном гуманитарном издательстве») и переводчика с древних языков. Если вам повезло и вы читали Платона на русском, значит, вы уже в какой-то степени прикоснулись к легендарной, во многом скрытой за пеленой неумолимого и жестокого времени, личности Андрея Егунова.

Роман «По ту сторону Тулы» переиздавался в XX веке лишь один раз, в начале 1990-х, небольшим тиражом – в Австрии, в Вене, в «Собрании произведений» под редакцией Г. Морева и В. Сомсикова.

Но память о книге жила. Сохранившиеся экземпляры первого издания ходили по рукам в 1970-1980-х годах, после смерти автора. Тогда даже сложился «культ» Николева, прежде всего в Ленинграде. А замечательный поэт Василий Кондратьев в конце 1980-х написал эссе «Жизнь Андрея Николева», которое сопроводило переиздание романа в «Русской прозе».

В основе – классика

«По ту сторону Тулы» – это попытка пасторали, попытка счастья, попытка игры в неизведанной пристоличными жителями стране: Тула – не только славный самоварами, пряниками и умельцами губернский город; Тула – сказочное королевство северных саг, на самом краю земли, за которым уже нет ничего, лишь мрак и бездна необитаемого, неодушевленного мира.

Андрей Николаевич Егунов писал свой роман в 1929-1930-х годах. Его специальностью была классическая филология. Он являл собой образец академической культуры. При этом необходимо отметить, что изучение античности как родоначальницы европейской культуры не было занятием «антикварным». Оно приводило к культуре современности. Не случайно в 20-е годы прошлого века

в науке и культуре звучали настойчивые призывы «учиться у классиков», то есть на базовых, общечеловеческих ценностях.

Весьма характерным для того времени был роман английского писателя Джойса «Улисс», навеянный гомеровской «Одиссеей» и опубликованный в 1922 году.

Знание древних культур, древнегреческого и латинского языков сочеталось у Егунова с интересом к живым языкам, в частности, к немецкому, которым он владел в совершенстве, к лингвистической природе слова.

Название произведения Андрея Егунова представляет реминисценцию заглавия фантастического романа Антония Диогена «Невероятное по ту сторону Фуле», написанного во II веке н. э. и сохранившегося в пересказе IX века в библиотеке византийского богослова, патриарха Фотия I.

Действие романа «По ту сторону Тулы» происходит в августе – месяце, названном в честь первого римского императора Октавиана Августа. С первых строк книги – сплошные аллюзии, переклички с любимыми Егуновым авторами – Гомером, Гелиодором…

С тройным дном

О чём же этот полузабытый роман?

События романа вписаны в конкретную топографию, место действия определено вполне четко: «Крапивенский уезд, страна Льва Толстого». Вот только «волшебное» село Мирандино – объект придуманный, просто красивое литературное название.

Внешний сюжет – трехдневный визит 26-летнего Сергея Сергеевича, жителя петергофского пригорода Северной Пальмиры, молодого человека, стихотворца и специалиста по древнеисландской литературе, в тульское село неподалеку от Ясной Поляны, где инженерствует в поисках неведомой руды некий Федор Федорович с антично-греческой фамилией Стратилат, которому на днях исполнится 22 года и с которым героя связывает странноватое, дурашливо-чувственное товарищество.

Фамилия гостя не указана. Однако в диалоге друзей отмечается: « – Вы потомок того, великого? – Как же, родной сын». Похоже, намек на внука Льва Толстого Сергея Сергеевича… Хотя, вероятно, герой романа – всё же во многом альтер эго автора.

Сергей по профессии – «пишбарышня», то, что потом стало называться машинисткой. «Я восьмое чудо света, украшение нашего Союза, я единственная пишбарышня мужского пола и служу в конторе петергофских дворцов-музеев», – говорит он о себе. Он подобен Сфинксу: у египтян – мужского рода, у древних греков – женского, нечто неизвестное. Странный человек, «слишком исландец».

Его друг Федор – «красный инженер», член Осоавиахима. У него – «золотистые кудри», «походка неприкаянного ангела», «натура чувствительная». Он «способен на самые неожиданные поступки». Он является полным тезкой одного из самых почитаемых христианских святых Федора Стратилата.

В романе предстают различные ситуации: бытовые, книжные, сказочные, фантастические. Например, Сергей приехал с Еленой Троянской.

А село представляет собой эпическое, как в античности, поле битвы за жизнь и любовь. Правда, с жестокими реалиями времени. Конец 1920-х – это начало раскулачивания в СССР. «Здесь, … в Мирандине, – кулак на кулаке», – читаем мы в романе. «Кулачьё скупило всё мыло и Федора погубило…» С кулаками, по мрачным фантазиям Сергея, можно сравнить рой мух, мухи везде, от них нет спасения. Не случайно в начале романа Сергей везет приятелю «подарок» – липкую ленту от мух. И в конце Федор просит Сергея прислать ему «бумаги от мух».

При чём здесь мухи, спросит читатель. Вспомните бога огня и коварства Локи из исландской мифологии, который превращается в муху, чтобы терроризировать своих врагов.

«Мухи, как черные мысли…» – а это уже образ из стихотворения Алексея Апухтина, повторенный затем в стихотворении Иннокентия Анненского…

Роман, в котором увековечены в очередной раз Ясная Поляна и дорогие нам тульские места, полон намеков, загадок, всего, что составляет по-настоящему интересную, талантливую и вечную литературу.

Литературный критик Валерий Шубинский так охарактеризовал книгу «По ту сторону Тулы»:

«Этот роман не с двойным, а с тройным дном. Роман, в котором присутствует, с одной стороны, очень читающийся пласт цитат от Обломова и Штольца, которые угадываются в двух главных героях, до цитат из Лескова, Тургенева и других классиков XIX века и, конечно, Толстого, вокруг могилы которого определенным образом строится сюжет. А второй слой – это, как ни странно, массовая советская беллетристика 20-30-х годов, которая в этом романе обыгрывается и пародируется. И это сочетание создает очень необычный внутренний сюжет. Потому что роман этот – по крайней мере, в моем понимании – это роман о попытке интеллигента старой дореволюционной закваски стать советским писателем и о невозможности этого».

Детство и юность

Андрей Николаевич Егунов родился 26 (14 по ст. ст.) сентября 1895 года в Ашхабаде, где служил его отец, кадровый военный, полковник интендантской службы. Отец – Николай Андреевич Егунов (1862–1918) – происходил из Ярославля, из небогатых служилых дворян. Столь же небогатым был дворянский род его матери Эрминии Васильевны (урожд. Поповой, 1876–1951).

С 1903 года Николай Андреевич служил в Кронштадте. Спустя два года юный Андрей Егунов поступил учиться в знаменитое Тенишевское училище, воспитанником которого пятью годами ранее стал Осип Мандельштам, а четырьмя годами позднее – Владимир Набоков. Одноклассником Андрея Егунова был впоследствии известный ленинградский органист Исайя Браудо. Тогда же, в гимназические годы, началось поэтическое творчество Егунова.

Тенишевское училище он окончил в 1913 году и поступил в Петербургский университет на классическое отделение историко-филологического факультета, являвшегося признанным научным центром классической филологии европейского значения. Учеба на этом отделении позволила Андрею Николаевичу стать специалистом по древнегреческой литературе.

Окончив в январе 1918 года классическое отделение, Егунов подал прошение о зачислении его на славяно-русское отделение, где он учился до ноября 1919-го. По окончании университета он был оставлен в этом высшем учебном заведении для приготовления к профессиональному званию и продолжал заниматься у профессора Сергея Жебелева до 1923 года.

Первые публикации

В том же году появилась первая публикация Егунова: перевод «Законов» Платона, вступительная статья и примечания к ним, изданные в «Полном собрании творений» Платона в питерском издательстве «Academia».

Тогда же, однако, Егунов вынужден был оставить планы университетской карьеры: разгром «царской» высшей школы новой властью начался именно с гуманитарного образования. Андрей Николаевич ушел из университета и начал зарабатывать на жизнь преподаванием языков, в основном немецкого, на рабфаке Горного института в Ленинграде, в Военно-морском инженерном училище.

Несмотря на необходимость заниматься педагогическим трудом, Егунов продолжал заниматься классической филологией. Эти занятия, вследствие условий времени, приобрели «домашний», кружковый характер. В конце 1922 года Егунов и его увлеченные молодые друзья собирались друг у друга по очереди и занимались чтением и переводом древнегреческих авторов. Еженедельные собрания этой группы, названной АБДЕМ (А – первая буква в именах участников, БДЕМ – первые буквы их фамилий), продолжались в течение восьми лет. Было прочитано, переведено и кратко прокомментировано множество древних авторов. В 1925 году группа АБДЕМ перевела и выпустила в свет в Госиздате («Всемирная литература») роман «Левкиппа и Клитофонт» Ахилла Татия Александрийского.

Раннее вхождение Егунова в круг профессиональных переводчиков сблизило его с литературным миром. В апреле 1924 года в коридорах издательства «Academia» он познакомился с литератором и композитором Серебряного века, мастером свободного стиха Михаилом Кузминым, который тепло отзывался и о раннем творчестве Егунова, и о его человеческих качествах.

Псевдоним – Николев

Летом 1928 года Андрей Егунов взял псевдоним Андрей Николев, отсылавший к поэту XVIII века Николаю Николеву. Выбор Андреем Николаевичем этого псевдонима объясняется его интересом к времени зарождения русской классической литературной традиции, тесно связанной с европейской культурой. Псевдоним нужен был еще и потому, что у Андрея был брат Александр Егунов, который тоже публиковался и с которым совпадала не только фамилия, но и инициалы. Кроме того, в мире русской науки второй половины XIX века было известно имя Александра Николаевича Егунова – экономиста, однофамильца братьев.

Конец 1920-х годов – пик литературной и переводческой деятельности Андрея Егунова: написан ряд стихотворений, закончена первая редакция поэмы «Беспредметная юность».

Под псевдонимом Андрей Николев увидел свет и собственный, оригинальный роман уже достаточно известного переводчика античных авторов. Публикация романа «По ту сторону Тулы» стала возможной с подачи Константина Федина, в то время очень известного и уважаемого писателя. Федин считал также интересными и, к сожалению, утраченные «Милетские рассказы» Егунова; попытка опубликовать их не удалась из-за цензуры. В числе безвозвратно утерянных произведений Егунова – также роман «Василий остров».

Летом 1929 года Андрей Николаевич гостил в Коктебеле у Максимилиана Волошина, в Ленинграде тесно общался с Михаилом Кузминым.

В 1932 году вышел из печати перевод романа Гелиодора «Эфиопика», выполненный АБДЕМом еще в середине двадцатых, – первый русский перевод этого произведения с подлинника. Книга открывалась обширной статьей Егунова «Греческий роман и Гелиодор», им же были подготовлены примечания и осуществлена редактура текста. Это была поистине новаторская по тем временам работа, положившая начало современному методу подготовки и издания древних авторов в России. Печально, но этому капитальному труду суждено было стать значительнейшей и одновременно трагической вехой научного пути Андрея Егунова. В последующие 28 лет он не смог опубликовать ни строчки…

Ссылка

В 1933-м Андрей Николаевич был арестован по сфабрикованному делу «об идейно-организационном центре народничества», или «делу Иванова-Разумника». Для ареста Егунова оказалось достаточным его присутствие в гостях в доме, в котором находились люди, интересовавшие следствие. По всей видимости, он оказался в числе «десятков (или сотен?) совершенно невинных людей», о вовлечении которых в «дело» вспоминал впоследствии сам Иванов-Разумник. Впрочем, «тяжесть» предъявленного Егунову обвинения была, вероятно, относительно небольшой и повлекла за собой лишь трехлетнюю ссылку в Западную Сибирь, в село Подгорное Томской области.

Режим административного надзора за ссыльными в начале 30-х годов был сравнительно мягким, и весь 1934 год Егунов жил в Томске, снимая квартиру и устроившись преподавать немецкий язык в Томском университете. Здесь он виделся с переведенным из Нарымского края ссыльным поэтом Николаем Клюевым. Но 1935-й Егунову пришлось провести в селе Подгорном, не имея возможности заниматься филологической работой.

По окончании срока ссылки Андрей Николаевич съездил в Ленинград повидать мать и жену Т. В. Данилову (они поженились в 1930 году), но остаться там не смог, так как был лишен права на ленинградскую прописку. Он вернулся в Томск, получил место старшего преподавателя кафедры иностранных языков Томского университета и работал там до 1938 года.

В конце 1938-го Егунов перебрался поближе к Ленинграду, в Новгород, бывший в то время средоточием многих бывших заключенных, так или иначе связанных с северной столицей. В круг общения Андрея Николаевича входили ссыльные и уже прошедшие ссылку ленинградцы: религиозный философ Сергей Аскольдов, сёстры Зинаиды Гиппиус Татьяна и Наталья, филолог, богослов, врач Иван Андреевский. В Новгород к Егунову приехали мать и младший брат Александр (1905–1980) – прозаик, публиковавшийся под псевдонимом Александр Котлин (по названию острова, на котором находится Кронштадт).

В 1940 году Егунов получил часы для преподавания латыни и греческого в Ленинградском университете, приезжал из Новгорода на занятия. Но в 1941-м ему отказали в этой работе из-за отсутствия прописки в Ленинграде.

Время испытаний

В Новгороде Андрея Николаевича застала война и оккупация. В 1942 году он был вывезен вместе с матерью в Германию, в Нойштадт.

После Победы Егунов около года жил в Берлине, преподавал немецкий язык служившим там советским офицерам. А потом, в сентябре 1946-го, попытался перейти в американскую зону, но американцы передали его советской стороне в соответствии с действовавшим между союзниками соглашением. Егунов был осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Вначале его привезли по этапу в Сибирь – прямо из Берлина, потом он отбывал наказание в Казахстане.

Его реабилитировали за несколько месяцев до окончания срока, и реабилитация позволила ему вернуться в Ленинград. Ни матери, ни жены в этому времени уже не было в живых. Андрею Николаевичу предоставила кров Анна Гипси – сестра его соученика по Тенишевскому училищу и соавтора Николая Васильева. А через четыре года он получил комнату на Васильевском острове.

Последние годы

С осени 1956 до 1962 года Егунов работал в Пушкинском доме, в секторе взаимосвязи русской и зарубежной литератур, у академика Михаила Павловича Алексеева, не раз заявлявшего Андрею Николаевичу, которому так и не пришлось получить какую-либо ученую степень: «Мы считаем вас доктором».

Получив, наконец, возможность работать, Егунов занимался, в основном, проблемой заимствований античной культуры в России XVIII–XIX вв., не оставляя и переводческого дела. В 1964 году в издательстве «Наука» вышла в свет книга, над которой он работал несколько лет, – «Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков». Значение этого исследования для филологии трудно переоценить.

В то же время Андрей Николаевич, побуждаемый к тому молодыми друзьями, записал всё, что сохранила память из ранее написанных стихов, в большинстве своем утраченных вместе с архивом в годы войны. Всего сохранилось около 50 стихотворений – примерно половина из написанных; они составили сборник «Елисейские радости». Сохранилась и поздняя редакция поэмы «Беспредметная юность»; ранний вариант поэмы был найден в архиве Михаила Кузмина уже после смерти Егунова.

Последние годы принесли Егунову некоторое успокоение: возможность жить в родном городе, общаться с друзьями юности, возвращение в родную стихию языков и творчества.

3 октября 1968 года после скоротечной болезни Андрей Николаевич Егунов умер в одной из онкологических больниц Ленинграда. 6 октября, после панихиды в Князь-Владимирском соборе, был похоронен на Северном кладбище в Парголове.

Неизданной осталась обширная работа «Гнедич и западноевропейская литература». Не была закончена статья о взаимосвязи шубертовского квинтета «Форель» и поэмы Михаила Кузмина «Форель разбивает лед». Лишь в 1997 году был опубликован очерк «Атрибуция и антитеза в классической филологии»…

* * *

Всякий раз, открывая полузабытые имена литераторов, чья жизнь и творчество пришлись на суровые времена двадцатого века, вновь и вновь поражаешься поистине безбрежному богатству русской литературы. Россия – литературоцентричная страна, где Слово во многом определяет бытие и сознание, где авторитет Слова сокрушал устои и давал нравственные уроки.

Эти люди, которые, как кажется, несправедливо ушли в забвение, на самом деле остались с нами, рядом. Они живы, пока живы их произведения, отразившие их эпоху.

Подборка стихов Андрея Егунова (Николева)
Источник: 45-я параллель

* * *

Под вечерок, окончив труд,
исполнив честно нужный Pensum,
там на лужайке добрый люд
пьет пиво и горланит песни.
Студентов юный, бурный круг –
noch einen Krug – пример народу,
чтоб, шляпу сняв, среди подруг
воспеть и радость и природу
(себя и благость и натуру,
и прехорошенькую дуру),
а после, возвратясь домой,
в восторгах соблюдая меру,
усесться с свежей головой
за примечания к Гомеру.

1930

* * *

Будь я из золота, тогда –
и если б был из серебра,
тогда полночная пора
мне б показалась недобра.
Но ты – земля, и я земля
(заелисейские поля),
я на тебе пасусь, пасусь,
тобою от тебя спасусь –
то наслаждение, не страх,
не обращение во прах.
Певучесть длинная в ногах,
из бедер полый небосвод
и впалый, как луна, живот –
чуть только я с тобой возлег,
нет ничего, есть только Бог.

1935

* * *

За чаепитием воскресным
мне интересны и прелестны
равно и крендель и хозяин.
Одушевленнейших предметов
и речи неодушевленной
благожелательный свидетель,
сижу, простое изваянье,
с наружностию мнимо-грустной,
напиток попиваю вкусный,
и белым голуби пометом
мне плечи твердые марают,
и ветви с ветерком играют.

1933

* * *

Загробный вьется мотылек,
то близок, то почти далек,
с его невзрачного лица
без восклицанья, без исканья
слетает липкая пыльца
на заводи прохладный лак
и на нахально вопиющих
разлегшихся
и не перестающих нукать:
«А ну прыгнуть тебе слабо!»

Колени подняты с мольбой:
«О ты, отец, повсюду сущий,
вы, ангелические кущи,
лечу туда сейчас с обрыва,
мои подошвы видит небо».

1935

* * *

И шейный срез, пахучий и сырой,
от делать нечего он трогает порой,
по слойке круговой закон моей природы
стараясь разгадать, пережитые годы
обводит пальцем он без всякого усилья,
скользит по связкам и по сухожильям,
упорствует в насвистываемом марше:
«О больше тридцати? Так ты меня постарше» –
откинулся, прилег, и лес стоит над ним,
над неказненным, неказистым, никаким.

1934

* * *

Лежу в объятиях стихов,
качайся, утлая кровать,
любимому нельзя соврать:
да, утром ждет другой мой милый,
мой милый чай, и хлеб, и масло.
Звезда вечерняя погасла,
любвеобильные мечты
из снов и легкой пустоты.

1942

* * *

Не в комнате, а в Нем одном
(свет запредельный за окном)
сижу и словно каюсь.

Такой-то час, такой-то день –
в число любое миг одень,
к которому я прикасаюсь.

23 февраля 1942

* * *

«Эридисе, Эридисе!»
я фальшивлю, не сердися:
слух остался в преисподней,
мне не по себе сегодня –
всюду в каше люди, груди,
залпы тысячи орудий.
Неужель это не будет,
чтобы мир, не вовсе дикий,
вспоминал об Евридике?

1942

* * *

По тем ступеням, по которым
теперь спускаюсь шагом скорым,
был и подъем по ним ничтожен?
На тех ступенях, на которых
разношуршащий этот ворох
стопою шаткой потревожен?
По тем ступеням, по которым –
ничтожен тоже, ну так что же:
хорош опавших листьев шорох
на тех ступенях, на которых.

1947-1955

* * *

Центр города, центавры на мосту,
уединенные, как на посту в пустыне.
Но ничего, что ночь сошла с долины
и стынет, длинная, и для меня все те же
прохожие, бестрепетные лани,
ведь я не руки простираю – длани.
Кентавр разнообразием хорош:
лик надоест – косматостью утешит,
как пахнет шерстка сном неодиноким;
и хлебом, и дымящеюся миской,
и хлевом, и божественностью близкой
после зеленой скачки по лугам.

1964

* * *

Для наших русых – русичей иль россов –
среди помойных ям и собственных отбросов
мир оказался тесен, и в ничто
они себя спихнуть старались разом.
Пустые розы на откосе у траншеи,
уже пустой,
болтаются, как голова на шее,
и шепотом кивают соловьям,
зиянье ям преображая в песень:
вы, вы вымерли, и мы хотим за вами,
о Боже мой, кто нас сорвет,
кто нас возьмет домой,
в жилище призраков и русых и российских,
убийственных, витийственных и низких?

29-30 июня 1966

Читайте также статью Тины Гай «Андрей Егунов: осколки Серебряного века»

Художники Пушкинского общества

Алекс Контр

Алекс Контр родился во Владивостоке. По основному образованию, полученному в университете Владивостока, – филолог, специалист по японскому языку и литературе. Преподавал японский язык, много раз бывал в Японии. В 1996 г. переехал в США, три года жил в Сан-Франциско, после этого перебрался в Нью-Йорк.

Во время учёбы в университете факультативно закончил художественное отделение Дальневосточного института искусств. С тех пор активно занимается живописью. Позже окончил Tokyo Institute of Calligraphy Art и San Francisco College of Visual Art.

Алекс Контр работает только маслом на холсте, в фигуративном стиле. Предпочитает картины среднего размера. В одном из интервью художник говорит: «Я не портретист, не пейзажист, не маринист, я люблю сюжетные картины, типа баталий, диарам. На моих картинах всегда масса народа, и каждый, даже маленький персонаж на заднем плане, что-то делает, чем-то занят, жизнь кипит». Важную роль в творчестве художника занимает эротика, которая, по его совместному с Достоевским выражению, «спасёт мир».

Картины Алекса Контра выставлялись на многих выставках, включая Центральную синагогу Нью-Йорка.

Член Writers and Artists Guild of America, West.

Аэропорт, 100 x 80 см, масло-холст, 2016.

Реальный терминал в прошлом авиакомпании Pan American аэропорта JFK. Сейчас здесь отель.

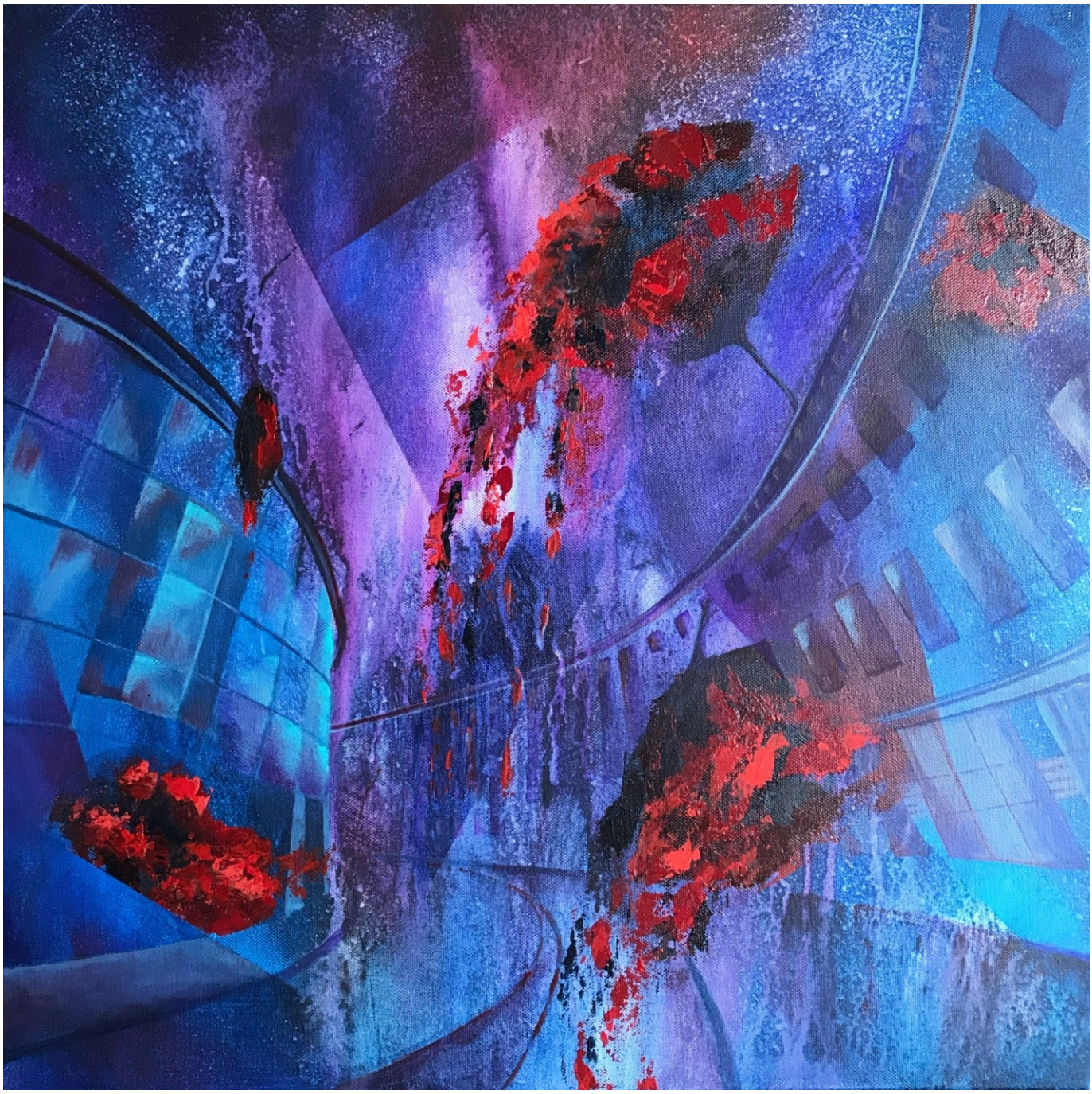
Brooklyn Bridge 1884, 120 x 90 см, масло-холст, 2019.

Реальная история моста – шествие цирковых животных в 1884 г. продемонстрировало прочность конструкции. Впереди слонов, верблюдов, ослов шла Эмилия Роблинг, супруга инженера Роблинга, не дожившего до окончания строительства моста. В руках у Эмилии сидел петух.

100 лет Революции – 1917-2017, 100 x 80 см, масло-холст, 2017

Нонна Пидвальна

Нонна Пидвальна выросла среди степей Донбасса. Свое профессиональное становление начинала в Киеве. Окончила институт иностранных языков. Занималась со студентами в Буче. Там впервые попробовала роспись по шёлку. Однако более серьёзно увлеклась живописью уже в США. Акрил и сухая пастель помогают ей передавать внутренние эмоции и вдохновение от окружающего мира. Картины художницы наполнены яркими красками. Они украшают многие домашние коллекции в разных штатах Америки. В 2019 году Нонна выпустила серию «Моменты жизни», в которой каждая картина сопровождается написанными ею стихами.



Интерконтиненталь. Холст, акрил, 20 x 20 дюймов

По дну Красного моря. Холст, акрил, пастель 24 x 16 дюймов

Игра волн. Холст, акрил, 20 x 20 дюймов

Леся Верба

Леся Верба – певица, художник-дизайнер, автор песен, бандуристка, муралист – с легкостью меняет образы и погружает в атмосферу от музыки эпохи ар-деко, прогрессивный ню урбан джаз и женственную смесь культур в духе сестер Берри.

Исполняет песни на украинском, русском, английском, итальянском языках и на идиш.

В 2020-м вышел авторский альбом «Золоте» в союзе с поэтессой Марианной Кияновской (обладательницей Национальной премии Украины имени Тараса Шевченко).

Солистка одесско-киевского проекта «Любимые песни Утесова», экс-солистка муниципального джазового биг-бэнда, актриса шоу-кабаре «Co Co L'Amour» и театра абсурда «Дом Клоунов» (Одесса).

Как художник Леся Верба дебютировала в начале 2000-х с картинами-«одеялами» в авторской текстильной технике. Одесситку приняли в творческое объединение «Газгольдер», а первая экспозиция была представлена на Биеннале московского современного искусства в проекте «Верю» (куратор Олег Кулик). Персональные выставки и концерты – от этно-джаза до электронных экспериментов. Ее работы в частных коллекциях Питера Гринуэя и топ-модели Александры Пивоваровой.

Автор музыкального мурала на здании театра духовой музыки им. Салика – участник международного проекта «Odessarium», 2018.

Автор мурала в Киеве на Андреевском спуске по мотивам украинской классики Михаила Старицкого «За двумя зайцами», 2019.

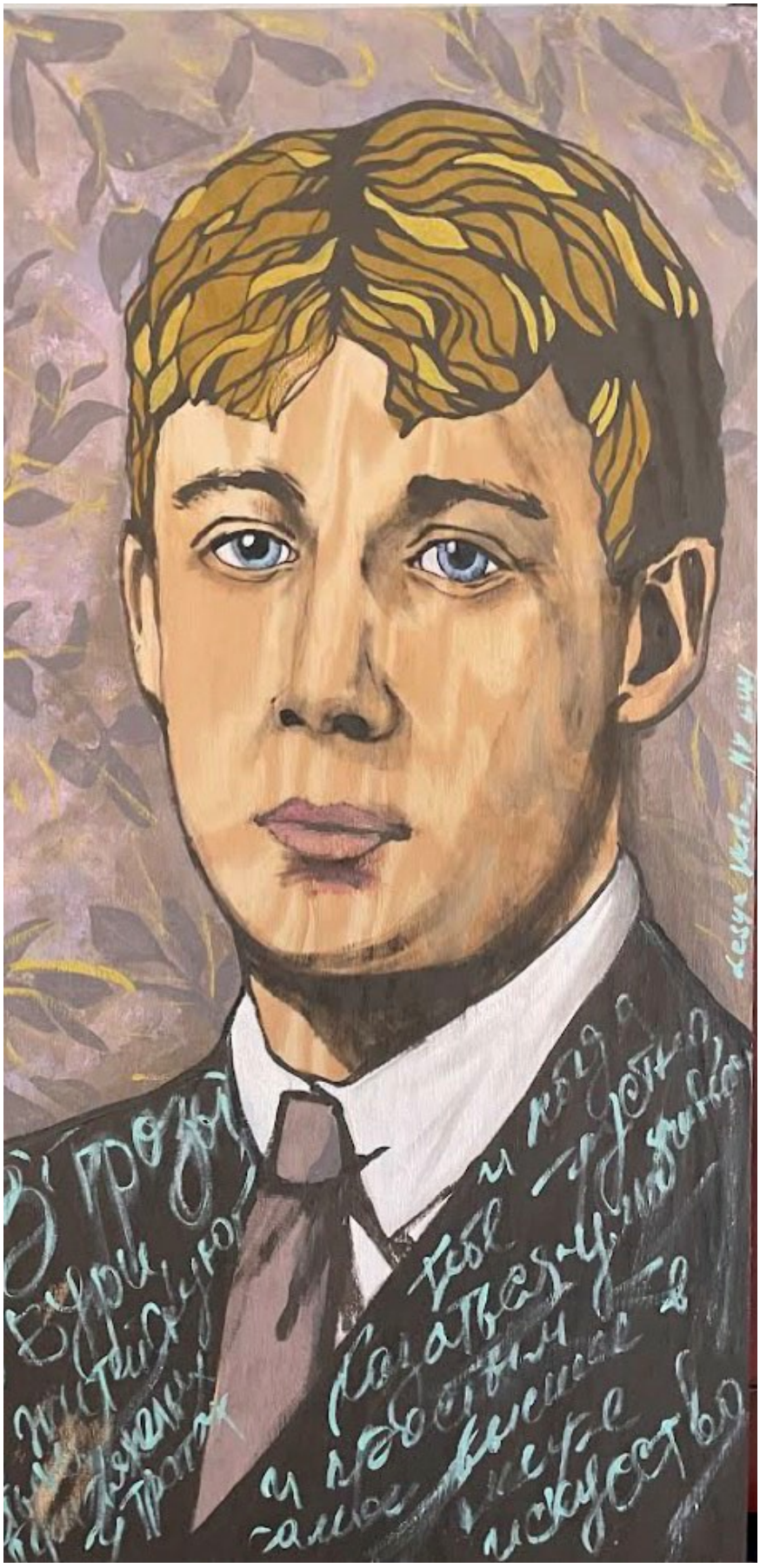
Вокальный видео-перфоманс, посвящённый Александру Вертинскому (Одесса, галерея «Invogue art», 2020) перерос в масштабную экспозицию – проект «I'mGrand/t» и представлен на персональной выставке в одесском Музее западного и восточного искусства.

В 2020-м создаёт сборник песен «История неОДЕССКИХ песен» с авторскими иллюстрациями, биографией песен, нотами и CD диском, где исполняет эти песни с одесским клейзмер-бендом. После выхода становится членом Союза писателей Северной Америки.

В 2021-м в Одессе по заказу посольства государства Израиль в рамках проекта «Art speaks History» (Украина-Израиль) художница создаёт мурал, посвящённый Владимиру (Зееву) Жаботинскому. Также оставляет в подарок родному двору в Одессе роспись стены – мурал, посвящённый писателю Аркадию Львову, который также жил по этому адресу и иммигрировал в Нью-Йорк.

Леся Верба на youtube.

Александр Сергеевич, 2021. 120 x 60 см. Фанера, акрил



Сергей Александрович, 2021. 120 x 60 см. Фанера, акрил

Офелия, 2012. 220 x 200 см. Панно-одеяло, атлас, аппликация по ткани, авторская техника.

Содержание

Автор идеи выпуска Вестника: *Р. В. Полчанинов*

Президент: ***Виктория Курченко, к.и.н.***

Редколлегия: ***Наталия Мизури*, *Борис Борукаев***
Инна Грубмайр, к.ф.н.

Ответственный редактор: ***Дмитрий Гаранин***

Электронная почта: *Dmitry Garanin* <einschlag@gmail.com>

Пушкинское общество Америки: http://www.americanpushkinsociety.com